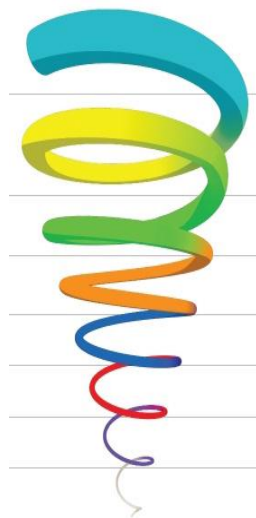

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Будаев Э.В.
Ворошилова М.Б.
Руженцева Н.Б.

**ЭВОЛЮЦИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ:
МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ**

Екатеринбург 2017

УДК 81'42:34
ББК Ш105.51
Б90

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве научного издания (Решение № 47 от 25.12.2017)

Будаев, Э. В.
Б90 Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы
[Текст] : монография / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Н. Б. Руженцева ;
Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 201 с.

ISBN 978-5-7186-1027-7

В монографии представлена история возникновения юридической лингвистики, методико-методологическая база исследования конфликтных текстов.

Материалы предназначены для лингвистов и всех, кто интересуется проблемами лингвистической экспертизы.

УДК 81'42:34
ББК Ш105.51

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

ISBN 978-5-7186-1027-7

© Будаев Э. В., Ворошилова М. Б.,
Руженцева Н. Б., 2018
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Зарубежная юридическая лингвистика: становление и проблематика (Будаев Э.В.)	7
1. Генезис юридической лингвистики	7
2. Судебная фонетика	12
2.1. Становление судебной фонетики	12
2.2. Основные проблемы судебной фонетики в последней трети XX в. – начале XXI в.	19
3. Проблемы анализа текста в зарубежной юридической лингвистике	29
3.1. Атрибуция текста как источник формирования юридической лингвистики	29
3.2. Лингвистические отпечатки пальцев	32
3.3. Синтаксический анализ К. Часки и стандарт Дауберта	35
3.4. Анализ плагиата	37
3.5. Профилирование авторства	39
3.6. О жанровой специфике текстов в юридической лингвистике	40
3.7. Методологические особенности исследования атрибуции текста в юридической лингвистике XXI в.	43
ГЛАВА II. Взаимодействие языка, права и политики: методология и методы отечественной юрислингвистики (Руженцева Н.Б.)	62
1. Направление, включающее исследования в области государственной языковой политики	64
2. Лексикографическое направление	65
3. Историческое направление	67
4. Терминологическое направление	67
5. Жанрово-стилистическое направление	73
6. Прагматико-риторическое направление	74
7. Направление, связанное с проблемами межкультурной коммуникации и переводом текстов	80
8. Нормативное направление	81
9. Лингвоконфликтологическое направление	83
10. Лингвоэкспертное направление	88

ГЛАВА III. Методология, методы и методики анализа креолизованного текста (Ворошилова М.Б.)	125
1. Креолизованный текст: синтезированный комплекс методологических парадигм	125
1.1. Креолизованная метафора: методологические принципы и схема анализа	129
1.2. Психолингвистические методы исследования креолизованного текста	132
1.3. Фоносемантический анализ как инструмент экспертизы креолизованного текста	139
2. Креолизованное сообщение как орудие экстремистского дискурса: методики и методы анализа вербального и визуального ряда	145
2.1. Типы креолизованных текстов в современном экстремистском дискурсе	145
2.2. Смеховые (юмористические) технологии в современном экстремистском дискурсе	148
2.3. Граффити как орудие националистического дискурса: тема-рематический, структурный и семиотический анализ	151
2.4. Националистическая кричалка: к вопросу об идентификации жанра (предметно-смысловое содержание)	158
2.5. Спортивный экстремизм: к проблеме жанровой характеристики кричалки в дискурсе футбольных фанатов	162
3. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе (определение понятия и типологизация)	167
3.1. Свастика в молодежной субкультуре: принципы и методы анализа символики	171

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистика XXI века затрагивает уже не только вопросы функционирования языка и речи, но и используется в качестве необходимого прикладного инструмента в совершенно иных областях. В условиях современного социума лингвистический аспект становится актуален для решения и юридических практических задач. Наша монография раскрывает проблемы, возникающие на пересечении языковых и правовых факторов бытования человека в современном мире.

Первая глава «Зарубежная юридическая лингвистика: становление и проблематика» написана Э.В. Будаевым, доктором филологических наук, автором многочисленных публикаций на тему политической лингвистики.

Основная задача настоящей главы состоит в ознакомлении читателей с историей возникновения, идеями, методами и ведущими направлениями зарубежной юридической лингвистики – относительно новой, активно развивающейся науки, которая занимается изучением использования эвристик лингвистики в решении проблем, возникающих в области юриспруденции.

Зарубежная юридическая лингвистика прошла полувековой путь развития, на котором были как ошибки и тупиковые направления (например, преувеличение значения аудиального опознания или ложные идеи об «отпечатках голоса»), так и значимые находки и достижения, приводившие к раскрытию громких преступлений.

В России лингвистическая экспертиза зарождалась и развивалась в тесной взаимосвязи языка, права и политики, что обусловило не только собственный вектор развития, но и иное методологическое наполнение. Автор следующей главы «**Взаимодействие языка, права и политики: методология и методы отечественной юрислингвистики**», доктор филологических наук Н.Б. Руженцева представляет иной ракурс реализации юридической лингвистики.

Предметом данного раздела монографии является язык, функционирующий в политико-правовом пространстве. В свою очередь, задачей данного раздела монографии является обзор методико-методологической базы исследования текстов, отражающих взаимодействие трех предметных областей – языка, права и политики. В качестве отправной точки для описания методико-методологической базы мы использовали принцип

структурирования исследовательского материала по направлениям анализа, который широко используется как в политической, так и в юридической лингвистике. Со своей стороны, внутри каждого направления мы сделали попытку охарактеризовать релевантные для него методы и методики.

Таким образом, тексты, отражающие взаимодействие политики и права, исследуются в настоящее время по целому ряду направлений. Эти направления включают исследования в областях государственного языка, межкультурной коммуникации и перевода, лексикографии, истории, терминологии, жанрово-стилистической, прагматико-риторической и нормативной спецификации текстов, а также комплексные исследования в области лингвоконфликтологии и лингвистической экспертизы. Наиболее активно развиваются два последних направления, в рамках которых используется целый ряд методов и методик исследований конфликтных (спорных) произведений речи (политических и экстремистских текстов). Активно развивается в настоящее время и психолингвистическое направление, о котором пойдет речь в следующих разделах данной монографии.

Завершающая глава **«Методология, методы и методики анализа креолизованного текста»** представлена кандидатом филологических наук М.Б. Ворошиловой.

На примере реальных уголовных и административных дел показана сущность методов лингвистических экспертиз креолизованного текста, который в XXI в. стал неотъемлемой частью современной коммуникации. Особое внимание автор уделяет типам и жанрам экстремистского текста, так как в последнее время мы видим возросший интерес молодежи к политическим и социальным проблемам нашей страны. Эти главы содержат описание репертуара методов и методик, применяемых для исследования сообщений, включающих, главным образом, два семиотических ряда – вербальный и визуальный. В свою очередь, в разделе «Фоносемантический анализ как инструмент экспертизы креолизованного текста» автором предлагается оригинальная методика исследования акустического ряда, элементы которой представлены и в других разделах главы.

ГЛАВА I.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА

1. ГЕНЕЗИС ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Всякое научное направление формируется в течение определенного периода времени и однозначно определить момент его возникновения едва ли возможно. Однако известно, когда возник сам термин. Словосочетание *Forensic Linguistics* было впервые использовано профессором Яном Свартвиком в 1968 г. в книге «The Evans statements: A case for forensic linguistics» [Svartvik 1968] в контексте лингвистического анализа показаний Тимоти Эванса. В 1949 г. семья Тимоти Эванса (беременная жена и маленькая дочь) были убиты в их квартире. Самого Т. Эванса арестовали и приговорили к смертной казни. Через несколько лет после казни было доказано, что казненный не только не совершал этих убийств, но и верно называл имя убийцы в ходе судебного заседания. Этот случай – одна из самых известных судебных ошибок в истории, которая была тесно связана с проблемой определения достоверности судебных показаний.

Исследования в области лингвистического анализа юридической речи проводились и до появления термина *forensic linguistics*. Среди ранних работ в данной области можно отметить монографию Дэвида Мельникоффа *The Language of the Law* [Mellinkoff 1963], в которой американский исследователь, имевший большой опыт участия в судебных заседаниях, предложил новый взгляд на язык права, призывая совмещать пресловутую «точность» юридического языка со здравым смыслом и нормами естественной речи. Эта работа носила общелингвистический характер. Если же применять к рассматриваемому научному направлению структуру внутренней лингвистики, то следует отметить, что отдельные направления юридической лингвистики, например, судебная фонетика и атрибуция текстов развивались независимо друг друга и только потом были объединены под зонтичным термином *forensic linguistics*. Зарубежная юридическая лингвистика первоначально формировалась как судебная лингвистика, поэтому термин *forensic linguistics* обычно переводится на русский язык в зависимости от контекста как «лингвистическая экспертиза» или как «судебная лингвистика». Если же имеется в виду более широкий контекст, то в русском языке используются словосо-

четания «юридическая лингвистика» или «правовая лингвистика», которые ближе английскому понятию *legal linguistics* или словосочетанию *language and law*, охватывающему широкий круг проблем взаимодействия языка и права.

Центрами становления юридической лингвистики были страны англосаксонского права (в первую очередь, США и Великобритания).

Импульсом для развития юридической лингвистики в Великобритании стали проблемы, возникающие в ходе допроса свидетелей. В Соединенном Королевстве долгое время использовались так называемые “Judges' Rules” – правила допроса свидетелей и получения показаний. Согласно этим правилам, подозреваемые диктовали показания полицейским, которые должны были их записывать, не перебивая. Допускались только уточняющие вопросы. На практике эти правила никогда не соблюдались. Полицейские задавали вопросы и записывали показания не совсем так, как говорили допрашиваемые, а в так называемом «полицейском регистре» (*police register*). Авторы этих правил, видимо, не осознавали, что записывать устные показания без обработки – непростая задача. У полицейских выработались свои правила записи и корректировки показаний, которые использовались, в том числе, для злоупотреблений. В связи с этим постоянно возникали вопросы об аутентичности показаний, что в конечном счете привело к привлечению профессиональных лингвистов к разрешению правовых проблем.

В США юридическая лингвистика формировалась немного иначе, хотя стимулом тоже послужили проблемы, связанные с процессом допроса. В 1963 г. некий Э. Миранда был осужден за совершение вооруженного ограбления. Впоследствии обвиняемый заявил, что не понял, что у него было право хранить молчание и право на адвоката во время допроса. В 1966 г. апелляционный суд пересмотрел его дело и отменил обвинительный приговор. После этого полицейских обязали сообщать задержанным о праве хранить молчание, праве на адвоката и о том, что все сказанное может быть впоследствии использовано против подозреваемых.

Однако применение данного правила породило новые вопросы. Профессор Роджер Шуи [Shuy 1997], которого считают одним из основателей юридической лингвистики в США, отмечает особенность новых правил: они подразумевали, что признание должно быть добровольным, допрос не должен быть принудительным, а задержанных необходимо спрашивать понимают ли они

свои права. Вместе с тем видеозаписи допросов свидетельствовали о том, что зачитывание прав не означает понимания этих прав задержанными. Работы Р. Шуи и других американских исследователей о «проблеме Миранды» послужили отправной точкой для тесного переплетения юриспруденции и лингвистики в США.

В дальнейшем проблемное поле юридической лингвистики расширилось до современного его понимания, но одновременно детализировались отдельные области научных изысканий. Так, Р. Шуи, опираясь на большой опыт участия в судебных заседаниях, выпустил серию монографий, каждая из которых посвящена судебным дискурсам, связанным с разбирательством конкретных видов преступлений: клеветы [Shuy 2010], лжесвидетельства [Shuy 2011], сексуальных преступлений [Shuy 2012], взяточничества [Shuy 2013], убийства [Shuy 2014].

Второй предпосылкой для пересечения двух научных направлений в США послужили судебные разбирательства по поводу торговых марок. Показательный пример – иск владельцев мультинациональной сети быстрого питания *McDonalds* к компании *Quality Inns International*, анонсировавшей открытие сети гостиниц эконом класса под названием *McSleep* [Levi, 1994: 5]. В данном случае речь шла не о слове или словосочетании, а о морфологическом принципе присоединения морфемы *Mc* к общеупотребительным существительным, не защищенным авторским правом.

Лингвисты Дж. Лентин и Р. Шуи, привлеченные к судебному разбирательству в качестве экспертов, показали, что префикс *Mc* использовался в коммерческих целях и ранее, и по этой причине у *McDonalds* нет исключительного права на этот принцип словообразования. Вместе с тем суд встал на сторону истца и не позволил открыть сеть мотелей под названием *McSleep*. Впоследствии Р. Шуи неоднократно привлекался к разбирательству подобных дел, подробно описанных им в монографии “Linguistic Battles in Trademark Disputes” («Лингвистические битвы в спорах о торговых марках») [Shuy 2002].

В Австралии юрислингвистика формируется в 1980-х гг. XX в. как прикладное направление социолингвистики, призванное способствовать соблюдению прав подозреваемых. Отправной точкой послужили трудности, которые возникали во время допросов говорящих на английском языке австралийских аборигенов (Australian Aboriginal English) [Eades 1994; Gibbons 2003]. Белые полицейские исходили из предпосылки,

что допрашиваемые говорят на том же самом языке, что и допрашивающие, что вело к неверному толкованию показаний. Дело в том, что английский язык австралийских аборигенов включает в себя несколько вариантов, сформировавшихся в различных частях континента. Каждый из этих вариантов имеет особенности в фонетике, грамматике, лексике и семантике. Совокупность этих вариантов представляет собой континуум переходных форм, занимающих промежуточное положение между английским вариантом английского языка (так называемым «языком белых австралийцев» – “white English”) и языком криол (Kriol), который не является вариантом английского языка. Криол – креольский язык, который ведет происхождение от пиджина, сформировавшегося в Новом Южном Уэльсе в период ранней колонизации. К собственно языковым причинам недопонимания добавлялись межкультурные и прагматические факторы. В частности, неконфронтационный характер речевого поведения аборигенов ложно трактовался полицейскими как признание вины.

Еще одним импульсом для пересечения лингвистики и юриспруденции в Австралии послужили исследования того, как аборигены, выступающие в роли свидетелей и обвиняемых, понимали судебный процесс, а также анализ межкультурных различий в осмыслении судебных феноменов аборигенами и белыми австралийцами [Walsh 1994]. В частности, было показано, что система допроса в ходе судебного заседания чужда культурным доминантам аборигенов, а их реакция на этот межкультурный конфликт трактуется не в культурологическом, а в правовом контексте [Gibbons 1994: 198]. Большой опыт работы в австралийских судах в качестве эксперта-лингвиста нашел отражение в книге Джона Гиббонса [Gibbons 2003].

Значительное развитие юридическая лингвистика получила в Германии. В англосаксонских странах данная научная дисциплина развивалась благодаря усилиям ученых-энтузиастов, которые иногда сотрудничали с органами правопорядка и судебными инстанциями, а иногда и выступали с экспертными заключениями, которых от них не требовали, что нередко приводило к игнорированию экспертных мнений лингвистов. Немецкие ученые изначально работали в тесном взаимодействии с органами правопорядка, что позволило немецкой школе юридической лингвистики, возникшей позже, чем в англосаксонских странах, избежать ошибок становления, с кото-

рыми столкнулась эта область научных интересов в США и Великобритании. Именно Федеральное ведомство уголовной полиции Германии организовало первую конференцию по юридической лингвистике в 1988 г.

Первая британская конференция по юридической лингвистике состоялась в Бирмингемском университете в 1992 г., а год спустя была образована Международная ассоциация по юридической лингвистике. В 1994 г. начал выходить специализированный журнал “Forensic Linguistics”, посвященный вопросам судебной лингвистики, который в 2003 г. был переименован в “International Journal of Speech, Language and the Law”. Новое название отразило не только расширение географического ареала распространения данной научной дисциплины, но и расширение ее предмета.

На рубеже тысячелетий юридическая лингвистика проникает в сферу образования. В 1999 г. в Кардиффском университете в магистерскую программу был введен курс юридической лингвистики. В 2008 г. был открыт Центр юридической лингвистики в Астонском университете [Ariani et al. 2014]. В 2000-х гг. выходят первые учебники и пособия по юридической лингвистике [Coulthard, Johnson 2007; Gibbons 2003; Olsson 2008; Shuy 2006].

От общего обзора генезиса юридической лингвистики перейдем к рассмотрению основных проблемных вопросов, решение которых и инициировало возникновение и оформление данного направления в зарубежной науке.

2. СУДЕБНАЯ ФОНЕТИКА

Не будет преувеличением сказать, что важнейшим импульсом для становления зарубежной юридической лингвистики послужили проблемы судебной фонетики как в хронологическом аспекте, так и по тому месту, которое фонетические исследования занимали и занимают в юридической лингвистике. Центральная проблема судебной фонетики – идентификация личности по голосу, с которой и началось формирование этого направления исследований.

2.1. Становление судебной фонетики

Один из первых случаев, когда в судебном разбирательстве важную роль сыграл вопрос идентификации личности по голосу, произошел в США. В 1932 г. был похищен сын Чарльза Линдберга, знаменитого американского летчика, который прославился тем, что совершил первый в истории перелет через Атлантический океан. Ч. Линдбергу поступило требование заплатить выкуп в 50 тысяч долларов. Деньги были заплачены, но сына так и не вернули. Через некоторое время был найден труп мальчика, который, как показала экспертиза, был убит через несколько часов после похищения.

Спустя некоторое время полиция задержала некоего Бруно Хауптмана, чей почерк оказался похож на почерк, которым было написано требование о выкупе. Общественное возмущение было столь велико, что возникла большая обеспокоенность в связи с тем, что власти не смогут защитить подозреваемого. Через два года во время судебного разбирательства Ч. Линдберг заявил, что он опознал голос Б. Хауптмана, который он слышал дважды до этого – один раз по телефону, в другой раз во время краткой встречи в ночной темноте. Это заявление имело большой резонанс. Б. Хауптман был признан виновным в похищении и преднамеренном убийстве и казнен на электрическом стуле.

Мало кто сомневался в верности идентификации голоса Ч. Линдбергом, кроме психолога Фрэнсис МакГи. Последнюю заинтересовал не вопрос виновности или невиновности Б. Хауптмана (были и другие улики помимо заявления Ч. Линдберга), а возможность идентификации голоса спустя такое длительное время. Она провела несколько исследований [McGehee 1937, 1944], в которых было показано, что вероятность ошибки идентификации голоса через несколько лет после его восприятия очень высока.

В первом исследовании Фрэнсис МакГи оратор, стоя за непрозрачным экраном, читал вслух отрывок текста из 56 слов. Слушатели (740 студентов) были разделены на 15 различных групп, каждая из которых была предназначена для разных вариаций эксперимента. В целом процедура идентификации была простой: сначала члены каждой группы слушали голос оратора, а затем снова слушали эту же фразу, но помимо первого оратора ее зачитывали еще пять человек. Слушатели должны были записать номер оратора, которого, по их мнению, они слышали изначально.

Фрэнсис МакГи повторяла эту процедуру через один, два и три дня, затем через одну, две, три недели и через один, три и пять месяцев (для разных временных показателей использовались разные группы испытуемых, для чего понадобилось столь большое число студентов).

Помимо временного параметра анализировалась зависимость успешной идентификации от таких факторов, как пол слушателя, наличие иностранного акцента, намеренное искажение голоса оратором и т.п. Основным же результатом, полученным исследователем, – констатация факта банального забывания особенностей аудиальной информации с течением времени. 83 % испытуемых верно идентифицировали голос оратора через один день после первого предъявления аудиотекста, но уже через две недели этот показатель был равен 68 %, через три месяца – 35 %, через пять месяцев – всего 13 % [McGehee 1937]. Во втором исследовании Ф. МакГи [McGehee 1944] процедура эксперимента была усложнена, но полученные результаты подтвердили ранние изыскания.

Во время Второй мировой войны актуальность проблемы идентификации голоса только усилилась. Среди примеров привлечения фонетистов к решению задач подобного рода – дело о заговоре немецких генералов против Адольфа Гитлера, который привел к покушению на фюрера 20 июля 1944 года. В этот день в «Волчьем логове», главной ставке А. Гитлера, находившейся в Восточной Пруссии, произошел взрыв, в результате которого погибло несколько штабных офицеров.

О попытке свержения нацистского правительства стало известно во всем мире, однако одни считали, что Гитлер погиб, другие же больше доверяли данным министра пропаганды Йозефа Геббельса. Было ясно, что агенты стран союзников получили задание выяснить правду, но на его выполнение понадобилось бы довольно много времени.

Гитлер много лет выступал с речами, и значительное количество из них было записано и сохранено. После покушения кто-то продолжал произносить речи от имени Гитлера, но был ли это фюрер или кто-то другой, имитирующий его голос, никто среди союзников по антигитлеровской коалиции не знал. Для решения проблемы было привлечено несколько групп американских исследователей, которые могли бы проводить сравнения старых и новых записей нацистского лидера. Одна из этих групп состояла из нескольких фонетистов и инженеров, работавших в Университете Пердью (штат Индиана, США). Эту группу возглавил доктор М. Стир, под руководством которого исследователи уже не один год анализировали выступления Теодора Рузвельта, Франклина Рузвельта, Невилла Чемберлена, Бенито Муссолини и Адольфа Гитлера. Перед группой была поставлена задача определить, принадлежит ли голос человека, произносившего речи от имени Гитлера после покушения, действительно Адольфу Гитлеру.

Сложность поставленной задачи заключалась в том, что исследователи имело дело с голосом человека, который на протяжении многих лет подвергался психиатрической терапии, что не может не отразиться на голосе [Hollien 1990]. Вторая сложность была связана с низким качеством аудиозаписей того времени. Комбинируя собственно фонетические методы и технические возможности существовавшего тогда оборудования, исследователи пришли к выводу, что именно голос А. Гитлера звучит на последних аудиозаписях, что позднее подтвердили данные разведки. Эта была первая попытка комплексного анализа по идентификации голоса (в зарубежной науке это направление исследований стало обозначаться аббревиатурой SPID от словосочетания Speaker Identification and Detection).

Крупным центром, работавшим в данном направлении в 40-е гг. XX в., были Лаборатории Белла (Bell Laboratories). Ученые этого исследовательского центра создали сонаграф (Sona-graph), разновидность звукового спектрографа, позволявшую представлять голосовую информацию в графическом виде. Данное изобретение инициировало разработку метода визуального анализа речи, применявшегося для идентификации по «отпечаткам голоса» (voiceprint identification) (подобно идентификации по отпечаткам пальцев) [Potter 1945; Potter et al. 1947]. В те годы подобные исследования проводились и в СССР (описанные, в частности, по воспоминаниям о спецтюремь МВД–МГБ в романе А. Солженицына «В круге первом»).

В послевоенные десятилетия наблюдается активное применение фонетических процедур в полицейских расследованиях. Так, значительное распространение получило аудиальное опознание, на которое возлагали большие надежды, полагая, что оно столь же достоверно, как и визуальное опознание. К сожалению, работники полиции не имели достаточной квалификации, да и теоретических работ и прикладных исследований было явно недостаточно. В результате техники аудиального опознания варьировались от участка к участку в зависимости от представлений полицейских о том, как должна происходить данная процедура. В результате такой практики стало нарастать количество ошибок и проблем, повлекших за собой критику аудиального опознания со стороны ученых [Brandt 1977; Hollien 1990; Künzel 1987; Michel 1980; Nolan 1983; Stevens 1971; Yarmey 1995].

В 1950–1960-е гг. наблюдается рост преступлений, связанных с использованием телефонов, которые получали все большее распространение. Технический прогресс упростил коммуникацию между людьми, но одновременно привел к тому, что телефон стали использовать для анонимных угроз, предупреждений о заложенной бомбе и т.п., что заставило полицию искать методы борьбы с этими правонарушениями. В этой связи правоохранителей привлекла статья бывшего ассистента из Лабораторий Белла Л. Керсты, опубликованная в журнале “Nature” [Kersta 1962]. В работе шла речь об идентификации личности по «отпечаткам голоса», которые теоретически могли бы быть столь же достоверным методом идентификации личности, как и отпечатки пальцев. Идея об «отпечатках голоса» быстро набирала популярность, но мало кто понимал, что в основе этой аналогии лежит метафора, которая формировала ложное представление о действительности. Гипотеза о том, что существуют отпечатки голоса, оказалась неверной, но чтобы это доказать, понадобились годы судебной практики и фонетических экспертиз. Научное опровержение идеи отпечатков голоса было положено в монографии Оскара Тоси, в которой была показана несостоятельность данной гипотезы с помощью серии экспериментов [Tosi 1979].

Параллельно идее об «отпечатках голоса» в 1960-е гг. проводились эксперименты по верификации степени достоверности опознания свидетелями голосов. Начало подобным опытом положила еще Ф. МакГи в 1937 г. в связи с делом

Ч. Линдберга, продемонстрировав, что два года являются слишком большим сроком для достоверного аудиального опознания. Дальнейшее развитие это направление исследований получило у П. Брикера и С. Прузански. В отличие Ф. МакГихи экспериментаторы предлагали испытуемым не текст, а несколько слогов. Как выяснилось, 98 % слушателей верно идентифицировали визуально не наблюдаемых ораторов при повторной процедуре аудиальной идентификации, но уже на следующий день только 56 % испытуемых смогли успешно справиться с этой задачей [Bricker, Pruzansky 1966]. Эти данные показывают, что чем короче аудиотекст, тем быстрее свидетели теряют способность к верной идентификации голоса.

Указанные экспериментальные изыскания внесли значимый вклад в становление юридической лингвистики, но самый первый случай экспертной идентификации личности по голосу произошел в суде Уинчестера в 1965 г. Экспертом выступил известный британский лингвист С. Эллис, который по праву считается пионером судебной экспертизы аудиозаписей.

Британский ученый Стэнли Эллис был хорошо известен не только специалистам-филологам. Рядовые британцы хорошо знали Стэнли Эллиса благодаря увлекательным радиопередачам, которые он вел с целью популяризации диалектологии. В своих программах лингвист беседовал с местными жителями из разных районов Великобритании, обсуждая вопросы фольклора и диалектного разнообразия английского языка.

Стэнли Эллис, выпускник Кембриджского университета, служил штурманом Королевских ВВС до конца Второй мировой войны. После войны молодой исследователь работал в Лидском университете, где и защитил диссертацию о линкольнширском диалекте английского языка. Его дружелюбная и лишенная напыщенности манера общения сделала его идеальным кандидатом для участия в исследовательском проекте, посвященном исследованию британских диалектов в деревенской местности. Более десяти лет С. Эллис разъезжал по Великобритании и проводил интервьюирование местных жителей, собрав, помимо прочего, большую фонотеку, отражающую региональные особенности британской речи. Результаты полевых исследований С. Эллиса и его коллег в 313 районах Великобритании нашли отражение в четырехтомнике “Survey of English Dialects” [1962–1971], который стал фундаментальным трудом по британской диалектологии.

В 1967 г. исследователь стал первым в истории судебным экспертом, который провел успешную идентификацию личности по аудиозаписи. С тех пор С. Эллис регулярно участвовал в судебных заседаниях, требующих лингвистической экспертизы магнитофонных записей. В июне 1979 г. С. Эллис принял участие в качестве эксперта по делу «Йоркширского потрошителя» Питера Сатклиффа. Напомним эту историю, ярко иллюстрирующую цену пренебрежения научной экспертизой.

В октябре 1975 г. в британском городе Лидс неподалеку от дома был обнаружен труп Виломены Маккен. Как установили полицейские, жертва работала проституткой и была оглушена ударом тяжелого предмета по голове, а потом изрезана ножом. Через три месяца рядом с лидским парком развлечений была обнаружена вторая жертва преступника – Эмили Джексон, замужняя женщина, которая также подрабатывала проституцией. Почерк преступления не оставлял сомнения, что убийцей был один и тот же человек.

Расследование шло без особого успеха. Женщины легкого поведения неохотно шли на контакт с полицией, а добродетельные граждане не очень сочувствовали жертвам, считая случившееся закономерным возмездием за аморальное поведение. Несмотря на то что было опрошено более семи тысяч человек, следствие оказалось в тупике. Более того, начальнику полиции графства Уэст-Йоркшир пришлось издевательское письмо, в котором автор признавался в убийствах Виломены Маккен и некой Джоан Харрисон, которая была изнасилована и до смерти забита ногами в ноябре 1975 г. Криминалисты не связывали эти преступления, так как Джоан Харрисон не была проституткой, а убийство было осуществлено без оружия. Автор анонимного письма обещал продолжить свое кровавое дело и утверждал, что его никогда не поймут, как не поймали когда-то Джека Потрошителя. Криминалисты пришли к выводу, что человек, написавший письмо и представившийся «Йоркширским потрошителем», не является убийцей, но это прозвище прочно закрепилось за маньяком в общественном дискурсе.

Через несколько месяцев в Лидсе произошло еще одно нападение на проститутку, при этом жертва осталась жива, но из-за травмы головы мало что могла рассказать о маньяке. Вместе с тем обстоятельства преступления не оставляли сомнений, что это очередное преступление Йоркширского потрошителя.

Летом 1977 г. 16-летняя Джейн Макдональд возвращалась с дискотеки домой в компании друзей по ночному Лидсу. В какой-то момент она и ее товарищ отделились от остальных и направились в сторону дома Джейн. Однако до дома они не дошли – в ходе возникшей размолвки молодой человек бросил подругу посреди улицы. Оставшись одна, Джейн попыталась вызвать такси, но находившийся поблизости телефон-автомат оказался сломан. На следующий день тело убитой было обнаружено недалеко от места расставания подростков.

В отличие от предыдущих жертв, Джейн Макдональд не была проституткой. Теперь в общественном сознании сложилось четкое представление о том, что любая женщина является потенциальной жертвой Йоркширского потрошителя. Маньяк из Лидса стал самым разыскиваемым преступником Великобритании. На его поимку были брошены беспрецедентные силы, но Йоркширский потрошитель оставался для полиции невидимкой.

Информацию о маньяке разместили в СМИ, рассчитывая на самое широкое участие общества в розыске преступника. Однако результат привлечения СМИ дал неожиданный побочный эффект. В полицию стало поступать настолько большое количество писем с подозрениями и догадками, что в полиции едва успевали их читать. Было среди этого потока и письмо от человека, хорошо знавшего Питера Сатклиффа и приводившего серьезные доводы для своих подозрений. Однако в полиции на это сообщение, способное прекратить череду кровавых событий, не обратили должного внимания (это обстоятельство впоследствии привело к отставке министра МВД).

Игнорируя подобные сообщения граждан, криминалисты тщательно изучали многочисленные «послания от Йоркширского потрошителя», большинство из которых были написаны психически больными людьми, не имеющими отношения к делу. Среди этих посланий была аудиокассета, на которой «маньяк» насмехался над полицией, не способной его поймать уже на протяжении четырех лет.

Криминалисты, считавшие, что на аудиозаписи звучит голос серийного убийцы, предложили провести экспертизу магнитофонной записи Стэнли Эллису, который уже давно сотрудничал с полицией и спецслужбами. Опытный лингвист провел анализ речи и без труда определил, что голос на аудиозаписи принадлежит жителю Северо-Восточной Англии, о чем свиде-

тельствовал его уирсайдский акцент. Лингвист конкретно указал на маленькую деревню на окраине Сандерленда, откуда происходил говоривший. Опираясь на эти данные, С. Эллис заявил, что голос на аудиозаписи принадлежит не Йоркширскому потрошителю, а фальсификатору, живущему далеко от Лидса. Однако полицейские, безуспешно искавшие серийного убийцу в Западном Йоркшире, иначе восприняли экспертную оценку и в очередной раз пошли по ложному следу, отсрочив поимку убийцы на несколько лет.

Как выяснилось позже, автором аудиописьма действительно был фальсификатор Джон Хамбл (впоследствии прозванный по месту жительства «Уирсайдский Джек»), который в течение нескольких лет посылал в полицию письма от имени «Йоркширского потрошителя». Сам же Питер Сатклифф посланий полицейским никогда не отправлял, что стало известно после его поимки. Оказавшись за решеткой, серийный маньяк некоторое время успешно симулировал шизофрению, хорошо зная ее симптомы (этой болезнью болела жена П. Сатклиффа), но в итоге был приговорен к пожизненному заключению.

Долгое время фальсификатор Джон Хамбл оставался на свободе и только в 2006 г. «Уирсайдский Джек» предстал перед судом. За изготовление фальшивых писем и аудиозаписи, которые «препятствовали правосудию», фальсификатор был приговорен к восьми годам тюремного заключения. Джон Хамбл всю жизнь прожил в том самом месте, на которое диалектолог С. Эллис указывал еще в 1979 г. Таким образом, данные, полученные С. Эллисом в ходе фонетического анализа речи, полностью подтвердились. Вместе с тем их неумелое использование не позволило ускорить поимку серийного убийцы и предотвратить новые жертвы.

2.2. Основные проблемы судебной фонетики в последней трети XX в. – начале XXI в.

Термин «судебная фонетика» (Forensic Phonetics) возник позже понятия судебной лингвистики. В 1990 г. вышла фундаментальная работа Г. Холлиена в области идентификации голоса – монография “Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics” («Акустика преступления: новая наука судебная фонетика») [Hollien 1990]. Уже в названии работы автор заявляет о возникновении новой научной дисциплины – судебной фонетики. В указанной монографии были детально рас-

смотрены самые разнообразные акустические аспекты речи, релевантные для расследования преступлений.

В 2002 г. выходит еще одна монография Г. Холлиена [Hollien 2002], целью которой, по словам автора, было примирение между инженерами, работающими в сфере акустики, и лингвистами. Первые традиционно считают, что лингвистам недостает знаний в математике и технических характеристиках оборудования, вторые указывают на недостаток у «технарей» понимания психологических и фонетических особенностей проводимых экспериментов. Ирония заключается в том, что те и другие правы, поэтому на практике этим двум группам профессионалов не обойтись друг без друга. Совмещая анализ лингвистических и технических аспектов фонетической экспертизы, Г. Холлиен выделил пять основных сфер применения судебной фонетики: улучшение качества речи на аудиозаписи, идентификация пленки, декодирование речи, идентификация голоса и анализ речевого поведения.

Как это часто бывает, наименование для научного направления появляется, когда накоплен определенный опыт изысканий в конкретной области знаний. Рост публикаций в области судебной фонетики пришелся на 1990-е гг., когда исследователи изучали широкий круг вопросов: возможности идентификации говорящего по акустическим параметрам [Nolan 1990], методы судебной фонетики [Heike 1990], проблемы привлечения экспертов-фонетистов к судебным разбирательствам [Trenrove 1990], предыдущий опыт использования фонетики в судебных процессах [Baldwin 1990] и др.

В судебной практике экспертам приходится работать с несколькими аудиозаписями, гипотетически принадлежащими одному человеку, но созданными в разные периоды его жизни. Соответственно, среди проблем, интересовавших фонетистов в последней трети XX в., выделяется вопрос об определении характера влияния возраста на голос, а также сопутствующая проблема – определение возраста по аудиозаписи [Endress et al. 1971; Higgins, Saxman 1991; Hoit, Nixon 1989; Hollien, Schwartz 2000; Klasmeyer, Sendlmeier 2000; Oyer, Deal 1985; Ptacek, Sander 1966; Ramig 1983; Ramig, Ringel 1983; Sapienza, Dutka 1996; Shipp, Hollien 1969; Xue, Deliyski 2001].

На рубеже тысячелетий суммирующим трудом в данной области стала монография С. Линвиль [Linville 2001], в которой рассмотрены акустические характеристики голоса в корреляции с возрастными изменениями (изменениями гортани, нейромы-

шечного контроля, дыхания, скорости артикуляции). Отдельное внимание С. Линвиль уделила вопросам перцепции голоса, претерпевшего возрастные изменения, а также влияния на голос фармакологических препаратов, профессиональных и эндокринных факторов.

Помимо возрастного фактора исследователей привлекала проблема зависимости достоверности идентификации голоса от гендерного признака слушателя [Clifford 1980; Hollien, Schwartz 2000; Thompson 1985; Yarmey 1995; Yarmey, Matthys 1992]. Одни исследователи отдавали предпочтение в способности к идентификации голоса женщинам, другие – мужчинам, третьи – не обнаруживали каких-либо различий. Так как гендерные особенности фиксировались на уровнях, близких к статистической погрешности или на небольших для статистического анализа выборках, в судебной лингвистике устоялось мнение, что значимых различий между женщинами и мужчинами в данном аспекте нет.

В гендерном ракурсе существует еще один вопрос: насколько легко слушатель может определить, мужчине или женщине принадлежит звучащий голос [Vachorowski, Owren 1996; Lass et al. 1976]. Эта задача не так легко разрешается, как кажется на первый взгляд. В последние годы во многих странах мира получило широкую популярность телешоу Voice (в русской версии «Голос»), в котором даже профессиональные певцы иногда ошибаются при определении пола поющего у них за спиной конкурсанта. Подробные затруднения фиксируются экспериментаторами в области судебной фонетики. В большинстве случаев слушатели без труда определяют пол говорящего благодаря частоте колебаний голосовых связок, манере речи, тембральным особенностям. Вместе с тем возникают затруднения при идентификации пола при прослушивании речи народов, у которых типичные частоты мужских и женских голосов сильно пересекаются [Hollien 2002]. Подобные затруднения могут возникнуть и при анализе речи транссексуалов, которые подстраивают свой голос под манеру новоприобретенного пола [Bralley et al. 1978; Spencer 1988; Wolfe et al. 1990]. Интересные данные были получены рядом исследователей, пришедших к выводу о том, что точным индикатором пола говорящего могут служить особенности артикуляции согласных или даже только фрикативных звуков [Coleman, Lass 1980; Ingemann 1968; Schwartz 1968]. Вместе с тем данная проблема играет вспомогательную роль при решении главной задачи – идентификации личности.

Большинство публикаций в области аудиальной идентификации посвящено анализу особенностей речи говорящего и их корреляции с процессом идентификации. Вместе с тем немаловажен вопрос об опыте аудиальной идентификации у слушателя. В исследовании О. Кестера [Köster 1981] было обнаружено, что с задачами подобного рода фонетисты справляются лучше, чем студенты-филологи, хотя в эксперименте использовались голоса людей, хорошо знакомых обеим группам испытуемых. Схожие результаты были получены при сопоставлении результатов немецких фонетистов, имевших опыт судебных экспертиз, и обычных носителей немецкого языка [Schiller, Köster 1998].

Существенную роль в судебной фонетической экспертизе играет такой показатель, как длина текста. Когда американского президента Авраама Линкольна спросили, какой длины у него ноги, он ответил, что достаточной для того, чтобы дотянуться до земли. Нельзя предугадать, какая длина аудиотекста будет достаточна для идентификации личности, а какая нет. Интуитивно понятно, что чем длиннее текст, тем больше вероятность успеха идентификации личности при проведении экспертизы. В частности, экспериментаторами было показано, что при увеличении продолжительности предъявления речи с трех до восьми минут повышается качество идентификации [Yarmey 1995]. Согласно требованиям федерального управления уголовной полиции ФРГ (Bundeskriminalamt), аудиозапись речи должна быть не короче 30 секунд, если планируется использовать данную речь для идентификации личности [Künzel 1995].

Еще один важный аспект, с которым приходится считаться судебным экспертам на практике, – качество аудиозаписи. В действительности эксперты нередко имеют дело с текстами, осложненными целым рядом факторов, среди которых множество голосов, шепот, посторонние шумы, нетипичный тембр (например, фальцет) и т.д. В таких обстоятельствах идентификация даже хорошо знакомого голоса затруднена [Carbonell et al. 1965; LaRiviere 1972]. Не меньшие трудности возникают при высоком уровне шума или ограниченности ширины полосы пропускания (диапазона частот, выраженного разностью между самой высокой и самой низкой частотой), хотя в распоряжении экспертов существуют специальное оборудование, способное частично нивелировать действие шумовых помех [Hollien 2002].

В судебной фонетике также учитывается фактор знакомства свидетеля с хозяином анализируемого голоса, хотя нет четких границ между понятиями *familiar* (знаком), *very familiar* (хорошо знаком), *barely familiar* (едва знаком). В данной проблемной плоскости экспериментаторы решают целый ряд задач: оценить, насколько важен факт знакомства свидетеля с голосом, анализируемым в ходе судебной экспертизы; выявить, насколько это знакомство резистентно к факторам намеренного искажения голоса; определить, изменится ли эта способность к идентификации личности при использовании иностранного языка.

В частности, в исследовании [Hollien et al. 1982] слушателям предъявляли аудиотексты с голосами десяти мужчин, записанные в состоянии покоя, стресса (вызванного электрическим шоком) и намеренного искажения голоса. Слушатели были разделены на три группы. Первая группа была хорошо знакома с хозяевами голосов. Во вторую вошли опытные фонетисты, не знакомые с предъявляемыми голосами. Третью группу составили люди, которые не только не слышали прежде предъявляемые голоса, но и не понимали язык, на котором эти голоса говорили.

Результаты эксперимента выявили различия между всеми группами слушателей. Представители первой группы легко идентифицировали говорящих во всех трех случаях. Слушатели второй и третьей группы значительно реже осуществляли успешную идентификацию голоса, при этом наихудшие показатели были у третьей группы. Если слушателям, знакомыми с носителями голосов, не составило труда выполнить поставленную задачу в усложненных условиях, показания такого рода, полученные в оптимальных условиях, обладают высоким уровнем достоверности. Однако возникает вопрос, что считать «хорошим знакомством». По данным Г. Холлиена, в судебной практике сложилось представление о том, что «хорошим знакомством» считается регулярный контакт с испытуемым на протяжении двух лет [Hollien 2002: 31].

Другой аспект, который оказывает существенное влияние на точность идентификации, – уникальность голоса говорящего. Голос, обладающий небольшим количеством отличительных (идиосинкретических) черт, будет менее узнаваемым, чем тот, в котором обнаруживаются яркие индивидуальные особенности [Orchard, Yarmey 1995; Papcun et al. 1989; Künzel 2000; Schmidt-Nielsen, Stern 1985; Yarmey 1991]. Например, затруднительно замаскировать такую особенность речи, как шепелявость.

Немалую проблему в этом отношении представляют похожие голоса. Известный судебный фонетист Г. Холлиен назвал этот аспект проблемой «моего брата», описывая случай из своей экспертной практики, иллюстрирующий значение анализа уникальности голоса при идентификации личности [Hollien 2002].

Г. Холлиен так описывает этот показательный случай. Все началось, когда пара семей в США начала конфликтовать друг с другом. Одна из семей была еврейской, а другая – нет. Когда члены еврейской семьи начали получать по телефону реальные угрозы, которые имели форму антисемитической риторики, они вызвали полицию. Потерпевшие опознали звонившего по голосу как главу враждебной им семьи. Это обвинение подтверждалось тем фактом, что в речи подозреваемого было несколько довольно уникальных черт, которые можно было услышать в речи звонившего. Соответственно, его арестовали и предъявили обвинение. Однако подозреваемый человек был непреклонен в утверждении своей невиновности. Он признал, что его голос похож на тот, что звучит на аудиозаписи телефонных звонков, но он настаивал на том, что сам он никуда не звонил. Его позиции не придавали большого значения, поскольку большинство лиц, обвиняемых в преступлении, заявляют, что не совершали инкриминируемых им правонарушений. Обвиняемый настоял на том, чтобы была проведена судебная экспертиза, которую поручили провести Г. Холлиену.

Как вспоминает эксперт, когда он первый раз услышал аудиозапись, то сразу заметил две отличительные черты речи – необычные искажения некоторых согласных и нетипичные просодические особенности в паузировании. Первая мысль, которая посетила эксперта, заключалась в том, что обвиняемый просто выбрасывает деньги на ветер, если заказывает экспертизу в таком очевидном случае. Однако работа была продолжена, и, к своему собственному удивлению, эксперт стал обнаруживать черты, отличающие голос обвиняемого от голоса на пленке. Закончив экспертизу, Г. Холлиен пришел к выводу, что сравниваемые голоса принадлежат разным людям. В итоге лингвисту на суде пришлось в деталях объяснять нюансы фонетической экспертизы, аргументируя свою позицию. Во время обеденного перерыва в судебном заседании Г. Холлиен покинул место для дачи свидетельских показаний и направился к адвокату обвиняемого. Неожиданно эксперт услышал голос, который он анализировал на аудиозаписи. Оглянувшись, он заметил, что под-

судимого окружали члены его семьи и один из них что-то обсуждал с обвиняемым. Г. Холлиен машинально произнес: «Это же голос человека, который делал телефонные звонки!». Заявление прозвучало достаточно громко, чтобы его услышали находившиеся в зале суда. Голос принадлежал брату потерпевшего, недавно освободившемуся из психиатрической лечебницы. Как позже выяснилось, он звонил членам еврейской семьи с угрозами, желая «помочь» своей семье в существующем конфликте.

Следующим фактором, с которым сталкиваются судебные фонетисты, является умышленное искажение речи. Это один из наиболее сложных для анализа аспектов. Самой разрушительной формой «маскировки голоса» является искажение речи с помощью технических устройств, которые способны уничтожать такие базовые для экспертизы данные, как фундаментальная частота (F0), акустические и артикуляционные особенности гласных формантов и даже временные показатели речи. Специальное исследование применения подобных устройств показало, что классическая экспертиза в таких случаях бесполезна [Manning, Hollien 1992]. Единственной хорошей новостью является то, что использование технических средств легко распознать.

Другой тип маскировки, который может резко ухудшить процедуру экспертизы, – использование шепота [Reich, Duke 1979; Orchard, Yarmey 1995; Yarmey 1995]. Шепот также устраняет или уменьшает информацию об основной частоте (F0), амплитуде голосовых колебаний, качестве тонов и, в меньшей степени, просодии и временных показателях. Сравнить шепот с полногласной речью довольно сложно, потому что шепот способен изменить любые показатели, на которые опирается эксперт.

Исследователи маскировки голоса едины во мнении, что любая попытка искажения голоса мешает процессу идентификации, хотя и в разной степени [Endress et al. 1971; Hirson, Duckworth 1995; Hollien et al. 1982; Künzel 2000; McGlone et al. 1977; Molina deFigueiredo, deSouza Britto 1996; Reich 1981; Saslove, Yarmey 1980]. В частности, А. Рейч и Дж. Дьюк изучили перцептивные эффекты различных типов маскировки и пришли к выводу, что наиболее разрушительный эффект оказывала искусственная назализация голоса [Reich, Duke 1979]. Вместе с тем это относилось к случаям идентификации голоса незнакомого человека. Если же речь шла о голосе знакомого человека,

то в 80 % случаев идентификация была успешной. Однако искажение сразу нескольких параметров приводило к резкому ухудшению идентификации даже со стороны слушателей, хорошо знакомых с говорящим [Masthoff 1996].

Подобные наблюдения лингвистов ставили вопросы о способах борьбы с маскировкой голоса. Было обнаружено, что люди обычно могут определить, когда оратор говорит естественно, а когда пытается замаскировать голос [Reich 1981]. Также судебная практика показала, что попытки маскировки голоса не получили широкого распространения в криминальной среде, но если преступник прибегал к этому способу, то делал это более успешно в коротких отрезках речи. Маскировать голос на протяжении долгого времени крайне сложно, поэтому любой длинный отрезок речи может содержать как искаженную, так и аутентичную информацию.

Другими аспектами, привлекавшими внимание исследователей аудиальной идентификации, являются наличие или отсутствие стрессовой ситуации в момент предъявления аудиотекста [Aarts 1984; Atwood, Hollien 1986; Hollien 1980; Hollien et al. 1982, 1987; Horvath 1982; Reeves 1980; Van der Car 1980], влияние на голос алкоголя [Chin, Pisoni 1997; Künzel et al 1992], различия в идентификации голоса свидетелем и жертвой преступления [Künzel 1994], воздействие на голос психиатрического фактора [Diamond 1981] или определенного диалекта как в супraseгментном [Hanley, Snidecor 1967] так и в сегментном аспектах [Künzel 1994, 1995; Nolan 1983]. Примечательно, что иностранный акцент не влияет на успешность идентификации голоса [Goldstein et al. 1981], а вот речь на иностранном языке значительно снижает показатели успешной идентификации [Köster et al. 1995].

Значительное место в 1980–1990х гг. XX в. занимали исследования, восходящие к пионерским работам Ф. МакГихи. Были проведены многофакторные эксперименты по изучению способности к идентификации голоса спустя различные периоды времени после первичного предъявления аудиотекста [Bull, Clifford 1984; DeJong 1998; Hollien 1996; Hollien, et al. 1983; Künzel 1994; Saslove, Yarmey 1980; Yarmey 1995].

Ньютону принадлежит метафорическая фраза о том, что он видел дальше других только потому, что стоял на плечах гигантов. В первые десятилетия XXI в. исследователи в области судебной фонетики продолжили развивать фундаментальные направления данной научной области, заложенные в XX в. Так,

по прежнему большой интерес вызывает проблема намеренного искажения голоса преступником. Современные исследования в этой области можно разделить на четыре группы в зависимости от типа изучаемого искажения.

К первой группе относятся исследования искажений фонации: использование шепота, фальцета и так называемого скрипучего голоса, при котором голосовые связки вибрируют, как в модальном голосе, но с меньшим напряжением [Ahmadi et al. 2008; Alves et al. 2012; Bartle, Dellwo 2015; Evans, Foulkes 2009; Künzel 2000; Smith et al. 2017; Yarmey et al. 2001; Zhang, Hansen 2011]. Вторая группа исследований посвящена искажениям просодических характеристик: высоты тона, интонации, скорости речи [Dellwo et al. 2009, 2012a, 2012b; Leemann et al. 2014]. Интерес ученых из третьей группы направлен на изучение модификаций, возникающих в результате введения в ротовую полость инородных предметов или особых приемов произнесения слов, ведущих к подобным эффектам [Gil, San Segundo 2013; Horga 2002; Llamas et al. 2008]. Наконец, четвертая группа включает в себя публикации, в которых анализируются модификации, возникающие в результате подражания иностранной речи, попыток говорить с иностранным акцентом [Zhang, Tan 2008; Simpson, Grawunder 2008; Simpson & Neuhauser 2009, 2010].

Зарубежные специалисты сходятся во мнении, что самым сложным для идентификации типом искажений являются изменения фонации. В этой связи решение сложностей экспертизы видится в создании корпусов речевых модификаций. Подобные корпуса созданы на примере китайского языка [Zhang, Morrison 2011], британского [Nolan et al. 2009] и шотландского вариантов английского языка [Watt, Yurkova 2007], а также испанского [San Segundo et al. 2013], швейцарского немецкого [Dellwo et al. 2012a], немецкого [Neuhauser 2011] и финского языков [Hautamaki et al. 2017].

Вспомогательным направлением судебной фонетики, развивающимся на стыке лингвистики и технических наук, является разработка технических средств для автоматической идентификации голоса. В этой связи можно упомянуть программу SAUSI (сокращение от *semi-automatic speaker identification system* – полуавтоматическая система идентификации говорящего), в разработке которой принимали участие профессиональные судебные фонетисты и технические специалисты [Hollien 2002].

Хорошо известна процедура визуального опознания, при которой случайных людей вместе с предполагаемым преступником выстраивают в один ряд. В судебной фонетике используется схожая процедура – аудиальное опознание. Свидетелю предъявляются голоса подозреваемых, а также посторонние голоса, которые в разной степени должны быть близки к голосам подозреваемых по определенным параметрам. Несмотря на схожесть визуального и аудиального опознания между ними есть существенная разница, которая обусловлена различиями в механизмах обработки и оценки информации, поступающей через зрительный и слуховой анализатор человека. Различаются способы оценки и хранения этой информации, степень искажения информации под воздействием чувства страха, а также способности отдельных людей к идентификации данных определенного типа.

Аудиальное опознание считается эффективным методом, если оно проводится людьми, сведущими в фонетике. Также для получения достоверного результата количество посторонних голосов (foil voices) должно варьироваться в диапазоне от пяти до восьми. Вместе с тем современные исследователи полностью отказались от популярного во второй половине XX в. мнения о том, что аудиальное опознание столь же достоверный метод идентификации преступника, как и визуальное опознание [Hollien 2002].

Таким образом, ведущим направлением современной судебной фонетики является многоаспектный анализ проблемы идентификации личности по голосу. Данное направление получило в зарубежной науке название – *акустико-перцептивной* или *слухо-перцептивной идентификации говорящего* (Aural-perceptual Speaker Identification).

В завершение отметим, что современные коммерческие компании нередко предлагают платные услуги по аудиальной идентификации личности, основанной на «биометрике голоса» (voice biometrics) и «инновационных» методах, которые являются коммерческой версией давно известных в судебной лингвистике исследовательских процедур в сфере SPID.

3. ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

3.1. Атрибуция текста как источник формирования юридической лингвистики

Важную роль в становлении зарубежной юридической лингвистики сыграли изыскания в области атрибуции текстов (установления авторства текстов). Для юридической лингвистики вопрос атрибуции звучит в первую очередь как вопрос о том, кто на самом деле является автором текста, приписываемого определенному субъекту.

Актуальность подобных вопросов стала особенно очевидной в середине XX в. после получившего большой резонанс в Великобритании дела Дерек Бентли, представившего один из самых известных примеров судебной ошибки, в результате которой был казнен невиновный человек.

В 1952 г. британские подростки Дерек Бентли и его друг Кристофер Крейг забрались на крышу склада и попытались проникнуть внутрь помещения, но их заметила девочка из соседнего дома, родители которой вызвали полицию. Вскоре на место преступления прибыли двое полицейских. Завязалась борьба, в ходе которой Дерек сказал Кристоферу: *Let him have it (Давай ему устроим!)*. Кристофер Крейг застрелил детектива. Обоих преступников арестовали по обвинению в попытке ограбления и убийстве полицейского. Главной уликой на суде явилась фраза Дерек «Давай ему устроим!», которая была интерпретирована как призыв к убийству. Обоих подсудимых признали виновными и приговорили к смертной казни, но повесили только Дерек Бентли, так как Крис Крейг был несовершеннолетним. В 1998 г. обвинительный приговор Дереку Бентли был отменен, ввиду предвзятого отношения суда к фразе «Давай ему устроим!». Более того, один из полицейских позже заявил, что Бентли вообще не говорил той фразы. Этот случай судебной ошибки продемонстрировал, насколько высока цена интерпретации высказываний в ходе судебного процесса.

К случаям подобного рода относится дело Т. Эванса, ошибочно обвиненного в убийстве своей жены и малолетней дочери. На суде Тимоти Эванс называл имя настоящего убийцы (Джона Кристи, жившего по соседству с Эвансами). Однако доводы самого Джона Кристи оказались более убедительны. Как выяснилось через три года после казни Т. Эванса, Джон Кристи

был серийным убийцей, который помимо семьи Эванса убил еще нескольких женщин в том же доме. В этом ряду вспоминают дело «бирмингемской шестерки» (Birmingham Six), в ходе которого шесть ирландцев, ошибочно обвиненных в теракте, приговорили к пожизненному заключению.

Не так трагичны, но не менее значимы случаи из австралийской судебной практики [Gibson 2003]. На суде аборигены часто заявляли, что полицейские, записывающие показания, изменяли содержание того, что было реально сказано подозреваемыми. Эти и другие случаи высветили насущную необходимость в обращении исследователей к проблеме атрибуции текстов.

Проблемы с определением авторства текстов стали широко обсуждаться еще в XVIII в. Раньше этот вопрос мало интересовал общество, что, по мнению, Дж. Олсона, связано с маленьким количеством печатных текстов в предыдущие эпохи, а также тем обстоятельством, что картезианский концепт индивидуальности и персонального права собственности на идеи еще не был принят в массовом порядке [Olsson 2008].

Среди первых исследователей в области атрибуции текстов обычно называют профессора математики Университетского колледжа Лондона Августуса Де Моргана, который предложил статистический метод определения авторства. Согласно этому методу необходимо посчитать количество букв и количество слов в тексте определенного автора, а затем разделить первое число на второе. По предположению А. Де Моргана, полученный коэффициент не должен сильно варьироваться в текстах одного и того же автора.

Не будучи лингвистом, Августус Де Морган не принимал во внимание тот факт, что эти показатели могут сильно варьировать в зависимости от того, устная или письменная речь подвергается анализу. Очевидно, что имеет значение жанр текста и другие факторы. Вместе с тем идея обнаружить стилистические «отпечатки пальцев» в текстах получила широкое распространение.

В изысканиях подобного рода исследователи опирались на такие параметры, как средняя длина слова, среднее количество слогов на слово, частота использования артикля, частота использования знаков пунктуации, особенности использования гапаксов, средняя длина предложений, дистрибуция частей речи, соотношение между признаковыми леммами и частотой их употребления, индекс Симпсона, характеристика Юла, коэффициент энтропии вокабуляра, дистрибуция лексики (подробный

анализ математического аппарата перечисленных методов представлен в исследованиях [Chaski 2005; Forsyth, Holmes 1996; Holmes 1985]). В дальнейшем методология атрибуции текстов пополнилась эвристиками факторного анализа и байесовского вывода [Mosteller, Wallace 1964], распределения Пуассона [Sarndal 1967], мультивариативного анализа [Burrows 1987], дискриминатного анализа [Baayen et al. 1996; Chaski 2001, 2005].

В 1998 г. М. Култхард [Coulthard 1994] предпринял лингвистическое исследование показаний Дерека Бентли, который был ошибочно повешен в 1950-х гг. Исследование М. Култхарда сыграло значимую роль в посмертном оправдании казненного. Метод, который использовался лингвистом, получил название судебного дискурс-анализа (*forensic discourse analysis*) и фактически объединял эвристики теории речевых актов, корпусной лингвистики, стилистического анализа и психолингвистики.

Середина 1980-х гг. характеризуется распространением компьютера в научной работе и становлением компьютерной лингвистики. Однако проблема применения вычислительных возможностей компьютеров в юридической лингвистике заключалась в том, что в судебной практике эксперты, как правило, имеют дело с короткими текстами, в то время как в компьютерной лингвистике исследователи работают с большими массивами текстов. Для компьютерного анализа текст в 5000 слов считается коротким, в то время как в юридической лингвистике средняя длина текста составляет несколько сотен слов [Olsson 2008: 23].

В 1990-е гг. А. Мортон и С. Михаэльсоном был разработан так называемый метод «кусум-анализа» (*Cusum analysis*) [Morton, Michaelson 1990]. Название метода происходит от сокращения словосочетания *cumulative sum* (кумулятивная сумма). С одной стороны, А. Мортон утверждал, что кусум-анализ работает безотказно даже на примере коротких текстов, а с другой – признавался, что не понимает механизмов эффективности метода.

В основе метода кусум-анализа лежит допущение, что речь каждого человека характеризуется набором уникальных признаков, которые можно статистически зафиксировать. Важными параметрами метода считаются количество двух и трехбуквенных слов в предложении, а также количество слов, начинающихся с гласных звуков. Эти параметры подсчитываются отдельно, а затем проводится дистрибутивный анализ выявленных слов. Метод кусум-анализа получил ряд критических отзывов, суть которых сводится к констатации высокой степени

субъективности исследователя и в исключении из кузум-анализа ряда важных факторов, что поставило под сомнение целесообразность дальнейшего использования метода в судебной лингвистике [Sanford et al. 1994; Canter, Chester 1997].

3.2. Лингвистические отпечатки пальцев

В эти годы в зарубежной юридической лингвистике сложился концепт, получивший название «лингвистические отпечатки пальцев» (linguistic fingerprint). Сторонники этого понятия считали, что каждый человек использует язык уникальным способом, что позволяет определить эту уникальность на основе анализа текста. «Лингвистические отпечатки пальцев» – уникальный набор маркеров, который позволяет определить авторство текста, подобно тому, как дактилоскопический анализ позволяет идентифицировать человека по отпечаткам пальцев. Так, Пеннебейкер [Pennebaker 1999] выделяет зависимость языковых маркеров не только от речевых привычек, но и от ситуативных и физиологических факторов (например, кровяного давления, уровня кортизола и тестостерона).

Другая группа исследователей отнеслась к понятию «лингвистических отпечатков пальцев» как некритически воспринятой метафоре. Так, Дж. Олссон отмечал, что язык – способность, приобретаемая в результате познавательной деятельности, а не генетически предопределенный феномен, подобно ДНК или отпечаткам пальцев. Более того, изучение языка – постепенный, динамический процесс, который продолжается на протяжении всей жизни человека. При этом данный процесс имеет и регрессивное измерение – языковые способности и знания не только приобретаются, но и утрачиваются. Язык человека никогда не находится в «зафиксированном» состоянии, в отличие от отпечатков пальцев, неизменных на протяжении всей жизни человека [Olsson 2008].

Необходимо отметить, что развитие общества и научный прогресс в определенных аспектах только усложнили проблему судебной атрибуции текстов. К примеру, несколько веков назад дифференцировать идиолекты было проще, чем в современное время, потому что в те времена в большей степени были выражены диалектные различия. Никогда прежде не было такой языковой стандартизации, подкрепляемой всеобщим образованием, публикацией многотиражных книг, современными средствами транспорта, СМИ и т.п. Процессы глобализации ведут к ниве-

лированию языковой индивидуальности, что усложняет работу судебных экспертов и увеличивает сомнения в возможности обнаружения «лингвистических отпечатков пальцев». Технологические достижения усложняют работу судебного эксперта еще и потому, что доступность информации растет в геометрической прогрессии. Как следствие, происходит рост числа межтекстовых заимствований, что ведет к «интертекстуализации» и универсализации текстов.

Как отмечает Дж. Олсон, понятие «лингвистических отпечатков», детерминированных и неконтролируемых автором текста, плохо коррелирует с понятием жанра, подразумевающим сознательный выбор языковых средств, характерных для определенной сферы общения. В этой связи Дж. Олсон предлагает специалистам в области юридической лингвистики отказаться от абсолютного понятия уникальности идиостиля, сосредоточив внимание на относительном понятии дистриктивности идиостиля [Olsson 2008: 29].

Одним из серьезных аргументов против гипотезы лингвистических отпечатков была проблема интра-авторской вариативности текстов (Intra-author variation). Под этим понятием подразумевается явление, при котором тексты одного автора отличаются друг от друга. Существует несколько причин интра-авторской вариативности. Среди них – жанровые ограничения. Один и тот же автор может, к примеру, писать детские рассказы и романы для взрослых, и едва ли язык этих произведений будет схожим. Жанровые различия предписывают использование различных языковых средств для личного письма и научной статьи.

По этой же причине разные авторы, работающие над текстами одного и того же стиля, могут быть очень похожими. Показательный пример – сборник «Записки Федералиста», состоящий из 85 статей, опубликованных в поддержку ратификации Конституции США. «Записки Федералиста» были написаны группой авторов, но при издании отдельных статей в газетах каждая была подписана псевдонимом Публий, в честь римского консула Публия Валерия Публикола. Под псевдонимом скрывались А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Дж. Джей. Каждый из них писал статьи по теме конституционных поправок. Даже опытному читателю крайне сложно отличить, какие тексты написаны одним автором, а какие разными, потому что все авторы придерживались схожих политико-правовых взглядов и использовали один и тот же псевдоним.

Также при анализе интра-авторской вариативности необходимо учитывать, сколько времени прошло между созданием двух текстов одного автора. Чем больше этот период, тем выше интра-авторская вариативность. Увеличивают интра-авторскую вариативность сознательные попытки скрыть авторство текста, что особенно часто случается в юридической практике. Среди иных факторов – изменение жизненных обстоятельств (здоровье, ситуация дома и на работе, смерть близких людей и т.п.) и социометрические параметры (отношения с адресатом, пол, возраст, уровень образования, социальный класс и т.п.).

Проблема интра-авторской вариативности ставит вопрос о методах определения авторских маркеров, позволяющих идентифицировать авторство. Лингвистами используется широкий спектр параметров для определения идиостиля автора, но не все из них применимы именно в юридической лингвистике. К примеру, к авторским маркерам относятся служебные слова, количество которых может служить показателем авторства в больших текстах. Так, в исследовании [Burgows 1987] было показано, что в произведениях Дж. Остин частота использования слов *and, of, the, a(n), and*, отличается стабильностью коэффициента, характерного именно для данного автора. Вместе с тем в юридической лингвистике этот метод малоприменим, потому что на коротких текстах его эвристики нивелируются. В коротких текстах наблюдается высокая интра-авторская вариативность и низкая межавторская вариативность, если рассматриваются однотипные тексты. Этот феномен известен как проблема стабильности коротких текстов (*short text stability problem*).

Дж. Олсон выделяет следующие положения, противоречащие идее о лингвистических отпечатках пальцев:

1. Вариация текста обнаруживается у любого автора.
2. Существуют универсальные причины вариаций (жанр, тип текста, временной интервал, изменение экстралингвистических обстоятельств).
3. Уровень вариативности в коротких текстах может быть очень высоким, что делает большинство методов атрибуции бесполезными.
4. Межавторская вариативность может слабо проявляться, если сопоставляются тексты, написанные людьми схожих взглядов, целей, социального положения и т.п. [Olsson 2008: 39–40].

Сложности, возникающие при атрибуции текста, привели Дж. Олсона к мнению, что для юридической лингвистики, стал-

квивающейся с короткими текстами, предпочтительнее использование термина «авторское сравнение», чем «атрибуция». Эксперт не может утверждать, что данный текст написан субъектом *x* или *y*, но может определить, кто из двух рассматриваемых субъектов и с какой степенью вероятности является автором анализируемого текста [Olsson 2008: 44].

3.3. Синтаксический анализ К. Часки и стандарт Дауберга

Специалисты знают, что легко имитировать лексику, пунктуацию и орфографию другого человека, но гораздо сложнее – синтаксические структуры. Впервые в юридической лингвистике на это обратила внимание Кэрол Часки, отмечая, что «порождение синтаксических структур крайне сложно контролировать» [Chaski 1998: 19].

Во время работы Кэрол Часки в Университете штата Северная Каролина полиция обратилась к ней с просьбой изучить несколько версий предполагаемой записки о самоубийстве, найденной на домашнем компьютере. Используя синтаксический и статистический анализ, она сделала вывод о том, что автором текстов был не покойный, а его сосед по комнате, который позже дал признательные показания, подтвердившие экспертное заключение. Впоследствии Кэрол Часки оставила преподавание и стала работать на постоянной основе в качестве судебного лингвиста.

В синтаксическом анализе Кэрол Часки опиралась на понятие маркированности (*markedness*) текста, под которой понимается любое нестандартное использование языка. Идея маркированности текста восходит еще к структурной (Р. Якобсон) и генеративной (Н. Хомский) лингвистике, но К. Часки стала первым лингвистом, систематически использовавшим понятие маркированности для атрибуции текста.

Также британская исследовательница использовала в синтаксическом анализе модель HDPSG (*Head Driven Phrase Structure Grammar*), которая основывается на методологии генеративной лингвистики и включает в себя четыре правила. Одно из них известно как правило спецификатора и ядерного элемента (*specifier-head rule*). Данное правило применительно к английскому языку гласит, что спецификатор должен предшествовать ядерному элементу. Примером этого правила служит порядок слов в конструкции «детерминатор+существительное». Нарушение данного правила относится к маркированным признакам.

Процедура идентификации авторства по К. Часки включает в себя использование специальной программы, получившей название Alias. Алгоритмы, используемые в данном программном обеспечении, позволяют автоматически анализировать синтаксическую маркированность текста. Отдельно анализируется пунктуация текстов. Алгоритм программы ориентирован не на подсчет количества пунктуационных знаков или их типов, а на взаимосвязь пунктуационных знаков и синтаксических параметров. Таким образом, К. Часки формализовала отдельные аналитические процедуры применительно к специфике коротких текстов, чаще всего фигурируемых в судебной практике.

Немаловажная особенность метода К. Часки заключается в том, что ее синтаксический анализ для идентификации авторства соответствует так называемому стандарту Дауберта (Daubert standard), который требует от судей США учитывать только научно подтвержденные факты. С тех пор как стандарт Дауберта введен в Федеральные правила доказательств США (the United State Federal Rules of Evidence), требования к экспертным заключениям стали более строгими (к примеру, проверка на детекторе лжи, баллистика и юридическая антропология (forensic anthropology) не соответствует стандарту Дауберта). Тот факт, что синтаксический анализ К. Часки соответствует стандарту Дауберта, свидетельствует о его высоком уровне достоверности.

Для пояснения этого утверждения уделим некоторое внимание стандартам научного доказательства, используемым в судах США. До недавнего времени в Соединенных Штатах Америки допустимость научного доказательства определялось так называемым «Фрай стандартом» (Frye standard). Если метод имел признание со стороны научного сообщества, его применение считалось в суде валидным. В последние годы, однако, этот стандарт был признан ошибочным. Импульсом для пересмотра стандарта послужило дело Дауберта против фармацевтической компании «Меррелл Доу», в котором группа матерей утверждала, что прием лекарства бенедиктина в период беременности, стал причиной рождения детей с дефектами. Эксперт, выступавший со стороны ответчика, утверждал, что в профессиональной литературе нет ничего, что позволяло бы предположить, что бенедиктин вызывает врожденные дефекты. По словам эксперта, литература, подготовленная истцами (родителями), не получила всеобщего научного признания, а значит, не может приниматься в качестве доказательства согласно «Фрай стандарту».

Новый стандарт изменил требования к эксперту, от которого теперь требуется специальное образование, опыт, членство в специализированных научных организациях и обществах. Методы исследования должны пройти эмпирическую апробацию и должны соответствовать принципу фальсификации. Обязательное условие – независимая (внешняя) экспертиза методов и технологии анализа (peer review). Эксперт должен продемонстрировать уровень погрешности метода. Наконец, был введен критерий «ясности» (straightforwardness). Последнее подразумевает, что используемая техника экспертизы должна быть объяснена с достаточной ясностью и простотой, чтобы ее суть могли понять судьи и присяжные. Эти критерии стали известны под названием стандарта Дауберта.

3.4. Анализ плагиата

Проблема атрибуции текста тесно связана с проблемой плагиата, который интересует юридическую лингвистику не только в контексте вопроса, был ли факт плагиата, но и в аспекте направления плагиата (direction of plagiarism), то есть с позиций вопроса о том, кто у кого заимствовал текст.

Лингвисты ищут типичные способы изменения текста, которые позволили бы определить, где оригинальный текст, а где измененный.

Известно, что половина докторской диссертации Мартина Лютера Кинга была заимствована у его коллег по Бостонскому университету, в особенности у Джо Бузера [Walder 1990]. Дж. Олссон показывает, что в знаменитой речи «I have a dream» («У меня есть мечта») есть заимствования из речи Арчибалда Кэри, произнесенной в Национальном конвенте Республиканской партии в 1952 г. [Olsson 2008: 104–105]. Исследователя интересует не столько сам факт заимствований, сколько приемы ее маскировки, который он называет «стилем плагиата» (style of plagiarism). «Стиль плагиата» М.Л. Кинга заключался в полной замене оронимов, использованных А. Кэри, на оронимы, к которым можно было подобрать прилагательные и причастия, создающие эффекты аллитерации и ассонанса. Этот «стиль плагиата», названный «поэтической переработкой», встречается довольно редко, в отличие от широко распространенного стиля плагиата, получивший в зарубежных работах название *padding* (от глагола *to pad* – «перегружать пустыми словами, излишними подробностями»). Эти

наблюдения позволяют констатировать, что тексты, из которых заимствуют, – короче, содержательнее и структурно проще, чем тексты, в которые осуществляется заимствование.

Технически исследования подобной проблематики проводятся с помощью индекса удобочитаемости, предложенным Рудольфом Флешем (FRE – Flesch Reading Ease). Индекс высчитывается по специальной формуле:

$$\text{FRE} = 206.835 - (1.015 \times \text{ASL}) - (84.6 \times \text{ASW})$$

Показатель ASL — средняя длина предложения, высчитываемая как отношение количества слов к количеству предложений в анализируемом тексте, а ASW – средняя длина слова, получаемая путем деления количества слогов на количество слов в этом же тексте. Индекс удобочитаемости варьируется от 100 (очень легкий для восприятия текст) до 0 (очень трудный для восприятия текст). Индекс Флеша удобочитаемости используется в школах США для ранжирования школьных текстов для чтения. Младшим школьникам рекомендуются тексты с индексом Флеша в диапазоне 90–100, а тексты с показателем индекса 60–70 могут читать выпускники. В юридической лингвистике данный индекс используется как формальный показатель, отражающий закономерности, обнаруженные при исследовании направления плагиата – индекс Флеша исходных текстов, как правило, ниже показателя удобочитаемости для текстов с плагиатом.

Очевидно, что помимо индекса Флеша показателем направления плагиата может служить датировка создания текстов. Дж. Олссон [Olsson 2008] выделяет три типа такой датировки: диахроническая датировка, культурологическая датировка, археологическая датировка. Диахроническая датировка используется, если между временем создания текстов относительно большой временной перерыв (20 и более лет). Материалом для датировки становятся стилистические особенности текста, имеющие хронологическую привязку.

Второй тип датировки основывается на культурных различиях двух авторов. Например, если британец заимствует текст у американца, есть вероятность, что в тексте проявятся американские «культурные признаки» (cultural tokens), малохарактерные для британцев. Дж. Олссон понимает «культурные признаки» очень широко. В них включаются не только собственно национальные особенности, но и особенности, связанные с полом, возрастом, религией, политическим взглядами и т.п.

Третий тип датировки используется в случаях, когда оба текста созданы почти одновременно. Здесь на помощь исследователям приходит сопоставительный анализ индексов удобочитаемости, показавший свою эффективность.

3.5. Профилирование авторства

Отдельным подходом в рамках проблемы атрибуции в зарубежной юридической лингвистике считается профилирование авторства (*authorship profiling*). В данном случае задача эксперта заключается не в том, чтобы определить, является ли автором текста определенный субъект (как это имеет место быть при классической атрибуции), а в том, чтобы определить характеристики анонимного автора, релевантные для судебного процесса. Исследователь как будто рисует профиль неизвестного автора, позволяющий выделить его на фоне серой массы анонимностей. Эксперт не может назвать фамилию автора текста и поэтому не ставит перед собой такой задачи, но он может с помощью лингвистических методов нарисовать социологический или психологический портрет автора анализируемого текста.

Примером такого подхода служит исследование, связанное с так называемым делом «Америтракс» [Olsson 2008: 94–99]. Вскоре после террористических атак на Всемирный торговый центр и здание Пентагона 11 сентября 2001 г. жители США, в том числе два представителя Демократической партии США, получили конверты, замаскированные под безвредные сообщения от школьников. В этих конвертах содержались споры сибирской язвы. В результате рассылки писем несколько десятков человек заразились и пять человек погибло. Федеральное бюро расследований присвоило этому делу кодовое название “Amerithrax”, являющееся аббревиатурой от слов *America* и *anthrax* (сибирская язва). Как указано на сайте ФБР, это дело стало «одним из крупнейших и наиболее сложных в истории правоохранительных органов» [<http://www.fbi.gov/anthrax/amerithraxlinks.htm>].

В то время многие комментаторы полагали, что рассылка писем со спорами сибирской язвы являлась частью предполагаемого нападения Аль-Каиды на США. Содержание писем также подталкивало общественное мнение к такому выводу. В частности, в письмах содержались следующие фразы, написанные столбиком (пунктуация и капитализация сохранены):

Death To America
Death To Israel
Allah is GREAT

Смерть Америке
Смерть Израилу
Аллах ВЕЛИК

Среди первых вопросов, которые были заданы в отношении надписей на конвертах и содержания писем, был вопрос о том, является ли автор:

- 1) носителем английского языка;
- 2) носителем иного языка, который использует латинскую письменность;
- 3) носителем языка, использующим арабскую вязь (арабский, фарси, пушту, пенджаби).

Дж. Олссон анализировал надпись на конверте и письмо, присланное сенатору от Южной Дакоты Томасу Эндрю Дэшлу, лидеру демократов в Сенате США. Вопреки широко распространенному мнению о том, что организаторами и исполнителями терактов были арабские религиозные фанатики, эксперт пришел к выводу, что человек, подписавший конверт и написавший само письмо, хорошо владеет английским языком (носитель языка или человек, получивший хорошее образование), который только маскируется под человека, неуверенно владеющего английским языком. Более того, автору письма по роду деятельности приходилось много писать на английском языке, а использование псевдо-пиджина и несколько намеренных ошибок, присутствовавших в письме, были специально использованы для запутывания читателей. Помимо этого автор письма, подписывая конверт, имитировал детский почерк, чтобы вызвать как можно меньше подозрений у адресата.

Профилирование авторства используется в зарубежной юридической лингвистике, когда атрибуция и верификация авторства невозможны, поэтому данный подход носит вспомогательный характер в юридической лингвистике.

3.6. О жанровой специфике текстов в юридической лингвистике

В юридической лингвистике объектом для изучения и экспертизы может стать любой текст, рассматриваемый в правовом контексте (письмо, книга, контракт, завещание, врачебный диагноз, диссертация и т.д.). Вместе с тем судебная практика свидетельствует о том, что есть тексты, которые чаще подвергаются лингвистической экспертизе, а есть тексты, которые обычно рассматриваются в судах без привлечения специалистов-филологов.

Дж. Олссон выделяет пять основных видов текстов, с которыми приходится работать судебным лингвистам в США: экстренные вызовы полиции; тексты, содержащие угрозы; записки самоубийц; последние слова, приговоренных к смертной казни («тексты из камеры смертников»); признания и опровержения [Olsson 2008: 128–219].

1. Экстренные вызовы полиции.

Большинство дел, требующих судебного разбирательства, начинаются с вызова полиции. Неудивительно, что в зарубежной юридической лингвистике получили широкое распространение исследования речи в телефонных обращениях в полицию. Среди первых изысканий в этой области следует упомянуть работы Дж. Уэйлена и Д. Циммермана [Whalen, Zimmerman 1987, 1988, 1998; Zimmerman 1992]. Основная особенность подобных текстов заключается в том, что между тем, кто звонит, и тем, кто принимает звонок, существует эмоциональный дисбаланс. Первый находится в стрессовой ситуации, для второго данная ситуация ежедневная рутина, что неизбежно накладывает отпечаток на речевые особенности коммуникантов.

2. Тексты, содержащие угрозы.

Тексты, содержащие угрозы, делятся на три типа, в каждом из которых выделяется два вида угроз: первичная угроза (primary threat) и вторичная угроза (secondary threat).

Первый тип текстов – требования выкупа (обычно за похищенных детей). Первичная угроза – смерть или ущерб жертве (заложнику), вторичная – негативный эффект, оказываемый на реципиента текста.

Второй тип текстов – анонимные «письма ненависти» (hate mail). Первичная угроза – разоблачение реципиента или создание определенных затруднений, вторичная – возможность повторной отправки подобных писем.

Третий тип – «обманные письма» (trick mail). Примером такого типа текстов могут служить письма со спорами сибирской язвы, рассылаемые в США в 2001 г. Первичная угроза – смерть или ущерб здоровью адресата, вторичная – опасность для других людей помимо адресата письма.

Данный тип текстов особенно тесно переплетается с проблемой атрибуции, верификации и профилирования авторства. Почти всегда задача судебного лингвиста при работе с данными текстами – определить субъекта угрозы.

3. Письма самоубийц.

Этот жанр интересует экспертов в связи с проблемой подлинности авторства. Нередки случаи маскировки убийства под самоубийство, для чего преступники пишут предсмертные записки от лица своих жертв. Начало изучению данного вопроса положили основатели Центра предотвращения суицидов и Американской ассоциации суицидологии Э. Шнейдман и Н. Фарбероу, проанализировавшие более 700 текстов, оставленных самоубийцами [Schneidman, Farberow 1956]. Впоследствии письма (записки) самоубийц нередко привлекали внимание специалистов [Leenaars, Balance 1981; Leenars et al. 2010; McClelland et al. 2000; Olsson 2008], описавших признаки, характерные для подлинного текста, созданного самоубийцей:

- письмо самоубийцы должно содержать четкую пропозицию, даже если на первый взгляд текст выглядит причудливым и эксцентричным;

- пропозиция обычно относится к самому акту суицида или к тексту записки;

- пропозиция формулируется простыми фразами, начинается с темы, адресована конкретному человеку (людям) и релевантна отношениям между самоубийцей и адресатом;

- если в тексте содержится упоминание о желательности суицида, то подразумевается не желательность, а неизбежность такого развития событий;

- письма самоубийц обычно короткие (менее 300 слов) и они почти не содержат второстепенных деталей;

- ситуативный контекст писем не всегда ясен и обычно читателю приходится прибегать к инференциям (например: «Надеюсь, это то, чего ты хотел»).

Отдельный интерес исследователей вызывают межкультурные различия в подобных текстах [O'Connor, Leenars 2004], а также особенности анализа писем самоубийц, используемых в качестве доказательства на судебных заседаниях [Koehler 2007; Leenaars 1999].

4. «Тексты из камеры смертников».

Данный тип текстов характерен только для США, где существует традиция давать смертникам сказать несколько слов непосредственно перед приведением приговора в исполнение. Несмотря на содержательное разнообразие таких текстов, выделяются три основных типа «текстов из камеры смертников»:

1) тексты, содержащие косвенное признание вины (приговоренный не говорит о том, что он виноват, но косвенно это подтверждает фразами типа *На месте родных я бы тоже приговорил себя к смерти*);

2) рассуждения о бессмысленности или неэффективности такого вида наказания (*Я не думаю, что мир станет лучше без меня / Вы не причините мне равноценного вреда. Я успел приготовиться и попрощался с семьей*);

3) утверждения о невиновности и несправедливости приговора.

Еще одной особенностью этого жанра текстов является их относительная публичность. Обычно на смертной казни в США присутствуют 20–30 человек.

Данные тексты отражают самое важное, что приговоренный хотел бы сообщить непосредственно перед смертью. Схожий характер носят записки самоубийц. Неизвестно, могут ли служить данные тексты, каким либо маркером виновности или нет, но определенно (в отличие от писем самоубийц) не приходится сомневаться в их авторстве.

3.7. Методологические особенности исследования атрибуции текста в юридической лингвистике XXI в.

Обзор публикаций, вышедших в XXI в., позволяет говорить о доминировании двух основных ракурсов анализа: изучение атрибуции авторства [Argamon, Levitan 2005; Dinu and Popescu 2009; Fréry et al. 2014; Juola, Stamatatos 2014; Luyckx, Daelemans 2008; Stamatatos 2009; Zhao et al. 2005] и верификация авторства [Halvani, Steinebach 2014; Khonji, Iraqi 2014; Koppel et al. 2012; Koppel, Schler 2004; Koppel, Winter 2014; Moreau et al. 2014; Stamatatos 2009; Stein et al. 2008; Tax 2001; Van Dam, Hauff 2014].

Исследования атрибуции бывают двух типов: атрибуция авторства закрытого типа, то есть когда известно, что истинный автор текста точно есть среди анализируемых кандидатов на авторство [Stolerman et al. 2014], и атрибуция открытого типа, когда неизвестно, есть ли автор среди кандидатов [Potha, Stamatatos 2014].

Верификация авторства, направленная на определение принадлежности определенного текста конкретному автору, также может быть двух типов: внутренняя и внешняя [Stamatatos et al. 2014]. Внутренняя верификация подразумевает анализ текстов только одного автора, при внешней верификации привлекаются тексты иных авторов.

Отличительной особенностью исследований XXI в. стало включение в анализ больших корпусов текстов и широкое использование компьютерных технологий и статистических методов для их обработки.

В методологическом отношении можно выделить следующие группы исследований в данной области.

Методы анализа вероятностных моделей [Clement & Sharp 2003; Peng et al. 2004; Sanderson & Guenter 2006; Zhao, Zobel 2005]. Задача таких методов – максимизировать вероятность определения авторства текста. К методологическим вариантам использования вероятностных моделей относится метод тематической категоризации текста [Sebastiani 2002], расширение байесовского анализа статистическими моделями с использованием марковских цепей при изучении контекста [Peng et al. 2004].

Методы анализа компрессионных моделей. В этом отношении наибольший интерес представляют профильно ориентированные подходы к моделированию. При таком подходе не ищется конкретный вектор репрезентации авторского профиля. Тексты объединяются в единый массив и подвергаются компрессии. По мере добавления новых текстов компрессия повторяется, сравниваются показатели битовых операций и энтропии. Для компрессии используются алгоритмы RAR, которые были признаны наиболее подходящими для этих целей (применялись также алгоритмы компрессии LZW, GZIP, BZIP2, 7ZIP) [Khmelev, Teahan 2003; Marton et al. 2005]. Вариантом такого метода является прогнозирование на основе частичного совпадения (PPM algorithm) [Teahan, Harper 2003]. В отличие от обычного компрессионного моделирования в анализе используются не последовательности слов, а последовательности графических символов.

Анализ N-грамм. Данный профильно ориентированный метод был предложен группой исследователей в 2003 г. [Keselj et al. 2003]. Суть метода в анализе относительной частоты N-грамм в сопоставляемых текстах. В 2004 г. проводились соревнования среди методов атрибуции авторства, в которых анализ N-грамм был признан победителем [Juola 2004, 2006]. Правда, необходимо учитывать, что в соревнованиях подобного рода нет проблемы *классового дисбаланса* (class imbalance problem), при которой эксперт имел бы дело с разным количеством текстов разной длины от автора x и от автора y . Специальный анализ показал, что метод, хорошо работающий на сбалансирован-

ных корпусах, может показывать плохие результаты на несбалансированных корпусах [Stamatatos 2007]. Это проблема привела к модификации процедуры анализа N-грамм, получившей название «упрощенного перекрещивания профилей» (SPI – simplified profile intersection) [Frantzeskou et al. 2006]. Эта процедура показывает лучшие результаты, но опять же – если речь идет о длинных текстах, на коротких показатели заметно ухудшаются.

Векторно-пространственный анализ (vector space models). При таком подходе каждый из множества анализируемых текстов рассматривается как вектор в многомерном пространстве. Используя методы машинной и статистической обработки, исследователи выстраивают классификационные модели атрибуции. Векторно-пространственный анализ может проводиться с применением дискриминантного анализа [Chaski 2005; Stamatatos et al. 2000; Tambouratzis et al. 2004], метода опорных векторов (SVM) [de Vel et al. 2001; Diederich et al. 2003; Li et al. 2006; Sanderson, Guenter 2006; Teng et al. 2004], «деревя принятия решений» [Uzuner, Katz 2005; Zhao, Zobel 2005; Zheng et al. 2006], анализа нейронных сетей [Khosmood, Levinson 2006; Zheng et al. 2006], методы композиции классификаторов [Stamatatos 2006]. Эффективность этого метода уменьшается при нарастании классового дисбаланса.

Дельта-анализ. Этот подход был предложен в 2002 г. [Burrows 2002]. Метод подразумевает вычисление набора функциональных слов (обычно 150 самых частотных) с последующим вычислением девиации каждого текста от нормы с помощью z-оценки. Z-оценка (стандартизованная оценка) показывает меру относительного разброса измеренного значения, то есть сколько стандартных отклонений составляет разброс относительного среднего значения. Затем проводится собственно дельта-измерение, отражающее различие в z-оценках между атрибутированными текстами и текстами с неизвестным авторством в абсолютных показателях. Чем меньше показатель дельта-измерения, тем выше вероятность одного авторства у сравниваемых текстов [Argamon 2008]. Вместе с тем это метод применим к текстам, длина которых не короче 1500 слов, что накладывает известные ограничения на его применение в судебной экспертизе [Hoover 2004].

Едва ли возможно в одном обзоре рассмотреть все направления и проблемные вопросы зарубежной юридической лингвистики. За рамками рассмотрения остался когнитивный

анализ судебного дискурса, пока еще не получивший столь широкого распространения в юридической лингвистике, как в других направлениях внешней лингвистики (например, политической лингвистике). Остался за рамками рассмотрения достаточно популярный в зарубежной лингвистике критический подход, который достаточно подробно освещен в российском научном дискурсе, а также традиционный филологический анализ языка правовых норм и др.

Вместе с тем представленный обзор свидетельствует о том, что юридическая лингвистика, возникшая в США и Великобритании, а затем получившая распространение во многих странах мира, является самостоятельным и вполне сформировавшимся направлением научных изысканий в зарубежной науке, имеющим собственные методологические наработки, высокий практический потенциал и перспективы дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М. : Русский миръ, 2010. 240 с.

Aarts N.W. The Effect of Listener Stress on Perceptual Speaker Identification. Gainesville : University of Florida, 1984. 92 p.

Afroz S., Islam A., Stolerman A., Greenstadt R., McCoy D. Doppelgaenger finder: taking stylometry to the underground // 35th IEEE Symposium on Security and Privacy, 2014. San Jose : IEEE, 2014. P. 212–226.

Ahmadi F., Mcloughlin I.V., Sharifzadeh H. R. Analysis-by-synthesis method for whisper-speech reconstruction // Proceedings of IEEE Asia Pacific Conference Circuits and Systems. 2008. P. 1280–1283.

Alves H., Fernández Trinidad M., Gil Fernández J., Infante P., Lahoz J.M., Pérez Sanz C., San Segundo E. Disguised voices: a perceptual experiment. Paper presented at 3rd European Conference of the International Association of Forensic Linguistics. Oporto, 15–18 October 2012.

Argamon S. Interpreting Burrows' Delta: Geometric and probabilistic foundations // Literary and Linguistic Computing. 2008. Vol. 23 (2). P. 131–147.

Argamon S., Levitan S. Measuring the usefulness of function words for authorship attribution // ACH/ALLC 2005 (2nd ed.), University of Victoria, 2005. P. 4–7. [Electronic resource] Mode of access: <http://tomcat-stable.hcmc.uvic.ca:8080/ach/site/pdf.xq?id=162>

Ariani M.G., Sajedi F., Sajedi M. Forensic linguistics: A brief overview of the key elements // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 158. P. 222–225.

Atwood W., Hollien H. Stress Monitoring by Polygraph for Research Purposes // Polygraph. 1986. Vol. 15. P. 47–56.

Baayen R.H., Van Halteren H., Tweedie F. Outside the cave of shadows: using syntactic annotation to enhance authorship attribution // Literary and Linguistic Computing. 1996. Vol. XI. P. 121–131.

Bachorowski J., Owren M. Acoustic Correlates of Talker Sex and Individual Talker Identity Are Present in a Short Vowel Segment Produced in Running Speech // Acoust. Soc. Am. 1999. Vol. 106. P. 1054–1063.

Baldwin J.R. The Case of “J”, an Early Example of Forensic Phonetics // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. P. 503–514.

Bartle A., Dellwo V. Auditory speaker discrimination by forensic phoneticians and naive listeners in voiced and whispered speech // *International Journal of Speech, Language and the Law*. 2015. Vol. 22, n. 2. P. 229–248.

Burrows J. *Computation into Criticism: A Study of Jane Austen's Novels and an Experiment in Method*. Oxford : Clarendon Press, 1987. 255 p.

Bhatia V.K. Cognitive structuring in legislative provisions // *Language and the Law* / Ed. by J. Gibbons. London : Longman, 1994. P. 136–155.

Brandt J. F. Can You Hear Me? // *Forensic Communication*. 1977. Vol. 2. P. 9–11.

Bralley R., Bull G., Gore C., Edgerton M. Evaluation of Vocal Pitch in Male Transsexuals // *Comm. Disord*. 1978. Vol. 11. P. 443–449.

Bricker P., Pruzansky S. Effects of Stimulus Content and Duration on Talker Identification // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1966. Vol. 40. P. 1441–1450.

Bull R., Clifford B.R. Earwitness voice recognition accuracy // *Eyewitness Testimony: Psychological Perspectives* / G. L. Wells, E. Loftus (eds). Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 92–123.

Burrows J.F. “Delta:” A measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // *Literary and Linguistic Computing*. 2002. Vol. 17 (3). P. 267–287.

Canter D., Chester J. Investigation into the claim of weighted Cusum in authorship attribution studies // *International Journal of Speech, Language and the Law*. 1997. Vol. IV (2). P. 252–261.

Carbonell J.R., Stevens K.N., Williams C.E., Woods B. Speaker Identification by a Matching-From-Samples Technique // *J. Acous. Soc. Am*. 1965. Vol. 40. P. 1205–1206.

Chaski C. Empirical evaluations of language-based author identification techniques // *International Journal of Speech, Language and the Law*. 2001. Vol. VIII (1). P. 1–65.

Chaski C. Who's At The Keyboard? Authorship Attribution in Digital Evidence Investigations // *International Journal of Digital Evidence*. 2005. Vol. IV (1). P. 1–13.

Chin S.B., Pisoni D.B. *Alcohol and speech*. New York : Academic Press, 1997. 376 p.

Clement R., Sharp D. N-gram and Bayesian classification of documents for topic and authorship // *Literary and Linguistic Computing*. 2003. Vol. 18 (4). P. 423–447.

Clifford B.R. Voice Identification by Human Listeners: On Earwitness Reliability // *Law Hum. Behav.* 1980. Vol. 4. P. 373–394.

Coleman R., Lass N. Effect of Prior Exposure to Stimulus Material on Identification of Speaker's Sex, Height and Weight // *Perceptual Motor Skills.* 1980. Vol. 52. P. 619–622.

O'Connor R., Leenaars A. A thematic comparison of suicide notes drawn from Northern Ireland and the United States // *Current Psychology.* 2004. Vol. 22. Issue 4. P. 339–347.

Coulthard M. On the use of corpora in the analysis of forensic texts // *International Journal of Speech, Language and the Law.* 1994. Vol. 1 (1). P. 27–43.

Coulthard M., Johnson A., Wright D. *An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence.* London ; New York : Routledge, 2007. 253 p.

Dellwo V., Ramyeard S., Dancovicova J. The influence of voice disguise on temporal characteristics of speech. [Electronic resource]. Paper presented at International Association for Forensic Phonetics Conference, University of Cambridge, 2009. Mode of access: www.researchgate.net/publication/266457359_The_influence_of_voice_disguise_on_temporal_characteristics_of_speech.

Dellwo V., Kolly M.J, Leemann A. Speaker identification based on temporal information: a forensic phonetic study of speech rhythm and timing in the Zurich variety of Swiss German. Paper presented at International Association for Forensic Phonetics and Acoustics Conference. Santander, Spain, 2012.

Dellwo V., Leemann A., Kolly M.-J. Speaker idiosyncratic rhythmic features in the speech signal // *Proceedings of Interspeech.* Portland (OR), USA, 2012b. P. 1584–1587.

DeJong G. Earwitness characteristics and speaker identification accuracy. PhD dissertation. Gainesville: University of Florida, 1998. 274 p.

De Vel O., Anderson A., Corney M., Mohay G. Mining e-mail content for author identification forensics // *SIGMOD Record.* 2001. Vol. 30 (4). P. 55–64.

Diamond B.L. The Relevance of Forensic Psychiatric Evaluations // *Speech Evaluation in Psychiatry* / U. K. Darby (ed.). New York : Grune and Stratton, 1981. P. 243–252.

Diederich J., Kindermann J., Leopold E., Paass G. Authorship attribution with support vector machines // *Applied Intelligence.* 2003. Vol. 19 (1/2). P. 109–123.

Dinu L.P., Popescu M. Ordinal measures in authorship identification // *CEUR Workshop Proceedings / R. Stein, E. Stamatatos, M. Koppel (Eds.)*. 2009. Vol. 502. P. 62–66.

Eades D. A case of communicative clash: Aboriginal English and the legal system // *Language and the Law / Ed. by J. Gibbons*. London : Longman, 1994. P. 234–264.

Ellis S. “It's Rather Serious...”. Early Speaker Identification // *Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik*. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. P. 515–522.

Endress W., Bambach W., Flösser G. Voice Spectrograms as a Function of Age, Voice Disguise and Voice Imitation // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1971. Vol. 49. P. 1842–1848.

Evans I., Foulkes P. Speaker identification in whisper. Paper presented at International Association for Forensic Phonetics and Acoustics conference. University of Cambridge, UK, 2009.

Forsyth R.S., Holmes D.I. Feature-finding for test classification // *Literary and Linguistic Computing*. 1996. Vol. XI. P. 163–174.

Frantzeskou G., Stamatatos E., Gritzalis S., Katsikas S. Effective identification of source code authors using byte-level information // *Proceedings of the 28th International Conference on Software Engineering*. New York : ACM Press, 2006. P. 893–896.

Fréry J., Langeron C., Juganaru-Mathieu M. UJM at CLEF in author identification – notebook for PAN at CLEF 2014 // *Working Notes for CLEF 2014 Conference*, Sheffield, UK, September 15–18, 2014 / L. Cappellato, N. Ferro, M. Halvey, W. Kraaij (Eds.). 2014. Vol. 1180. P. 1042–1048.

Gibbons J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*. Oxford : Blackwell, 2003. 346 p.

Gil J., San Segundo E. El disimulo de la cualidad de voz en fonética judicial: un estudio perceptivo para un caso de hiponasalidad // *Panorama de la Fonética Española Actual / Ed. by M. Penas Ibanez*. Madrid : Arco, Libros, 2013. P. 321–364.

Goldstein A., Knight P., Bailis K., Conover J. Recognition Memory for Accented and Unaccented Voices // *Bull. Psychonomic Soc*. 1981. Vol. 17. P. 217–220.

Halvani O., Steinebach M. VEBAV – a simple, scalable and fast authorship verification scheme – notebook for PAN at CLEF 2014 // *Working Notes for CLEF 2014 Conference*, Sheffield, UK, September 15–18, 2014 / L. Cappellato, N. Ferro, M. Halvey, W. Kraaij (Eds.). 2014. Vol. 1180. P. 1049–1062.

Halvani O., Winter Ch., Pflug A. Authorship verification for different languages, genres and topics // *Digital Investigation*. 2016. Vol. 16. P. 33–43.

Hanley T.D., Snidecor J. Some Acoustic Similarities Among Languages. 1967. *Phonetica*. Vol. 17. P. 141–148.

Hautamäki R.G., Sahidullah M., Hautamäki V., Kinnunen T. Acoustical and perceptual study of voice disguise by age modification in speaker verification // *Speech Communication*. 2017. Vol. 95. P. 1–15.

Heike G. Stimmenvergleichsgutachten – Probleme und Methoden der forensischen Phonetik am Beispiel einer Fallstudie // *Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik*. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. P. 481–490.

Higgins M., Saxman J. // A comparison of selected phonatory behaviors of healthy aged and young adults // *JSHR*. 1991. Vol. 34. P. 1000–1010.

Hirson A., Duckworth M. Forensic Implications of Vocal Creak as Voice Disguise // *BEIPHOL, Stud. Forensic Phonet.* 1995. Vol. 64. P. 67–76.

Hoit J., Hixon K., Altman M., Morgan W. Speech breathing in women // *JSHR*. 1989. Vol. 32. P. 353–365.

Hollien H. *Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics*. New York : Plenum Press, 1990. 370 p.

Hollien H. Consideration of guidelines for earwitness lineups // *Forensic Linguistics*. 1996. Vol. 3. P. 14–23.

Hollien H. *Vocal Indicators of Psychological Stress // Forensic Psychology and Psychiatry / F. Wright, C. Bahn, R. W. Rieber, (eds)*. New York : New York Academy of Sciences, 1980. P. 47–72.

Hollien H., Bennett G., Gelfer M.P. Criminal identification comparison: aural vs. visual identification resulting from a simulated crime // *Journal of Forensic Sciences*. 1983. Vol. 25. P. 208–221.

Hollien H., Geison L.L., Hicks J.W. Data on Psychological Stress Evaluators and Voice Lie Detection // *Journal of Forensic Sciences*. 1987. Vol. 32. P. 405–418.

Hollien H., Majewski W., Doherty E.T. Perceptual identification of voices under normal, stress and disguised speaking conditions // *Journal of Phonetics*. 1982. Vol. 10. P. 139–148.

Hollien H., Schwartz R. Aural-Perceptual Speaker Identification: Problems with Noncontemporary Samples // *Forensic Linguistics*. 2000. Vol. 7. P. 199–211.

Hollien H., Schwartz R. Speaker Identification Utilizing Noncontemporary Speech // *Forensic Science*. 2001. Vol. 46. P. 63–67.

Hollien H. *Forensic Voice Identification*. – New York : Academic Press, 2002. 240 p.

Holmes D.I. The analysis of literary style – a review // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)*, CXLVIII (4). 1985. P. 328–341.

Hoover D. Testing Burrows' Delta // *Literary and Linguistic Computing*. 2004. Vol. 19 (4). P. 453–475.

Horga D. The influence of bite-blocks on continuous speech production // *Phonetics and its applications* / A. Braun & H.R. Masthoff (Eds.). Stuttgart : Steiner, 2002. P. 143–152.

Horvath F. Detecting Deception: the Promise and the Reality of Voice Stress Analysis // *Journal of Forensic Sciences*. 1982. Vol. 27. P. 340–351.

Ingemann F. Identification of the Speaker's Sex from Voiceless Fricatives // *J. Acoust. Soc. Am*. 1968. Vol. 44. P. 1142–1144.

Juola P. Authorship attribution for electronic documents // *Advances in digital forensics* / M. Olivier, S. Shenoj (Eds.). Boston : Springer, 2006. Vol. II. P. 119–130.

Juola P., Stamatatos E. Overview of the author identification task at PAN 2013 [Electronic resource] // *Working Notes for CLEF 2013 Conference, Valencia, Spain, September 23–26, 2013, CEUR Workshop Proceedings* / P. Forner, R. Navigli, D. Tufis, N. Ferro (Eds.). 2014. Vol. 1179. Mode of access: <http://ceur-ws.org/Vol-1179/CLEF2013wn-PAN-JuolaEt2013.pdf>.

Kersta L. *Voiceprint Identification* // *Nature*. 1962. Vol. 196. P. 1253–1257.

Keselj V., Peng F., Cercone N., Thomas C. N-gram-based author profiles for authorship attribution // *Proceedings of the Conference Pacific Association for Computational Linguistics, PACLING'03, Dalhousie University, Halifax, Nova Scotia, Canada, 2003*. P. 255–264.

Khmelev D.V., Teahan W.J. A repetition based measure for verification of text collections and for text categorization // *Proceedings of the 26th ACM SIGIR*. New York : ACM Press, 2003. P. 104–110.

Khonji M., Iraqi Y. A slightly-modified GI-based author-verifier with lots of features (ASGALF) – notebook for PAN at CLEF 2014 // *Working Notes for CLEF 2014 Conference, Sheffield, UK, September 15–18, 2014* / L. Cappellato, N. Ferro, M. Halvey, W. Kraaij (Eds.). 2014. Vol. 1180. P. 977–983.

Khosmood F., Levinson R. Toward unification of source attribution processes and techniques // Proceedings of the 5th International Conference on Machine Learning and Cybernetics. Washington : IEEE, 2006. P. 4551–4556.

Klasmeyer G., Sendlmeier W. // Voice and emotional states // Voice Quality Measurement / R. Kent, M. Ball, Eds. San Diego : Singular Thomson Learning, 2000. P. 339–357.

Koehler S. The Role of Suicide Notes in Death Investigation // Journal of Forensic Nursing. 2007. Vol. 3. Issue 2. P. 87–89.

Koppel M., Schler J., Argamon S., Winter Y. The “fundamental problem” of authorship attribution // English Studies. 2012. Vol. 93 (3). P. 284–291.

Koppel M., Schler J. Authorship verification as a one-class classification problem // Proceedings of the twenty-first international conference on Machine learning, ICML '04, ACM, New York : NY, USA, 2004. P. 489–495.

Koppel M., Winter Y. Determining if two documents are by the same author // JASIST. 2014. Vol. 65 (1). P. 178–187.

Koster J.P. Auditive Sprechererkennung bei Experten und Naiven // Festschrift Wangler. Hamburg: Helmut Buske, 1981. Vol. 52. P. 171–180.

Köster O., Schiller N.O., Künzel H.J. The Influence of Native- language Background on Speaker Recognition // Proc. 13th Int. Congr. Phonetic Sei. Stockholm, 1995. Vol. 4. P. 306–309.

Künzel H. Effects of Voice Disguise on Fundamental Frequency // Forensic Linguistics. 2000. Vol. 7. P. 149–179.

Künzel H. Field Procedures in Forensic Speaker Recognition // Festschrift for J. D. O'Connor / J. Lewis (ed.). London : Routledge, 1995. P. 68–84.

Künzel H. On the Problem of Speaker Identification by Victims and Witnesses // Forensic Linguistics. 1994. Vol. 1. P. 45–58.

Künzel H. Sprecher-Erkennung: Grundzüge forensischer Sprachverarbeitung. Heidelberg: Kriminalistik-Verlag, 1987. 237 p.

Künzel H., Braun A., Eysholdt U. Einfluß von Alkohol auf Stimme und Sprache. Heidelberg : Kriminalistik Verlag, 1992. 117 p.

Ladefoged P., Ladefoged J. The Ability of Listeners to Identify Voices // UCLA Working Pap. Phonet. 1980. Vol. 41. P. 41–42.

Language and the Law / Ed. by J. Gibbons. London : Longman, 1994. 476 p.

LaRiviere C.L. Some Acoustic and Perceptual Correlates of Speaker Identification // *Dissertation Abstracts International*. 1972. Vol. 32 (12-A). P. 7116.

Lass N., Hughes K., Bower M., Waters L., Bourne V. Speaker Sex Identification from Voiced, Whispered and Filtered Isolated Vowels // *Acoust. Soc. Am.* 1976. Vol. 59. P. 675–678.

Leemann A., Kolly M., Dellwo V. Speaker-individuality in suprasegmental temporal features: Implications for forensic voice comparison // *Forensic Science International*. 2014. Vol. 238. P. 59–67.

Leenaars A. Suicide notes in the courtroom // *Journal of Clinical Forensic Medicine*. 1999. Vol. 6. Issue 1. P. 1–48.

Leenaars A., Balance W. A predictive approach to the study of manifest content in suicide notes // *Journal of Clinical Psychology*. 1981. Vol. 37. Issue 1. P. 50–52.

Leenaars A., Park B., Collins P., Wenckstern S., Leenaars L. Martyrs' Last Letters: Are They the Same as Suicide Notes? // *Journal of Forensic Sciences*. 2010. Vol. 55. Issue 3. P. 660–668.

Levi J. Language as evidence: the linguist as expert witness in North American courts // *International Journal of Speech, Language and the Law*. 1994. Vol. I (1). P. 3. 1–26.

Li J., Zheng R., Chen H. From fingerprint to writeprint // *Communications of the ACM*. 2006. Vol. 49 (4). P. 76–82.

Linville S.E. *Vocal Aging*, Singular Thomson Learning. San Diego : Singular Thomson Learning, 2001. 320 p.

Llomas D., Harrison P., Donnelly D., Watt D. Effects of different types of face coverings on speech acoustics and intelligibility // *York Papers in Linguistics*. 2008. Vol. 9. P. 80–104.

Luyckx K., Daelemans W. Authorship attribution and verification with many authors and limited data // *Proceedings of the 22nd International Conference on Computational Linguistics, COLING '08*, vol. 1, Association for Computational Linguistics, Stroudsburg, PA, USA, 2008. P. 513–520.

Moreau E., Jayapal A., Vogel C. Author verification: exploring a large set of parameters using a genetic algorithm – notebook for pan at CLEF 2014 // *Working Notes for CLEF 2014 Conference*, Sheffield, UK, September 15–18, 2014. / L. Cappellato, N. Ferro, M. Halvey, W. Kraaij (Eds.). 2014. Vol. 1180. P. 1092–1103.

Manning W.H., Hollien P.A. Effects of a Voice Disguise Device // *American Academy Forensic Science*. New Orleans, 1992. 108 (A).

Marton Y., Wu N., Hellerstein L. On compression-based text classification. In *Proceedings of the European Conference on Information Retrieval*. Berlin, Germany : Springer, 2005. P. 300–314.

Masthoff H.A Report on a Voice Disguise Experiment // Forensic Linguistics. 1996. Vol. 3. P. 160–167.

McGehee F. An Experimental Study of Voice Recognition // Journal of General Psychology. 1944. Vol. 31. P. 53–65.

McGehee F. The Reliability of the Identification of the Human Voice // Journal of General Psychology. 1937. Vol. 17. P. 249–271.

McGlone R.E., Hollien P.A., Hollien H. (Acoustic Analysis of Voice Disguise Related to Voice Identification // Proc. Intern. Conf. on Crime Countermeasures. Oxford, 1977. P. 31–35.

McClelland L., Reicher S., Booth N. A last defence: the negotiation of blame within suicide notes // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2000. Vol. 10. Issue 3. P. 225–240.

Mellinkoff D. The Language of the Law. Boston, Toronto : Little, Brown and Company, 1963. 526 p.

Michel J.F. Use of a Voice Lineup // American Academy Forensic Science. New Orleans, 1980. February, 937 A.

Molina deFigueiredo R.M., deSouza Britto H. A Report on the Acoustic Effects of One Type of Disguise // Forensic Linguistics. 1996. Vol. 3. P. 168–175.

Morton A.Q., Michaelson S. The Qsum Plot. Internal Report CSR-3-90, Department of Computer Science, University of Edinburgh, 1990. 70 p.

Mosteller F., Wallace D.L. Inference and Disputed Authorship: The Federalist. Reading, MA : Addison-Wesley, 1964. 287 p.

Neuhauser S. FAIC – Foreign Accent Imitation Corpus. 2011. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.personal.uni-jena.de/~x0nesa/faic.html>.

Nolan F. The Limitations of Auditory-Phonetic Speaker Identification // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. P. 457–480.

Nolan F. The Phonetic Bases of Speaker Recognition. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 221 p.

Nolan F., McDougall K., de Jong G., Hudson T. The DyViS database: style-controlled recordings of 100 homogeneous speakers for forensic phonetic research // The International Journal of Speech, Language and the Law. 2009. Vol. 16.1. P. 31–57.

Olsson J. Forensic Linguistics. Trowbridge : Cromwell Press, 2008. 256 p.

Orchard T., Yarmey A. The Effects of Whispers, Voice-Sample Duration and Voice Distinctiveness on Criminal Speaker Identification // Appl. Cogn. Psychol. 1995. Vol. 9. P. 249–260.

Orlikoff R., Baken R.J., Kraus D. // Acoustic and physiologic characteristics of inspiratory phonation // *JASA*. 1997. Vol. 102. № 3. P. 1838–1845.

Oyer E., Deal L. Temporal aspects of speech and the aging process // *Folia Phoniatrica*. 1985. Vol. 37. P. 109–112.

Papcun G., Kreiman J., Davis A. Long-term Memory for Unfamiliar Voices // *Acoust. Soc. Am.*, 1989. Vol. 85. P. 913–925.

Peng F., Shuurmans D., Wang S. Augmenting naive Bayes classifiers with statistical language models // *Information Retrieval Journal*. 2004. Vol. 7 (1). P. 317–345.

Pennebaker J.W. Psychological factors influencing the reporting of physical symptoms // *The Science of Self-report: Implications for Research and Practice* / A.A. Stone, J.S. Turkkan, C.A. Bachrach, J. B. Jobe, H.S. Kurtzman and V.S. Cain (eds). Mahwah, NJ : Erlbaum Publishers, 1999. P. 299–316.

Potha N., Stamatatos E. A profile-based method for authorship verification // 8th Hellenic Conference on AI, SETN 2014, Ioannina, Greece, May 15–17, 2014, Proceedings, Springer International Publishing, 2014. P. 313–326.

Potter R. Visible Patterns of Speech // *Science*. 1945. November. P. 463–470.

Ptacek P., Sander E. Age recognition from voice // *JSHR*. 1966. Vol. 9. P. 273–277.

Potter R., Kopp G., Green H. *Visible Speech*. New York : Van Nostrand, 1947. 441 p.

Ramig L., Ringel R. Effects of physiological aging on selected acoustic characteristics of voice // *JSHR*. 1983. Vol. 26. P. 22–30.

Ramig L. Effects of physiological aging on vowel spectral noise // *Journal of Gerontology*. 1983. Vol. 38. P. 223–225.

Reeves T.E. Audio-Stress Analysis – A Means of Truth Verification in Forensic Practice, *Medical Trail Technique Quarterly*. 1980. Vol. 26. P. 430–455.

Reich A. Detecting the Presence of Vocal Disguise in the Male Voice // *Acoust. Soc. Am.* 1981. Vol. 69. P. 1458–1461.

Reich A.R., Duke J.E. Effects of selective vocal disguises upon speaker identification by listening // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1979. Vol. 66. P. 1023–1028.

Sanderson C., Guenter S. Short text authorship attribution via sequence kernels, Markov chains and author unmasking: An investigation // *Proceedings of the International Conference on Empirical Methods in Natural Language Engineering*. Morristown, NJ : Association for Computational Linguistics, 2006. P. 482–491.

Sanford T., Aked J., Moxey L., Mullin J. A critical examination of assumptions underlying the cusum technique of forensic linguistics // *International Journal of Speech, Language and the Law*. 1994. Vol. I (2). P. 151–167.

San Segundo E., Alves H., Fernández Trinidad M. CIVIL Corpus: Voice Quality for Speaker Forensic Comparison // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. P. 587–593.

Sapienza C.M., Dutka J. // Glottal airflow characteristics of women's voice production along an aging continuum // *JSHR*. 1996. Vol. 39. P. 322–328.

Sarndal C.E. On Deciding Cases of Disputed Authorship // *Applied Statistics*. 1967. Vol. XVI (3). P. 251–268.

Saslove H., Yarmey A. Long-term auditory memory: speaker identification // *Journal of Applied Psychology*. 1980. Vol. 45. P. 111–116.

Schiller N.O., Köster O. The Ability of Expert Witnesses to Identify Voices: A Comparison Between Trained and Untrained Listeners // *Forensic Linguistics*. 1998. Vol. 5. P. 1–9.

Schmidt-Nielsen A., Stern K. Identification of Known Voices as a Function of Familiarity and Narrow-band Coding // *Acoust. Soc. Am.* 1985. Vol. 77. P. 658–663.

Schneidman E.S., Farberow N.L. Clues to Suicide // *Public Health Report*. 1956. Vol. 71. № 2. P. 109–114.

Schwartz M.F. Identification of Speaker Sex from Isolated Voiceless Fricatives // *Acoust. Soc. Am.* 1968. Vol. 43. P. 1178–1179.

Sebastiani F. Machine learning in automated text categorization // *ACM Computing Surveys*. 2002. Vol. 34 (1). P. 1–47.

Shipp T., Hollien H. Perception of the aging male voice // *JSHR*. 1969. Vol. 12. P. 703–71.

Shuy R.W. *Linguistic Battles in Trademark Disputes*. New York : Palgrave Macmillan, 2002. 208 p.

Shuy R.W. *Linguistics in the Courtroom: A Practical Guide*. New York : Oxford University Press, 2006. 160 p.

Shuy R.W. *The Language of Bribery Cases*. New York : Oxford University Press, 2013. 288 p.

Shuy R.W. *The Language of Defamation Cases*. New York : Oxford University Press, 2010. 264 p.

Shuy R.W. *The Language of Murder Cases: intentionality, predisposition, and Voluntariness*. New York : Oxford University Press, 2014. 288 p.

Shuy R.W. *The Language of Perjury Cases*. New York : Oxford University Press, 2011. 232 p.

Shuy R.W. *The Language of Sexual Misconduct Cases*. New York : Oxford Univ. Press, 2012. 240 p.

Shuy R.W. Ten Unanswered Language Questions about Miranda // *Forensic Linguistics*. 1997. Vol. 4. № 2. P. 175–196.

Simpson A.P., Grawunder S. Intraoral pressure variation in nasal–plosive and plosive–plosive sequences in German // *Proc. 8th International Seminar on Speech Production*. Strasbourg, 2008. P. 125–128.

Simpson A.P., Neuhauser S. Enduring nature of epiphenomenal non-pulmonic sound production under disguise a preliminary study [Electronic resource] // *Proceedings IAFPA, Cambridge University*, 2009. Mode of access: <https://www.researchgate.net/publication/242367548>.

Smith I., Foulkes P., Soskuthy M. Speaker Identification in Whisper // *Let. Hoje*. 2017. Vol. 52. № 1. P. 5–14.

Spencer L. Speech Characteristics of Male-to-Female Transsexuals // *Folia Phoniatrica*. 1988. Vol. 40. P. 31–42.

Stamatatos E. Authorship attribution based on feature set subsampling ensembles // *International Journal on Artificial Intelligence Tools*. 2006. Vol. 15(5). P. 823–838.

Stamatatos E. Author identification using imbalanced and limited training texts // *Proceedings of the 4th International Workshop on Text-Based Information Retrieval*. 2007. P. 237–241.

Stamatatos E. A Survey of Modern Authorship Attribution Methods // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. 60 (3). P. 538–556.

Stamatatos E., Daelemans W., Verhoeven B., Pothast M., Stein B., Juola P. Overview of the author identification task at PAN 2014 // *Working Notes for CLEF 2014 Conference, Sheffield, UK, September 15–18, 2014* / L. Cappellato, N. Ferro, M. Halvey, W. Kraaij (Eds.). 2014. Vol. 1180. P. 877–897.

Stamatatos E., Fakotakis N., Kokkinakis G. Automatic text categorization in terms of genre and author // *Computational Linguistics*. 2000. Vol. 26(4). P. 471–495.

Stein B., Lipka N., Meyer S. Meta analysis within authorship verification [Electronic resource] // *19th International Workshop on Database and Expert Systems Applications (DEXA 2008)*, 1–5 September 2008, Turin, Italy, IEEE Computer Society (2008). P. 34–39. Mode of access: <http://doi.ieeecomputersociety.org/10.1109/DEXA.2008.20>.

Stevens K.N. Sources of inter- and intra-speaker variability in the acoustic properties of speech sounds // Proceedings of the Seventh International Congress on Phonetic Sciences. Montreal, 1971. P. 206–232.

Stolerman A., Overdorf R., Afroz S., Greenstadt R. Breaking the closed-world assumption in stylometric authorship attribution // Advances in Digital Forensics X – 10th IFIP WG 11.9 International Conference, Vienna, Austria, January 8–10, 2014, IFIP Advances in Information and Communication Technology. Revised Selected Papers / G. L. Peterson, S. Shenoi (Eds.). 2014. Vol. 433. P. 185–205.

Survey of English Dialects: Basic Materials / H. Orton et al. Leeds: E. J. Arnold & Son, 1962–71. Vol. 1–4.

Svartvik J. The Evans statements: A case for forensic linguistics. Göteborg : University of Göteborg, 1968. 44 p.

Suzuki T., Tanimoto M., Osanai T., Kido H. Acoustical Variation of Voice with Aging of Male Speakers on Vowels and Nasal Sounds // Papers presented at Annual Meeting of American Academy of Forensic Science. Nashville : AAFS, 1996. P. 14–27.

Tambouratzis G., Markantonatou S., Hairetakis N., Vassiliou M., Carayannis G., Tambouratzis D. Discriminating the registers and styles in the Modern Greek language. Part 2: Extending the feature vector to optimize author discrimination // Literary and Linguistic Computing. 2004. Vol. 19 (2). P. 221–242.

Tax D. One-class classification: concept learning in the absence of counter-examples [Electronic resource] // Ph.D. thesis. Delft University of Technology, 2001. Mode of access: <http://www-ict.ewi.tudelft.nl/~{ }davidt/thesis.pdf>.

Teahan W., Harper D. Using compression-based language models for text categorization // Language modeling and information retrieval / W. B. Croft, J. Lafferty (Eds.). Berlin : Springer, 2003. P. 141–165.

Teng G., Lai M., Ma J., Li Y. E-mail authorship mining based on SVM for computer forensics // Proceedings of the International Conference on Machine Learning and Cybernetics 2. Washington, DC : IEEE, 2004. P. 1204–1207.

Thompson C. Voice Identification: Speaker Identifiability and Correction of the Record Regarding Sex Effects // Human Learning. 1985. Vol. 4. P. 19–27.

Tosi O. Voice Identification: Theory and Legal Applications. Baltimore, MD : University Park Press, 1979. 182 p.

Trengove G. Expert Evidence in a Scottish Sheriff Court // Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. P. 491–502.

Undeutsch U. Beurteilung der Glaubhaftigkeit von Aussagen // Handbuch Forensische Psychologie. Göttingen : Hogrefe, 1967. P. 445–465.

Uzuner O., Katz B. A comparative study of language models for book and author recognition // Proceedings of the 2nd International Joint Conference on Natural Language Processing. Berlin : Springer, 2005. P. 969–980.

Van Dam M., Hauff C. Large-scale author verification: temporal and topical influences // Proceedings of the 37th International ACM SIGIR Conference on Research & Development in Information Retrieval, SIGIR '14, ACM. New York, 2014. P. 1039–1042.

Van der Car D. H., Greaner J., Hibler N., Speelberger C. D., Bloch S. A Description and Analysis of the Operation and Validity of the Psychological Stress Evaluator // Journal of Forensic Sciences. 1980. Vol. 25. P. 174–188.

Walsh M. Interactional styles in the courtroom: An example from northern Australia // Language and the Law / Ed. by J. Gibbons. London : Longman, 1994. P. 217–233.

Watt D., Yurkova J. Voice Onset Time and the Scottish Vowel Length Rule in Aberdeen English // Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences. Saarbrücken, 2007. P. 1521–1524.

Whalen J., Zimmerman D.H. Observations on the display and management of emotion in naturally occurring activities: The case of 'hysteria' in calls to 9-1-1 // Social Psychology Quarterly. 1998. Vol. 61 (2). P. 141–159.

Whalen J., Zimmerman D.H., Whalen M.R. When words fail: a single case analysis // Social Problems. Vol. 35 (4). Special Issue: Language Interaction and Social Problems. 1988. P. 335–362.

Whalen M.R., Zimmerman D.H. Sequential and institutional contexts in calls for help // Social Psychology Quarterly. 1987. Vol. 50 (2). Special Issue: Language and Social Interaction. P. 172–185.

Wolfe V., Ratusnik D., Smith F., Northrop G. Intonation and Fundamental Frequency in Male-to-Female Transsexuals // Speech Hear. Disord. 1990. Vol. 55. P. 43–50.

Xue S. A., Deliyski D. Effects of aging on selected acoustic voice parameters: preliminary normative data and educational implications // Educational Gerontology. 2001. Vol. 21. P. 159–168.

Yarmey A.D. Earwitness speaker identification // *Psychology, Public Policy, Law*. 1995. Vol. 1. P. 792–816.

Yarmey A.D. Voice Identification Over the Telephone // *J. Appl. Social Psychol.* 1991. Vol. 21. P. 1868–1876.

Yarmey A.D., Matthys E. Voice Identification of an Abductor // *Appl. Cogn. Psychol.*, 1992. Vol. 6. P. 367–377.

Yarmey D.A., Yarmey A.L., Yarmey M.J., Parliament L. Commonsense beliefs and the identification of familiar voices // *Applied Cognitive Psychology*. 2001. Vol. 15 (3). P. 283–299.

Zhang Ch., Hansen J.H. Whisper-island detection based on unsupervised segmentation with entropy-based speech feature processing // *IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. 2011. Vol. 19. № 4. P. 883–894.

Zhang C., Morrison G.S. Forensic database of audio recordings of 68 female speakers of Standard Chinese. 2011. [Electronic resource]. Mode of access: <http://databases.forensic-voice-comparison.net>.

Zhang C., Tan T. Voice disguise and automatic speaker recognition // *Forensic Science International*. 2008. Vol. 175. P. 118–122.

Zhao Y., Zobel J. Effective and scalable authorship attribution using function words // *Information Retrieval Technology, Lecture Notes in Computer Science / G. Lee, A. Yamada, H. Meng, S. Myaeng (Eds.)*. Berlin : Springer, 2005. P. 174–189.

Zheng R., Li J., Chen H., Huang Z. A framework for authorship identification of online messages: Writing style features and classification techniques // *Journal of the American Society of Information Science and Technology*. 2006. Vol. 57 (3). P. 378–393.

Zimmerman D.H. The interactional organization of calls for emergency assistance // *Talk and Work / P. Drew, J. Heritage (eds)*. Cambridge and New York : Cambridge University Press, 1992. P. 418–469.

ГЛАВА II ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА, ПРАВА И ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

В России лингвистическая экспертиза зарождалась и развивалась в тесной взаимосвязи языка, права и политики, что обусловило не только собственный вектор развития, но и иное методологическое наполнение.

«Разработка юридического аспекта языка и лингвистического аспекта права привела к созданию комплексной дисциплины на стыке наук, получившей название юридической лингвистики (юрислингвистики)» [Пантелеева 2013: 111].

Юрислингвистика как наука имеет гибридный характер и пересекается с рядом других научных направлений, в том числе – с политической лингвистикой. Центральное понятие юрислингвистики – «правовая коммуникация» – рассматривается современной наукой «в ряду других разновидностей коммуникации: естественно-языковой, научной, художественной, информационной (СМИ), религиозной и др.» [Голев 2006: 6]. В этот ряд можно с полным правом включить и коммуникацию политическую. О пересекаемости политической коммуникации с правовой говорится во многих исследовательских работах, ср., например: «Российский политический дискурс – речевое воплощение коммуникативного аспекта политики, которая регулируется рядом законов. Во-первых, Конституцией Российской Федерации ... Во-вторых, федеральным избирательным законодательством ... В-третьих, законом о СМИ, где законодательно указаны пределы участия российских журналистов в политической коммуникации: их профессиональные задачи не предполагают вмешательства в политику ... Нарушение требований этих и некоторых других законов является преступлением той или иной степени тяжести, совершаемым именно в текстовом режиме» [Кара-Мурза 2012б: 812].

Политическая коммуникация имеет несколько главных точек пересечения с правовой коммуникацией, «при этом акцентируется взаимная категоризация таких областей, как язык и право, язык и политика» [Пантелеева 2013: 110]. Основными точками можно считать лингвоконфликтологию и лингвоэкспертологию, так как исследование инвективной и манипулятивной функций языка и специфики речевых конфликтов, а также

разработка теоретических основ экспертной деятельности и разработка конкретных методик экспертизы спорных речевых произведений одинаково важны и для юрислингвистики, и для политической лингвистики как областей коммуникации, ср., мнение Н.Д. Голева о расширении сферы конфликтов: «Либерализация российского общества, открывшиеся шлюзы частного предпринимательства, обсуждение проблем правового государства ... и гражданского общества ... снятие идеологического занавеса вовлекли в правовую деятельность широкие массы людей, сделав их ее активными субъектами ... Огромное количество юридико-лингвистических конфликтов оказались актуализированными в этот сложный и противоречивый период российской жизни. Назовем важнейшие:

1) защита чести и достоинства (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений, неуважение к суду и т.д.);

2) толкование текстов законов, спорных документов, договоров;

3) речевое хулиганство (брань, нецензурные выражения);

4) разжигание межнациональной и религиозной розни; экстремистские призывы;

5) лингвокриминалистика (идентификация личности по языковым признакам, идентификация документов);

6) речевое манипулирование (реклама, предвыборные технологии, «околомедицинские» практики);

7) защита авторских прав;

8) конституционное право на имя;

9) конфликты, связанные с русским (или другим) языком как государственным;

10) конфликты межъязыкового периода» [Голев 2007: 9].

Точкой пересечения политической коммуникации и права можно считать также положения о статусе законодательной и исполнительной власти, ср.: «Анализ законодательных текстов свидетельствует о том, что статус депутата российского парламента имеет синтетический характер и представлен в виде совокупности четко определенных личностных, профессиональных и социально-правовых характеристик. Данные характеристики иллюстрируют совместимость статуса депутата с иными статусами субъектов законодательного или правоприменительного дискурсов, коммуникативные отношения, складывающиеся в процессе осуществления субъектом полномочий, обусловленных его статусом» [Батюшкина 2017: 79].

Предметом данного раздела монографии является язык, функционирующий в политико-правовом пространстве. В свою очередь, задачей данного раздела монографии является обзор методико-методологической базы исследования текстов, отражающих взаимодействие трех предметных областей – языка, права и политики. В качестве отправной точки для описания методико-методологической базы мы использовали принцип структурирования исследовательского материала по направлениям анализа, который широко используется как в политической, так и в юридической лингвистике. Со своей стороны, внутри каждого направления мы сделали попытку охарактеризовать релевантные для него методы и методики.

1. НАПРАВЛЕНИЕ, ВКЛЮЧАЮЩЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Авторы исследований, посвященных языку и праву в контексте языковой политики, постоянно отмечают связь языковой политики с внутренней политикой государства, ср.: «Известно, что от правильно выбранных политических стратегий во многом зависит политический успех на выборах. Нередко во время предвыборных баталий поднимаются и языковые вопросы, что связано с желанием привлечь более широкие слои избирателей на свою сторону» [Едличко 2016: 198]; «Обострение общественных и политических противоречий в сфере языковой политики в США зачастую непосредственно связаны либо с обострением миграционных проблем, либо с конкретными историческими событиями, порождающими своего рода «лингвофобии» американского общества» [Павлова 2016: 204].

Работы, посвященные языковой политике того или иного государства, выполняются, как правило, в рамках описательного или историко-хронологического методов, ср., например: «С изменением политического статуса острова существенно менялось и правовое положение английского и испанского языков. В 1917 г. Президент Вильсон подписал Закон Джойса, который предоставил пуэрториканцам американское гражданство, но одновременно утверждал английский в качестве официального языка. Однако вскоре испанский язык был законодательно определен как язык обучения начальной средней школы (1937), а в 1946 г. и как единый язык для всей системы публичного образо-

вания. Важное значение имел Исполнительный приказ № 13166 «Об улучшении доступа к услугам для лиц с недостаточным знанием английского языка, изданный Президентом Клинтонем 11 августа 2000 г.» [Павлова 2016: 2004].

Описательный метод доминирует и в статье Д.А. Катунина «Регламентация использования языков в работе федеральных и региональных парламентов Российской Федерации»: «Язык упоминается в текстах регламентов обеих палат федерального парламента и 38 региональных законодательных органов и в трех законах о республиканских парламентах. Обращения к языку (языкам) характеризуют несколько моментов деятельности законодательных органов. Один из них – это язык работы парламентов и выступлений на заседаниях. Такие положения прописаны в соответствующих статьях регламентов обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации, а также в регламентах большинства республиканских парламентов (за исключением Адыгеи, Алтая, Башкирии и Якутии).

Русский язык заявлен как единственный или основной в качестве языка ведения заседаний в регламентах законодательных органов федерального уровня Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Карелии, Тюменской области, города Москва, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Чукотского и упраздненного к настоящему времени Агинского Бурятского автономных округов.

По два языка наделяются таким статусом в регламентах одиннадцати исключительно республиканских парламентов: Бурятии, Калмыкии, Коми, Марий эл, Мордовии, Северной Осетии, Татарии, Тувы, Удмуртии, Хакасии и Чувашии, а также в Законе о Государственном Собрании – Эл Курултай Республики Алтай» [Катунин 2010: 90].

2. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Необходимость создания словарей, отражающих взаимодействие языка и права, отмечают многие исследователи, ср.: «Актуальная задача углубленного представления правового феномена в лингвистических координатах – специальная лексикографическая обработка. Это лингвистическое обеспечение и подготовка изданий, адресованных именно правоведам. Обычный филологический словарь, как справедливо отмечает Н.Д. Голев и ряд других ученых, не может выполнять юридическую функцию, не имеет «законного права» быть ос-

нованием следственных и судебных решений; словарные пометы в толковых словарях «слишком прихотливы и приближительны, чтобы выполнять функцию правового документа. Тот очевидный факт, что прагматические созначения далеко не у всех слов присутствуют в их словарном варианте, но создаются контекстными условиями, очевидно, не должен служить препятствием на пути юридической регламентации инвективной лексики. В противном случае без представления правового феномена в лингвистических координатах лингвоюридическая экспертиза оказывается лишенной узаконенных оснований. Помимо собственного лингвоюридического словаря, который позволит сделать лингвоюридическую экспертизу на предмет наличия оскорбления чести и достоинства более объективной и доказательной, необходим авторитетный прагматический словарь русского языка ... И если собственно юрислингвистический словарь, дающий шкалу инвективности, должен осуществить переход от лингвистического комментария ... к юридическому, то задача прагматического словаря – концентрация всей прагматической (идеологической, политической, культурологической, конфессиональной и т.д.) информации о каждой словарной единице в широком лингвокультурном контексте» [Пантелеева 2013: 112–113].

Примером словаря, созданного на стыке политической лингвистики и юриспруденции, является словарь Г.Н. Складневской и И.О. Ткачевой «Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: Краткий словарь-справочник». В качестве иллюстрации взаимодействия языка, политики и права приведем несколько словарных статей, включающих лексему «право» и ее производные:

Право голоса

Возможность участвовать в выборах, а также в принятии решений по каким-л. общественным вопросам.

Получить право голоса. Лишиться права голоса.

Права человека

Основные гражданские, политические и социально-экономические права и свободы, характеризующие положение человека в государстве: право на жизнь, на свободу, на равенство всех перед законом, на свободу слова и т.п., а также права личности.

Защита прав человека. Нарушение, несоблюдение прав человека.

Правовое государство

Государство, построенное на строгих основах права и проводящее в жизнь неукоснительное соблюдение законов.

Построение правового государства. Политика правового государства. Конституционные принципы правового государства [Скляревская, Ткачева 2004].

3. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В рамках данного направления преобладает описательный метод, предполагающий сбор информации и ее диахроническую характеристику. Так, в статье В.М. Амирова «Журналистика вооруженных конфликтов в правовом пространстве российского законодательства» приводятся правовые ограничения на информацию, публикуемую в СМИ в период военных конфликтов, ср.: Аналогичная модель освещения военного конфликта была реализована во время войны в Афганистане, где более или менее полную картину могли дать только журналисты-комбатанты... Для всех остальных журналистов действовали многочисленные ограничения, сведенные в специальный регламентирующий документ – Перечень сведений, разрешаемых к открытому опубликованию, относительно действий ограниченного контингента советских войск на территории ДРА (в соответствии с постановлением ЦК КПСС № П 206/2 от 7.06.85 г.). О том, насколько серьезными были эти ограничения, свидетельствует, например, разрешение показывать «отдельные единичные факты (не более одного в месяц) ранений или гибели советских военнослужащих при исполнении воинского долга, отражении нападения мятежников, выполнения заданий, связанных с оказанием интернациональной помощи афганскому народу, или рассказывать «о действиях небольших советских воинских подразделений по отражению нападения на них и охраняемые ими объекты, по оказанию помощи афганским войскам в разгроме бандформирований и защите населения ДРА». Перечень категорически запрещал показ любых действий советских войск масштабом более роты» [Амиров 2013: 17].

4. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

При исследовании терминологии, релевантной для текстов, отражающих взаимодействие языка, политики и права, используются следующие методы анализа.

• **Метод анализа и моделирования дефиниций**

Интересный пример использования данного метода представлен в статье О.Н. Григорьевой «Закон в зеркале СМИ». Автор исследует термин «закон» посредством анализа оппозиций в сочетании с описательным методом и методом синонимических замен:

«Слово “закон” в русском языковом сознании ассоциируется и с высшей справедливостью, и с лишением свободы. Семантическая оппозиция *законный–беззаконный* реализуется в русском языке противопоставлением прилагательных цвета *белый–черный* в их метафорическом значении.

Определение чего-либо как законного относительно законного и противозаконного выражено метафорическим рядом *белый–серый–черный*. В качестве синонимов этих прилагательных могут использоваться слова *прозрачный и теневой* (“*прозрачный механизм уплаты налогов*”).

Интересно, что *теневой* употребляется не только применительно к чему-либо противозаконному, но и к самому закону. В этом случае возникает семантический парадокс – оксюморон, общее значение которого можно определить как «незаконный закон» [Григорьева 2008: 436].

***Историко-культурологический анализ**

Данный способ исследования термина продемонстрирован в работе М.В. Гавриловой «Номинация высшего законодательного органа России как языковой механизм идеологической борьбы». На широком историко-культурном фоне автор показывает динамику семантики лексем «дума» и «совет», имеющую следствием развитие функциональных возможностей данных слов:

«Политическая коммуникация характеризуется постоянной борьбой за номинации, то есть за групповые политические ценности. Обозначение органов политической власти является наглядной иллюстрацией этого процесса. Ср.: Государственная дума и Государственный совет Российской империи (1905–1917 гг.) – Советы депутатов (1918–1936 гг.) – Верховный совет СССР (Совет Союза и Совет национальностей) (с 1936 г.) – Федеральное собрание (Государственная дума и Совет федераций) (с 1993 г.).

Рассмотрим представленные политические наименования подробнее. *Дума* – яркое, емкое славянское слово: это и мысль, и мечта, и забота... Отметим, что *дума* означает соборность, присущую русскому сознанию... Смена политической власти в

1917 г. приводит к изменению названия государственного собрания – совет вытесняет думу. Причина ясна – новые органы власти – новые обозначения. С одной стороны, *совет* и *дума* близки по значению: *совет* – это совместное обсуждение, совещание, мнение, как поступить. С другой стороны, семантическое отличие между словами приводит к различным результатам в политической деятельности... Номинация *совет* привела к ослаблению активной и ответственной позиции участников политического процесса, поскольку *советовать/ся* означает иметь право заявлять свое суждение о деле, но не решать его. Однако право говорить должно быть подкреплено правом решать. Таким образом, номинация органов власти *совета*ми внедряет и укрепляет совещательную функцию собрания» [Гаврилова 2007: 62–62].

• Критический анализ

Примером могут служить работы К.А. Мигушова и Ю.Н. Назарова, которые исследуют структуру и семантическое наполнение термина «правовая культура». Авторы публикаций представили критическую интерпретацию данного термина в современной науке и предложили его системную трактовку, релевантную для целого ряда форматов институционального дискурса, в том числе – политического: «Особенности системного подхода к правовой культуре определяется двумя обстоятельствами: 1) пониманием термина “система” и 2) пониманием термина “культура”. Системный подход в познании предполагает, как известно, деление объекта познания на части, называемые элементами, каждый из которых имеет определенную функцию» [Мигушов, Назаров 2016: 31]. «Правовая культура, будучи частью человеческой культуры как целого, включает в себя все содержание правовой деятельности человека (правового познания и правовой практики), или, говоря иначе, все содержание правовой реальности (правовой действительности): правовые отношения, правовые идеи и правовые учреждения» [Назаров 2014: 5].

Еще одним примером использования критического метода в лингвоправовом ключе является статья О.В. Барабаш и К.Б. Филиппова, посвященная термину «коррупция»: «Коррупция как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингвоправовой анализ дефиниции». О.В. Барабаш и К.Б. Филиппов представили подробный анализ дефиниции, выявив ее недостатки и продемонстрировав пути

снятия противоречий, а также смоделировали авторское определение: «Анализ официального определения понятия коррупции позволяет выявить в нем ряд недостатков, послуживших причиной возникновения разногласий в толковании его содержания ... Дискуссионным оказалось толкование содержащейся в официальной дефиниции понятия коррупции языковой формулы “иное незаконное использование служебного положения” ... На наш взгляд, снятие указанных противоречий возможно путем уточнения круга деяний, квалифицируемых как коррупционные, за счет их разграничения по следующим категориям: получение незаконной выгоды ...; незаконное использование должностных полномочий, сопровождающееся получением незаконной выгоды, влекущее уголовную ответственность ...; законное использование должностных полномочий, сопровождающееся получением незаконной выгоды, влекущее как уголовную, так и административную, а также дисциплинарную ответственность ... Полагаем, что при дальнейшем совершенствовании антикоррупционного законодательства нормативна дефиниция термина “коррупция” подлежит ревизии с учетом вышеизложенного» [Барабаш, Филиппов 2014: 16–18].

• **Лингвокогнитивный анализ**

Статья О.В. Барабаш «Феномен коррупции в семантическом пространстве языка» посвящена этому же термину, однако написана в лингвокогнитивном ключе.: «Лексема “коррупция” функционирует в русском языке как консубстанциональный термин, в связи с чем концепт “КОРРУПЦИЯ” получает воплощение не только в кодифицированном виде (как юридический термин), но и в целой системе метафорических моделей, трансформирующих семантику слова в соответствии с эмоционально-оценочным посылом автора высказывания» [Барабаш 2016: 263]. И далее: «Особенности и недочеты официальной дефиниции коррупции не только порождают научные дискуссии, но и отражаются на правоприменительной практике. В связи с этим считаем, что коррупция как правовое понятие все еще нуждается в изучении и уточнении как с правовой, так и с лингвистической позиций» [Там же: 261]. Используя в совокупности словарные методы и когнитивный метод метафорического моделирования, автор (на материале выступлений первых лиц РФ) приходит к следующим выводам лингвистического и правового характера:

«В настоящее время среди наиболее продуктивных метафорических моделей, реализующих концепт “Коррупция”, отчетливо выделяются модели СИСТЕМА, РАСТЕНИЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ, МЕХАНИЗМ, БОЛЕЗНЬ, ЖИДКОСТЬ, БОЛОТО, ЖИВОТНОЕ, НЕРЕАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО, РОДСТВО. При этом в официальных выступлениях Президента России и членов Правительства, посвященных вопросам коррупции, преобладают метафорические модели СИСТЕМА, МЕХАНИЗМ, ПРЕПЯТСТВИЕ, которые можно охарактеризовать, пользуясь терминологией А.Н. Баранова, как рациональные. В газетном и информационно-аналитическом дискурсах ведущие позиции занимают метафорические модели, позволяющие выразить эмоциональное отношение автора к феномену коррупции: БОЛЕЗНЬ, НЕРЕАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО, РАСТЕНИЕ, БОЛОТО...

Анализ новейших публикаций СМИ, затрагивающих проблему коррупции, а также результаты научных исследований историков, юристов, политологов, социологов, лингвистов свидетельствуют о том, что, несмотря на указанные масштабы осуществления антикоррупционной политики в России, феномен коррупции воспринимается в обществе неоднозначно. На поверхности преобладает негативная его оценка, но в то же время в коллективном бессознательном закрепилось представление о коррупции как о неистребимом, всепроникающем явлении, опирающемся на устойчивые черты национальной традиции, что значительно снижает эффективность осуществляемых в России антикоррупционных мер» [Там же: 263].

В рамках лингвокогнитивного метода термин «коррупция» исследуется также в статье А.В. Сосипатовой «Феномен коррупции в современных СМИ сквозь призму метафоры». Проанализировав использование номинаций родства для репрезентации феномена коррупции в современном дискурсе СМИ (2000–2016), автор приходит к выводу о том, что «в современном дискурсе СМИ метафорическая модель родства представляет отношения между коррупцией и государством, между коррупцией и гражданами, между коррупцией и иными экономическими и социальными явлениями в государстве. Эти отношения характеризуются как отношения в семье, члены которой связаны между собой генетической связью» [Сосипатрова 2016: 199].

Лингвокогнитивный метод анализа является ведущим и в статье Н.К. Рамазановой «Лингвокогнитивный анализ терминологических номинаций юридического концепта “ТАКЪСИР” в

аварском языке (на материале СМИ)». Характеризуя концепт «Такъсир» (преступление) в аварском языке через описание его фреймовой структуры, автор создает его иерархизованную модель на материале текстов СМИ, в том числе – имеющих политический характер: «В данной работе был произведен лингвокогнитивный анализ терминологических номинаций юридического концепта ТАКЪСИР в аварском медийном дискурсе. Модель предметной области может быть представлена в виде иерархической структуры, ячейка “ТАКЪСИР” является вершиной этой структуры. Второй уровень иерархии представлен фреймами “ТАКЪСИРАЛЪУЛ ЖИНСАЛ”, “ТАКЪСИРАЛЪУЛ СУБЪЕКТ”, “ТАКЪСИРАЛЪУЛ НАТИЖАЛ”. Каждый из фреймов включает другие более мелкие компоненты – подфреймы, слоты и подслоты» [Рамазанова 2016: 68].

• **Комплексный анализ**

Комплексному анализу понятия «коррупция» посвящена статья О.В. Барабаш «Особенности категоризации феномена коррупции вне юридического дискурса». Сделанный автором анализ опирается, «как минимум, на три наиболее репрезентативные группы текстов: 1) пословицы и поговорки о коррупции; 2) нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции; 3) тексты СМИ по соответствующей проблематике. Это позволяет проследить процессы формирования концепта “коррупция” на трех уровнях: 1) наивном (глубинном); 2) официальном; 3) интерпретационном. В настоящее время наименее исследованными являются первая и третья группа текстов. В то же время считаем, что анализ на их материале развития номинативного поля коррупции в русском языке... и метафорического осмысления его компонентов позволил бы не только проследить трансформацию социального восприятия изучаемого феномена и ее отражение в языке, но и наметить стратегии формирования общественного сознания в антикоррупционном аспекте» [Барабаш 2016: 24].

• **Дифференциальный анализ**

Посредством данного метода дифференцируются / разграничиваются сходные, но не тождественные термины, репрезентирующие понятия, лежащие в смежной области права и политики. Примером может служить публикация И.С. Данильханова и Н.В. Исакова «Политико-правовые основы разграниче-

ния полномочий между центром и регионом во внешнеполитической сфере современной России», в которой авторы делают удачную, на наш взгляд, попытку разграничить термины «трансграничное сотрудничество» и «приграничное сотрудничество», ср.: «В Российской Федерации принята концепция приграничного сотрудничества, где термин “приграничное сотрудничество” тождествен термину “трансграничное сотрудничество”... Мы предлагаем понимать “трансграничное сотрудничество” как вид международных связей, осуществляемых на многосторонней, также и двусторонней основе, между государствами или субъектами государств, имеющими общие границы, и направленное на взаимовыгодное сотрудничество для получения экономической выгоды и достижения различных целей ... Приграничные территории являются основным компонентом трансграничного сотрудничества, представляя собой приграничные периферии соседних государств. Через приграничные территории идет взаимодействие между различными государствами и международными организациями» [Денильханов, Исаков 2016: 158].

5. ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Жанрово-стилистический анализ текстов, отражающих взаимодействие политики и права, является достаточно популярным при исследовании спорных текстов СМИ, однако используется и для материалов судебных выступлений. Примером жанрово-стилистического исследования являются материалы уголовного дела об убийстве депутата Госдумы С. Юшенкова (статья А.С. Александрова, И.А. Александровой «Язык и судебная истина»). Авторы интерпретируют материалы перекрестного допроса обвиняемого в убийстве депутата в жанре судебной драмы: «Судебная криминальная драма – это жанр, производный от судебной речи, рода публичной речи, вмещающего достаточно много жанров. Данный жанр является одним из способов организации знаков в систему, не только стилистическое, но и тематическое единство. Он вводит принцип единства в совокупность высказываний, содержащую свои собственные правила композиции, правила сочетания, но также, как говорит М. Фуко, и «рассеивания» структурных элементов...

Судебную драму можно выделить в такой жанр, где персонажи сами совершают действия, призванные вовлечь аудиторию в управление своей судьбой. Этот жанр связан с позицией напряженности, поскольку собеседники (прокурор – подсуди-

мый, защитник – потерпевший и пр.) здесь затронуты, вовлечены в развитие интриги; они взаимодействуют с рассказываемым содержанием уголовного закона: комментарий закона есть фрагмент действия, так же, как и комментарий события предполагаемого преступления. Судебная драма, строящаяся в форме диалога сторон, репрезентирует комментируемый мир в мир, где все собеседники взаимодействуют с рассказываемым содержанием, ибо каждый из присяжных склонен ставить себя или на место жертвы, или преступника и отождествляет юристов каждой из сторон с представляемой им позицией.

Воздаяние, обещанное законом и властью, становится значимым тогда, когда по его поводу разыгрывается судебная драма. Поэтому любое уголовное дело – это рассказ о борьбе зла с добром и утверждение этического выбора в пользу добра.

В качестве примера приведем уголовное дело... по обвинению Коданева М.Н. и других... («дело об убийстве депутата Госдумы С. Юшенкова»).

Позиция защиты Коданева состояла в том, чтобы представить его жертвой заговора спецслужб, за которыми стоит «Верховная власть». Соответствующую линию защиты представляли в своих свидетельских показаниях деятели демократического движения в лице Ковалева, Некрича, Корсунского и многих других.

Сторона обвинения посредством перекрестных допросов свидетелей защиты в гротескной форме обнажила суть их рассказа...

Позиция обвинения, состоявшая в том, что Юшенков стал жертвой борьбы за лидерство в собственной партии, движущей силой которой были деньги Березовского, была гораздо убедительней. Что и показал обвинительный вердикт» [Александров, Александрова 2008: 56–61].

6. ПРАГМАТИКО-РИТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В настоящее время на стыке языка, права и политики появилось достаточное количество работ, написанных именно в прагматико-риторическом ключе. В этих работах исследуются приемы и способы манипулятивного воздействия на личность, целью которого является изменение картины мира адресата. В подобных исследованиях часто используются сведения, терминология, методы из разных областей научного знания, в том числе – юрислингвистики и политической лингвистики, лин-

гнопрагматики и риторики. Один из самых распространенных способов изучения речевого воздействия базируется на регулятивных возможностях разных уровней языка и речи. В этих случаях методика обработки материала может быть в общем виде представлена так, как это сделано в статье Н.С. Данковой «Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия оценки»: «Сначала статьи для анализа были извлечены из электронных архивов изданий. Затем корпус текстов был исследован, в нем была выделена стратегия оценки, используемая журналистами для освещения деятельности судебной власти. Далее следовал анализ данной стратегии с точки зрения языковых средств ее реализации. В заключение сделан вывод о превалирующем имидже судебной власти в английской и российской прессе» [Данкова 2015: 193]. Частные реализации этой методики можно представить следующим образом.

• **Уровневый анализ текста**
(лексико-семантический уровень)

Этот метод удачно, на наш взгляд, реализован в статье Н.Н. Кошкаровой «Риторика и стилистика выступлений В.В. Путина на петербургском международном экономическом форуме». Целью автора является анализ «репертуара языковых средств, используемых в рамках того или иного произведения» в зависимости от «иллокутивного намерения автора текста и языковой интенции» [Кошкарова 2016: 232]. С юридическим дискурсом публикацию Н.Н. Кошкаровой объединяет речевой материал, отчасти восходящий к лексике не-литературного ряда: «Интерпретация другого выражения, употребленного В.В. Путиным во время его встречи с руководителями международного информагентства, отсылает нас к уголовному жаргону [Кошкарова 2016: 233]. В целом лексико-семантический анализ позволяет автору статьи прийти к выводам риторико-прагматического характера: «Риторика и стилистика выступления президента РФ на Петербургском международном экономическом форуме характеризуется использованием целого арсенала средств для эффективного воздействия на целевую аудиторию: жаргонные и разговорные слова, речевой жанр прогноза и ретропрогноза, тактики упрека и комплиментации» [Там же: 234].

Указанный метод анализа используется и в статье Л.В. Правиковой «Политическая коммуникация в парламенте:

функции, аргументативно-риторические стратегии и лексико-семантические средства»: «В целях убеждения оппонентов политики используют множество средств. В парламенте необходимо принять решения в ту или иную сторону, решение, за которое бы проголосовало большинство членов парламента и которое было бы легитимным. С этой целью и используются лексико-семантические средства, которые имплицитно / эксплицитно побуждают парламентариев принять то или иное решение» [Правикова 2016: 154]. На материале парламентской деятельности англоязычных политиков автор приходит к выводу о том, что «к лексико-семантическим средствам высокой степени воздействия относятся языковые знаки, имеющие эмоциональную и лексико-семантическую нагруженность» [Там же: 154]. К таким средствам относятся: «1) существительные и атрибутивно-номинативные группы, взятые в их первичном значении, которые номинируют апелляции к потребностям и ценностям человека; 2) язык вторичной номинации, то есть метафоры, персонификация, сравнения и пр.» [Там же: 155]. В целом анализ лексико-семантических средств, используемых в парламентской деятельности, позволяет автору сделать вывод, лежащий в области риторики как науки о речевом воздействии: «Высокой силой убеждения в речи членов парламента обладают слова и выражения, которые кодируют ценности: личностные, социальные, политические, экономические религиозные и др.» [Там же: 155].

• **Уровневый анализ текста** (лексико-грамматический уровень; уровень высказывания; уровень целого текста).

Удачный пример комплексного анализа на разных уровнях языковой системы представлен в статье Я.В. Олзоевой «Предвыборные дискредитирующие тексты как объект юрислингвистики: нравственно-правовой аспект»: «Политическая стабильность, характеризующая современное состояние российского общества, не может не сказаться на содержании дискредитирующих агитационных текстов. Это проявляется, в частности, в том, что инвективы “вкрапляются” в текст; практически отсутствуют тексты, насыщенные обценной лексикой. К инвективам в анализируемых текстах относятся, прежде всего, оценочная лексика пейоративного характера типа *тупой*, *чинуша*, окказиональные словообразования с прозрачной мотивацией *Фекалин – фекалии*, *кивала –*

по аналогии с *кидалой*, оценочно интерпретационные глаголы *хамить*, *грубить*, *нарушать закон*. Общий инвективный фон поддерживается грубо-фамильярной лексикой: *забавный старикан*, *Айдай* (образование на базе фамилии); фразеологизмами: *пролил (немало) слез*; употреблением слов в переносном значении: *давить на народ*, *плевать им на законы*, *для хана (то есть мэра) воздвиг огромный дом*. В результате разрушения в имени *хан* прямого номинативного значения актуализируются вторичные номинативные признаки (Б.В. Томашевский) – самодурство, произвол, унижение достоинства других, что порождает соответствующее ассоциативно-семантическое поле: (*хан, то есть мэр*) *топает ногами, хамит, глядит на всех свысока, плюется, грубит*.

Дискредитация реализуется также с помощью высказываний об отклонениях от нормы. Из нормативной картины мира, как известно, исключается отрицательное: человек, в норме, должен быть опрятным, трезвым и т.п., а претендующий на выборную должность депутата – обладать определенным уровнем компетенции. Высказывания типа *попахивает калом, всегда немного пьян, учился в школе плохо, по комсомольской линии поднялся, хоть и туп*, сигнализирующие об отступлении от нормы, усиливают общую инвективную направленность дискредитирующих агитационных текстов. Знания о фактах из жизни дискредитируемого кандидата входят в пресуппозицию адресата: в объективное содержание (диктум) таких высказываний «встроена» оценка со знаком «-»...

Коммуникативно-прагматические условия порождения дискредитирующих агитационных текстов, а именно проведение предвыборных кампаний в ограниченные сроки, влияют на такое свойство текста, как энергичность, с которой реализуется коммуникативное намерение адресанта [см.: Серль 1986: 172–177]: чем текст энергичнее, тем вероятнее успешность перлокутивного эффекта. Данным обстоятельством, на наш взгляд, объясняется высокая степень насыщенности дискредитирующих агитационных текстов инвективной пейоративной лексикой, а также оценочными лексемами со знаком «-».

Предвыборные дискредитирующие агитационные тексты, включающие инвективную и пейоративную оценочную лексику, ориентированы, вне самого сомнения, не только на дискредитацию, умаление доверия к кандидату, но и оскорбление его чести и достоинства» [Олзоева 2010: 225–226].

Метод словообразовательного анализа является ведущим в статье В.Е. Замальдинова «Новообразования как средство речевого воздействия в региональных нижегородских СМИ». На материале политических текстов автор анализирует возможности словообразовательных аффиксов для повышения экспрессивно-оценочной роли новообразований, ср. примеры новообразований, функцией которых является экспрессивная оценка деятельности политиков федерального и регионального уровня: *шаневщина, лужковщина, глушковщина, путинизм, сорокинз* и т.д. [Замальдинов 2016: 218–219].

Статья Т.И. Никишиной «Грамматические формы реализации концепта “Freedom” в политическом дискурсе Великобритании» сделана на смешанном материале (правовые документы и выступления политиков). Используя метод деривационного анализа, автор приходит к выводу о том, что «в политическом дискурсе Великобритании XXI века реализация средств репрезентации концепта Freedom происходит в разных самостоятельных частях речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие). Анализ словообразовательных средств позволяет констатировать применение приставок для выражения значения противопоставления, суффиксов нейтральной, негативной окраски, следовательно, с выделением оценочных значений; голофразиса с целью приближения к разговорной речи народа, что предусматривает сближение с электоратом [Никишина 2016: 247].

• Когнитивные методы

Примером исследования воздействующего потенциала текстов с когнитивных позиций является статья С.И. Кузьминской и С.Р. Аблеева «Криминализация образа оппонента в современных информационных войнах». Авторы используют когнитивный метод фреймового анализа для решения прагматической задачи – установить, каким образом «с помощью различных психолингвистических и когнитивных механизмов в массовое сознание внедряется фреймовый конструкт, который в дальнейшем обеспечивает негативное восприятие образа неугодного оппонента» [Кузьминская, Аблеев 2016: 235]. Статья написана в рамках взаимодействия политики и права: «Формирование фрейма анти-правового государства во многом есть следствие традиций англосаксонского менталитета. Понятия “закон”, “право”, “законопослушность” в западном массовом сознании

являются краеугольными» [Аблеев 2009: 35]. В целом фреймовый анализ дал авторам возможность прийти к следующим выводам: «Отношение к правовым нормам и главенству Закона подается западной аудиторией как точка разлома между Россией и Западом. Недостаточное почитание буквы Закона трактуется как одна из причин экономического и культурного отставания России от западных стран... Более того, западному обывателю последовательно транслируется идея о том, что именно страны Запада могут брать на себя роль судьи и решать судьбы “менее развитых стран и правителей”» [Там же: 237].

• Прагматические методы

Посредством группы прагматических методов исследуется целый ряд прагматических категорий, в том числе – коммуникативные стратегии и тактики, как это сделано в статье Н. Бикейкиной «О манипулятивном функционировании имен собственных». Автор приводит примеры вовлечения в юридическую сферу текстов, созданных с привлечением манипулятивных тактик, ср.: «В газете “Московский комсомолец” от 26 сентября 1996 имя *Амангельды* было заменено на *Обмангельды*. При восприятии имени происходило отождествление со словом *обман*. *Обман* – действие по глаголу “обмануть”; слова, поступки, действия и т.п., намеренно вводящие других в заблуждение (Словарь русского языка 1986). *Аман* становится *Обманом*, то есть человеком, который обманывает. Следует отметить, что имя в этом случае становится объектом конфликта и вовлекается в юридическую сферу: человек обладает правом на имя и его защиту... Ярким примером является присвоение имени академика А.Д. Сахарова Союзом правых сил. С точки зрения вдовы Сахарова, Союз правых сил не имел никакого отношения к ее мужу, ему были чужды его идеи, а присвоение имени носило спекулятивный и безнравственный характер. В данном случае можно говорить и о манипулятивном характере: имя используется для воздействия на людей, а именно – для получения голосов избирателей, возможно, ориентирующихся именно на имя Сахарова, а через имя – на его идеи, а не идеи Союза правых сил, малоизвестные в то время. Хотя допускается и другое рассмотрение, основывающееся на том, что поводом использования имени послужили демократические взгляды Сахарова, показавшиеся членам СПС близкими и отражающими сущность их идей» [Бикейкина 2006: 257–258].

7. НАПРАВЛЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С ПРОБЛЕМАМИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДОМ ТЕКСТОВ

• Лексико-семантический анализ

Лексико-семантический анализ инонациональной терминологии достаточно часто используется в исследованиях, отражающих взаимодействие языка, права и политики. Примером может служить статья К. Мухтори «Динамика правовой лексики в языке таджикской периодической печати», в которой подчеркивается связь этих предметных областей: «В 2010 г. в Таджикистане проходили парламентские выборы, в преддверии выборов на полосе газеты “Джумхурият” широко употреблялись слова, относящиеся к правовым знаниям и правовой культуре разных сторон социальной коммуникации» [Мухтори 2016: 290]. Метод лексикологического анализа позволил автору сделать вывод о том, что основная сфера, с которой связана правовая лексика, – это сфера информационная, а ключевыми словами, вокруг которых формируются периферийные кластеры, являются такие лексемы, как *закон, выборы, несовершеннолетние, право* [Там же].

• Квантитативный метод

Примером удачного, на наш взгляд, использования квантитативного метода в сочетании с сопоставительным анализом может послужить статья М.Н. Михайлова «Между строк межгосударственных договоров», в которой сделан первичный анализ лексики, употребляемой в русских и финских версиях договоров. Автор ставит целью установление того, в какой степени тексты содержат черты переводов, используя для реализации этой цели следующую методику: «Степень и характер участия сторон в составлении международных договоров можно исследовать квантитативными методами. При наличии параллельного корпуса текстов, состоящего из большого числа выровненных документов, появляется возможность выявить языковые особенности, не заметные невооруженным глазом. На язык документов влияет большое число различных факторов:

- временной период, когда был заключен договор;
- тематика договора;
- страна, с которой заключается договор;
- политическая обстановка в мире и отношения между двумя странами.

При исследовании документов представляет интерес как анализ в пределах одного языка, так и сравнение между языками в синхроническом и в диахроническом аспектах. «Добавление каждой новой пары языков повышает объективность полученных данных... Тексты выровнены на уровне предложений, лемматизированы и содержат морфологическую и синтаксическую аннотацию. Кроме того, по каждому тексту сохраняются метаданные, то есть экстралингвистическая информация о документе: название документа, год создания, тематика и т.п. ... Программы поддерживают работу с выровненными аннотированными текстами и позволяют получать конкордансы, частотные списки, списки коллокаций и т.п.» [Михайлов 2016:100].

8. НОРМАТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В настоящее время традиционное представление о норме претерпевает значительные изменения: «В праве сложилось представление о том, что в обществе существует только одна общепринятая норма (поведения, культуры речи и т.д.), которой следует придерживаться и которую рекомендуется не нарушать. На самом деле, таких норм много, и, видимо, следует говорить не о “языковой норме”, а о “системе языковых норм”, которые варьируются в зависимости от характера и конкретных условий общения, системы отношений между участниками общения, их возраста, пола, профессиональных и многих других факторов» [Костюк 2002: 33]. Сказанное имеет следствием появление работ, лежащих на пересечении ортологии и права, например, статьи Н.В. Сайковой «Лингвистические и экстралингвистические детерминанты кодификации норм русского языка в его естественном и юридическом функционировании»: «В юридической среде существует своя ортологическая система, в которой нормы утверждаются, но не обсуждаются... Кодификация же языковой нормы в правовой сфере – это кодификация особого рода, официальная, закреплённая в нормативно-правовых документах. При этом языковая норма иногда вступает в противоречие с юридической техникой, в связи с этим возникает проблема детерминации той или иной кодификации, определение функциональной доминанты естественного и юридического функционирования русского языка» [Сайкова 2004: 76–77].

В свою очередь, нормативность политических текстов нельзя свести к требованию соблюдения в них языковых норм разных уровней или к соответствию этих текстов традиционной системе качеств хорошей речи (правильности, точности, логично-

сти, ясности, выразительности, богатства и т.д.). Нормативность таких текстов двусторонняя: языковая / речевая и юридическая, ср. мнение Е.С. Кара-Мурза о требованиях к языку СМИ: «В представлениях о качествах речи, наряду с грамотностью, выразительностью и проч. [Головин 1980], теперь включается законосообразность. Оказывается, что при употреблении ненормативной лексики в журналистском или в политическом тексте может нарушаться норма не столько стилистическая (интралингвистическая и вкусовая) [Костомаров 1999], сколько юридическая, – а это совершенно другая степень ответственности, другая мера наказания для автора и/или издания. Более того, текст, в котором соблюдены литературные, логические и композиционные нормы, тоже может оказаться подсудным: в нем могут диагностироваться признаки речевых преступлений, не связанных с ненормативной лексикой, но проявляющихся или подозреваемых в иных лингвистических показателях [Кара-Мурза 2012б: 801–802]. В целом «такое понимание имеет большое значение для теоретических исследований медиадискурса, для прикладных работ экспертного характера, а также для медиаобразования ... дополняя традиционные критерии оценки текстов – функционально-стилистический и жанрово-дискурсивный – критерием лингвоправовым» [Там же: 850].

Конкретные методы исследования политического текста с позиций нормативности можно с известной долей условности свести к следующим.

- **Нормативно-законосообразный** (текст анализируется на предмет его соответствия нормам русского литературного языка и отсутствия в нем языковых средств, которые могут быть квалифицированы как речевое преступление). Пример использования этого метода дает Е.С. Кара-Мурза: «Эксперт в рамках своей компетенции указал, что авторы высказывали сведения и мнения об истце Иванове в соответствии с требованиями норм литературного языка, не допустив вульгарных или бранных выражений, то есть то, что он не содержит языковых примет речевого преступления оскорбление» [Там же: 840].

- **Нормативно-дискурсивный** (текст анализируется не только в ракурсе внедискурсивного, инвариантного соответствия нормам русского литературного языка, но и с позиций соблюдения в нем норм, соотносимых с тем или иным форматом дискурса).

Пример нарушения требования уместности речи в публицистическом дискурсе представлен (со ссылкой на С.В. Дорони-

ну) в статье Н.В. Обелюнас «Конфликт интерпретаций в сфере массовой коммуникации»: «Приведем пример. Разведенная женщина, имеющая малолетнего ребенка, уезжает из дому на несколько недель, в отсутствие матери родители ее бывшего мужа без предварительной договоренности забирают мальчика к себе. Данная ситуация порождает следующее высказывание: “Молодая женщина обвиняет семью крупного алтайского предпринимателя и политика ... в похищении ее сына” (Обращение матери к делегатам конференции партии “Единая Россия” от 30 сентября 2005 года). Словарная дефиниция глагола “похитить” такова: “тайно завладеть, самовольно взять в свою собственность” [Ожегов, Шведова, 1997]. Описываемое в тексте событие неточно соответствует семантике глагола: в нем отсутствуют компоненты “присвоить чужое, то, что похитителю не принадлежит”, “насилственно по отношению к похищаемому”, “с целью обогащения или другой выгоды”, “грубо нарушить закон”. Глагол соответствует ситуации лишь значениями – “забрать вопреки желанию собственника”, “вызвать страдания собственника”... Не случайно в последующих публикациях (“Комсомольская правда на Алтае” от 22.08. 2006, 05.09. 2006, 23.09. 2006) данное неосторожное выражение было заменено лексемами “отняли”, “забрали”, “не дают встречаться”, являющимися более точным обозначением ситуации» [Доронина 2008: 269].

Этот пример демонстрирует процесс создания конфликта интерпретаций и субъективность журналиста. Субъективность выражается, прежде всего, при выборе языковых средств, масок и позиций при интерпретации. Из существующего набора терминов, клише и штампов выбираются наиболее «подходящие», уместные (с точки зрения данного автора!) в конкретном тексте [Обелюнас 2010: 419–420].

9. ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

«Языковая коммуникация представляет собой одну из сфер социального взаимодействия, которое может принимать конфликтный характер, вследствие чего необходима ее «юридизация». Масса конфликтов была порождена либерализацией российской жизни, и особенно – актуализацией проблемы «прав человека» [Пантелеева 2013: 61]. Одной из наиболее частотных точек пересечения политики и права являются конфликты в информационной сфере – медиаконфликты, ср.:

«В период предвыборных кампаний резко увеличивается число конфликтов в информационной сфере. Закономерным следствием выборных кампаний последних лет в российской провинции становятся судебные разбирательства. С исковыми заявлениями в суд обращаются по поводу нарушения разных прав кандидатов при проведении агитационных кампаний, а также о защите чести и достоинства.

Пример подобного медиаконфликта приводит Е.С. Кара-Мурза в статье «Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии»:

«Газета “Коммерсантъ” опубликовала заметку с названием “Сергея Миронова обвиняют в клевете”. Ее содержание: кандидат в президенты И. Хакамада обратилась в Генпрокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела по статье “Клевета” в отношении другого кандидата в президенты – спикера Совета Федерации С. Миронова. Поводом послужило высказывание С. Миронова на теледебатах канала “Россия” о том, что госпожу Хакамаду “спонсируют люди, совершившие преступления” и “не граждане России”. Истица отметила, что среди пожертвовавших в ее избирательный фонд “нет ни одного лица, осужденного по приговору суда за совершение преступления”. Газета пишет: “По убеждению кандидата в президенты, господин Миронов своими словами “внушает избирателям мысль о нарушении ею моральных принципов и утверждает, что она нарушает законодательство РФ”. Обратившись в Калининградский федеральный суд Санкт-Петербурга с гражданским иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, г-жа Хакамада не потребовала от спикера С. Миронова компенсации морального вреда, “считая, что высказывания, порочащие честь и достоинство других людей, должны компенсироваться только публичным опровержением”. Спикер С. Миронов объявил о подготовке встречного иска к И. Хакамаде, “поскольку она заявила о том, что являюсь не только следователем и прокурором, но и палачом в одном лице”. “За слово “палач”, по мнению спикера СФ, госпожа Хакамада должна отвечать в суде”» (Ъ, 02.03.04) [Кара-Мурза 2010: 117].

Медиаконфликт регионального уровня описан в статье Т.И. Краснянской «К обоснованию понятия *напряженность слова* в судебной коммуникации»: «Лысьвенский городской суд удовлетворил иски требования Председателя Лысьвенской городской Думы С. и депутатов городской Думы Ш., М. к редакции газеты “Искра” о признании не соответствующими

действительности и порочащими их честь, достоинство и деловую репутацию сведений, содержащихся в статье, автором которой является В. Предметом судебного разбирательства стали опубликованные в статье сведения – “Создавалась впечатление, что на самом деле их интересовала не истинное положение дел в детской больнице, а то, как будет воспринята и подана в СМИ их собственная значимость, как они будут выглядеть перед избирателями. А выглядели они на фоне давно не знавшей ремонта детской больницы довольно respectfully. Депутаты жаждали только негатива, чувствовалось, что они горели желанием уличить исполнительную власть во всех грехах, которые переживает детская больница. Я думаю, это был пиар-выезд”.

Суд удовлетворил иски требования по данному делу, отметив то, что оспариваемые фразы являются утверждениями о факте, представленных в завуалированной форме – в виде выражения журналистом собственного мнения» [Краснянская 2010: 42–430]. И т.д.

Важнейшим теоретико-методологическим понятием лингвоконфликтологии является понятие «речевой конфликт».

«Термин “речевой конфликт” трактуется нами как непонимание или дискомфорт в общении, спровоцированные природой языкового знака, вербальными или прагматическими признаками. При обосновании связи речевого конфликта и социальной парадигмы мы исходим из положения о том, что деструктивные формы общения имеют как языковые, так и экстралингвистические показатели. Другими словами, существуют собственно языковые условия порождения коммуникативного конфликта. Одновременно с этим специфика общения в рамках той или иной лингвокультуры накладывает отпечаток в языке и речи и на существование форм толерантного коммуникативного поведения» [Кошкарлова 2007: 79–80]. Конфликты «проистекают из противоречий интересов в сфере труда, здравоохранения, социального обеспечения, образования и т.д.» [Голощапова 2012: 193]. В свою очередь, «политический конфликт – это область политических отношений, в которой различные субъекты ведут борьбу за утверждение нужных им ценностей и определенный статус, политическую власть и ресурсы на основе нейтрализации, нанесения ущерба или поражения противника» [Курбатов 2007: 214].

Кроме понятия «речевой конфликт», в научном обиходе бытует смежное понятие – «лингвоправовой конфликт». «С древ-

них времен словесные конфликты (оскорбления, ссоры, обиды) регулировались уже не только речевыми конвенциями, а правовыми установлениями, которые санкционированы государственной юриспруденцией и реализовывались государственной судебной машиной. Специфика обсуждаемого речевого конфликта видится в использовании правовой интерпретативной системы; поэтому мы называем его лингвоправовым [Кара-Мурза 2009].

«Лингвоправовой конфликт – это речевое (языковое) преступление, как принято сейчас говорить, хоть это и неюридизированное понятие. Это, с одной стороны, самая острая форма словесного конфликта, то есть феномен правовой природы. В речевых преступлениях нарушаются фундаментальные, конституционные права личности – на честь, достоинство и деловую репутацию, на доброе имя и личную тайну (так называемая диффамация); социума – на эффективное и законообразное функционирование его институтов, в том числе института массовой коммуникации; и государства – на соблюдение законности, конституционного строя и безопасности населения» [Кара-Мурза 2010: 121].

При исследовании конфликтов достаточно распространенным является классификационный (типологический) метод. Типология конфликтов, предложенная Е.С. Кара-Мурзой, соотносима и с политическим дискурсом: «Типология основана на параметре интерпретационной системы, которая включает также уполномоченного герменевта, вердиктивную инстанцию и санкции. Выявлены: 1) наивно-этический конфликт; 2) религиозно-этический; 3) информационный спор; 4) лингвоправовой конфликт: он диагностируется представителем правовой инстанции, в том числе истцом, в предварительном режиме при нарушении в текстовой продукции (в товарном знаке, слогане, рекламном обращении, журналистском выступлении, политическом заявлении...) нормы закона (конституции, общего законодательства, профильных законов о журналистике, рекламе, избирательного законодательства и некоторых других) [Кара-Мурза 2012а: 203–204].

Е.С. Кара-Мурза выявляет специфику лингвоправового конфликта и определяет его этапы: «Это, с одной стороны, острая форма словесного конфликта, то есть явление коммуникативной природы, с другой – правонарушение, то есть феномен правовой природы ... Первый этап – восприятие текста двояким адресатом: во-первых, целевым, которому и предназначается данный текст (это массовая аудитория или электорат), во-

вторых, помимовольным адресатом, восприятие которого автор часто и не планирует; часто это именно персонаж критического текста. На втором этапе конфликт переносится на медиaproстранства в сферу правосудия, где автор и персонаж/реципиент превращаются в ответчика и истца – «наивных» герменевтов ... Третья фаза лингвоправового конфликта связана с необходимостью дополнительных доказательств: их обеспечивает герменевт-эксперт, способный истолковать глубины смысла этого текста, помочь судье соотнести выражения, которые истец считает нарушением законодательных норм, с признаками состава преступления. Тогда либо по определению суда, либо по заказу одной из сторон выполняется лингвистическая экспертиза. Она выступает механизмом коррекции понимания, противодействия некорректному толкованию смысла конфликтного текста на стадии судебного процесса» [Кара-Мурза 2012б: 810–811].

В свою очередь, о собственно юридическом бытии конфликтного текста говорится в статье О.Н. Матвеевой «К вопросу о юридизации конфликтного текста»: «Возможное юридическое бытие конфликтного текста обусловлено наличием в нем таких составляющих, которые могут быть спроецированы на элементы состава языкового правонарушения, прежде всего на субъект (автора текста, издателя, адресанта), объект (адресат, герой конфликтного текста, личные имущественные права которого ущемлены), объективную сторону правонарушения (собственно конфликтный текст – языковое правонарушение) и субъективную сторону правонарушения (дискредитирующая интенция адресата) [Матвеева 2004: 100].

В рамках политического дискурса лингвистический конфликт соотносим, прежде всего, с речевым жанром «оскорбление» [Жельвис 2004, Кара-Мурза 2012, Рудакова 2004]. Оскорбление, в свою очередь, связано «с диффамацией и клеветой через свой перлокутивный эффект, который указан в законе как аналогичный состав преступления: “унижение чести и достоинства личности в неприличной форме”. Поэтому журналисты в судебных заметках часто не различают их. Разница же в том, что при оскорблении этот эффект возникает не вследствие распространения порочащих сведений, а из-за того, что в адрес человека высказывается негативная оценка в неприличной форме, рассчитанная на шоковый психологический эффект – оскорбление. Оскорбительные высказывания в политической коммуникации, к сожалению, традиционны» [Кара-Мурза 2012б: 840].

В свою очередь, неприличная форма – это:

«1. В административном праве (ранее – в уголовном) признак объективной стороны правонарушений против личности (против чести и достоинства личности)...

2. Один из фактов, которые необходимо установить в ходе проведения лингвистической экспертизы, как правило, по делам об оскорблении – формулируется в вопросе “Выражена ли оценка (информация) в неприличной форме?” Традиционно в практике проведения лингвистических экспертиз к неприличной форме относятся выражения, которые содержат в себе непристойности (нецензурные (обцененные) языковые средства, а также сравнения лица с одиозными историческими или литературными персонажами» [Бринев 2013: 47].

Методы и методики лингвистического анализа оскорбления обобщены в статье Г.В. Кусова «Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике»: «Специально к теме лингвистики права и теории диагностики оскорбления в конфликтных текстах при проведении судебной лингвистической экспертизы обращались лингвисты, участвующие в работе Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (Москва) и Лаборатории юрлингвистики (Барнаул), которые проанализировали затрагиваемую тему с позиций: использования оскорбительных слов, вовлеченных в широкий языковой контекст языкового коллектива, анализа конфликтного высказывания с точки зрения интерпретатора; исследования “преступного умысла” автора текста и оценки его намерений; исследования наиболее частотных тактических ходов, ведущих к нанесению обиды, издевке и оскорблению; коммуникативного конфликта; суггестивного эффекта референтивных связей; стилистической несовместимости речевых единиц» [Кусов 2005: 37].

Из сказанного следует, что методики и методы исследования речевых конфликтов лежат в нескольких плоскостях. Это лексико-семантический, интенциональный, лингвостилистический, лингвопрагматический, психолингвистический и иные виды анализа, которые в совокупности образуют методологическую базу для лингвистической экспертизы политических (и иных) текстов.

10. ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Активная разработка лингвоэкспертного направления определяется фактами речевых преступлений в разных сферах че-

ловческого общения. Для выявления речевых преступлений, сущность которых кроется в особенностях содержания или формы, то есть в текстовых/языковых показателях, сформировалась ... лингвистическая экспертиза, которую иногда характеризуют как семантическую [Баранов 2007].

Е.С. Кара-Мурза выделяет следующие виды преступлений, соотносимые с политическим дискурсом:

«В соответствии с законами в политическом дискурсе выявляются специфические речевые преступления, а также обнаруживаются “политические” модификации гражданских правонарушений и уголовных преступлений. Первый специфический деликт – разнообразные отклонения от норм предвыборной агитации ... Второй тип специфических речевых преступлений в политическом дискурсе – это словесные проявления экстремизма, тяжелого уголовного преступления, направленного против конституционного слоя, общественного порядка, безопасности населения и его отдельных групп ... Среди преступлений политических обнаруживаются и правонарушения против прав личности и социальной группы ... Третий тип – это речевые преступления против личности, совершающиеся в ходе политической деятельности, в целях политической борьбы ... Для разных типов речевых преступлений существуют свои признаки состава преступления, зафиксированные законодательно. Им соответствует набор языковых показателей, выявляемых лингвистической экспертизой (ЛЭ) [Голев, Матвеева 2006: 168–184], и свой комплект типовых вопросов, которые заказчик ЛЭ (суд или стороны процесса) ставит перед лингвистами-экспертами [Осколкова 2007]. Формулируются эти языковые показатели в специальной научно-методической парадигме, которая обладает сложной терминосистемой, дифференцируемой по типам речевых преступлений [Голев 2007: 7–13]. В свою очередь, ее теоретической основой является когнитивно-коммуникативное направление лингвистики» [Кара-Мурза 2012: 813–822].

Что касается экстремистского дискурса, то типология речевых преступлений в рамках последнего представлена следующим образом: «Объективную сторону словесного экстремизма составляют такие противоправные речевые деяния, как 1) призывы к осуществлению экстремистской деятельности; 2) высказывания, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение достоинства человека; 3) оправдание или обоснование необходимости осуществле-

ния экстремистской деятельности; 4) пропаганда атрибутов и символов нацистских и сходных с ними до степени смешения» [Галяшина 2006].

Вопросы лингвистической экспертизы нашли широкое отражение в работах целого ряда исследователей. Лингвоэкспертное направление объединяет в себе целый репертуар прикладных методов и методик, используемых для исследования различных видов спорных или небесспорных произведений речи, соотносимых с такими форматами дискурса, как политический, экстремистский, конфликтный и коммерческий.

Методические основы лингвистической экспертизы сформулированы в статье К.И. Бринева «Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции», где все разнообразие методов может быть сведено к двум основным типам, которые различаются между собой по источнику эмпирической информации об объекте исследования. Первый тип – интроспективные методы – здесь источником информации является интуиция исследователя. Второй тип – экспериментальные – источником информации являются данные языкового сознания определенного класса испытуемых...

В лингвистических экспертизах интроспективные методы представлены следующими наименованиями: «интенциональный анализ», «стилистический анализ», «прагматический анализ» и т.п. Обращает на себя внимание, что метод как деятельностная категория, способ достижения цели, способ решения конкретной задачи) сводится к категории области исследования или основной единице исследования (в каком-то смысле – предмету или аспекту исследования). Это проявляется и в названиях методов – жанровый анализ (=анализ жанра или анализ объекта в жанровом аспекте), интенциональный анализ (=анализ интенции или анализ объекта в интенциональном аспекте). Нам кажется, что такая традиция наименования методов более соотносима с категорией “лингвистические презумпции исследования”, а не с категорией “метод”... Предложенное далее описание методов базируется на постулате об оппозитивном принципе кодирования информации в естественном языке» [Бринев 2008: 234–236].

Критический обзор методов и методик, применяемых в лингвистической экспертизе, сделан А.Н. Барановым в статье «Методы и методики лингвистической экспертизы текста» [Баранов 2016: 119–122]. В качестве ведущих и значимых в при-

кладном отношении методов экспертного анализа А.Н. Баранов выделяет методы, основанные на синонимических преобразованиях исследуемого текста: «Что касается лингвистической экспертизы текста, то трудно будет найти экспертизу, в которой отсутствовали бы методы, основанные на СИНОНИМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ исследуемого текста... Синонимическими преобразованиями в первом приближении можно назвать такую модификацию естественного текста (в широком понимании), при которой одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации. При синонимических преобразованиях и весь объектный текст может подвергаться экспликации, то есть таким синонимическим преобразованиям, когда весь смысл (или его значительная часть) представляется в более эксплицитном виде. Типичный случай синонимических преобразований – РЕФЕРИРОВАНИЕ – изложение содержания спорного текста в сокращенном виде, когда эксплицируется лишь та часть его содержания, которая существенна с точки зрения поставленных вопросов... Реферирование не только позволяет сделать явными те или иные части содержания текста, но и показывает, как эксперт пришел к соответствующим выводам. Реферирование как метод анализа необходим и в тех случаях, когда объем материала очень значителен. Проверка результатов реферирования вполне доступна независимому специалисту, поскольку легко установить, все ли релевантные части содержания выявлены в процессе исследования ... Еще один вид синонимических преобразований – СЛОВАРНЫЙ АНАЛИЗ... Словарный анализ доступен и легко проверяем, поскольку известные словари общедоступны в печатном виде, а также на разнообразных интернет-сайтах. Словарный анализ необходим в самых разных типах экспертиз» [Баранов 2016: 121–122]. А.Н. Баранов подчеркивает также значимость привлечения для экспертиз концептуального аппарата теории речевых актов ... Данные методы исследования также сводимы к синонимическим преобразованиям, относящимся к специфическим слоям плана содержания высказывания и текста» [Там же: 122].

В свою очередь, ученые Барнаульского университета выделяют следующие методы анализа, применяемые в рамках судебной лингвистической экспертизы:

- «– метод компонентного анализа;
- метод контекстуального анализа;

- метод стилистического анализа;
- жанрово-прагматический (интенциональный) метод;
- метод фреймового анализа;
- метод логико-грамматического анализа;
- метод аудитивного анализа;
- метод контент-анализа;
- метод дискурс-анализа;
- метод лингвистического эксперимента» [Юрислингвистика–9: 445].

Научный материал свидетельствует о том, что при лингвистических экспертизах политических текстов и текстов, направленных на разжигание межнациональной розни, успешно используется репертуар методов анализа, представленных в целом ряде публикаций:

• Метод моделирования

Пример использования данного метода (на примере моделирования экспертного лингвистического исследования) представлен в статье О.Н. Матвеевой «Лингвистическая экспертиза: взгляд на конфликтный текст сквозь призму закона»: «Поскольку экспертиза как процессуальное действие проводится в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, то экспертное лингвистическое заключение ведется по особой модели, структура которой отражает юридически значимые обстоятельства, зафиксированные той или иной статьей закона» [Матвеева 205: 57]. «Модель лингвистического экспертного заключения текста, предположительно содержащего признаки состава языкового правонарушения, представляет собой схему анализа компонентов фрейма языковое правонарушение, коррелирующего с юридическими компонентами состава правонарушения» [Там же: 67]. О.Н. Матвеева выделяет следующие компоненты данной модели:

- «← внешнеситуативный компонент;
- участники ситуации;
- конфликтный текст;
- внутриситуативный компонент;
- иллокутивный компонент;
- перлокутивный компонент;
- модальный компонент» [Там же: 60–64].

• **Группа когнитивно-дискурсивных методов**

Общая характеристика данных методов при использовании их в лингвистической экспертизе (применительно к практике анализа журналистских текстов) дана в статье И.А. Кудряшова «Имплицитные смыслы как лингвистическая основа разграничения факта и мнения в рамках региональных печатных СМИ»: «Дискурсивный анализ подходит для изучения не только структуры газетно-публицистического текста, но и выражаемого ею “подстрочного” значения, мнения и групповой идеологии. Для того чтобы показать, как имплицитные значения относятся к тексту, необходимо подвергнуть анализу когнитивный, социальный, политический и культурный контексты медиасообщений. Когнитивный подход основывается на том факте, что сами тексты не имеют смысла, он образуется в сознании носителей языка. Следовательно, нам нужно “разобрать по частям” когнитивные представления как журналистов в процессе подготовки ими публикаций, так и объектов текста во время осознания, понимания и запоминания текста публикации ... При исследовании текста по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации лингвистический характер приобретают следующие проблемы: содержится ли в публикации негативная информация, относящаяся к конкретному физическому или юридическому лицу; представлена ли она в форме утверждения, предположения, оценки или личного мнения автора публикации [Галышина 2003: 56]. В основе конфликта лежит тот факт, что автор публикации теряет контроль над ее содержанием. Реципиент воспринимает отраженное в ней смысловое поле совершенно не так, как планировал автор. Проблемными предстают речевые способы передачи факта и мнения в средствах массовой информации. При этом для установления того, содержит ли текст сведения, унижающие честь и достоинство, порочащие деловую репутацию, необходимо выполнить анализ всей публикации, включая заголовок» [Кудряшов 2006: 240–241].

• **Метод анализа инвектив (неприличной формы высказывания)**

Анализ инвектив – это разновидность лексико-семантического анализа с целью установления лексических значений слов и словосочетаний, соотносимых с ключевыми понятиями текста. Анализ инвективной лексики имеет в экспертной деятельности очень большое распространение [Жельвис 2000, 2001, Коряковцев, Головачева 2004, Саржина

2004, Шарифуллин 2004 и др.]. Инвектива – это «такой способ осуществления вербальной агрессии, которые воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный» [Федотов 2002: 78]. «Инвективу в узком смысле слова можно определить как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное нарушение этического табу, осуществленное запрещенными средствами. Другие названия инвективы в узком смысле: ненормативная, некодифицированная, табуированная, непечатная, нецензурная лексика» [Жельвис 2000: 146]. Инвективная лексика исследуется в настоящее время с разных сторон. Это:

– **Типологизация инвективной лексики**

Типология инвективной лексики со ссылкой на издание «Понятия чести, достоинства и деловой репутации» представлена в «Справочнике по судебной экспертизе» К.И. Брилева:

«Классификация инвективной лексики – распределение инвективных лексических и фразеологических средств по группам, классам. Самой известной классификацией инвективных средств к настоящему времени является классификация, которая разработана авторами издания “Понятия чести, достоинства и деловой репутации”». В данной типологии выделяются следующие разряды инвективной лексики и фразеологии:

- ругательная и нецензурная лексика, чаще всего взятая из жаргонов и диалектов;
- обценная лексика (мат);
- грубопросторечная (ненормативная) лексика;
- литературная лексика, употребление которой может оскорбить адресата.

В свою очередь, в классе литературных слов выделяются следующие подклассы:

1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жулик, мошенник*.

2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *двурушник, расист, враг народа*.

3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: *кобель, кобыла, свинья*.

5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, ханнуть*.

6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: *гадина*.

7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: *женщина легкого поведения, путана, интердевочка*.

8. Окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата (*коммуняки, дерьмократы, прихватизация*).

В лингвистической экспертологии проблема типологии инвективных средств признается одной из самых важных, считается, что «четкие классификации инвективных средств языка – один из факторов, который способен оптимизировать экспертную деятельность» [Бринев 2013: 29–30].

Еще одна типология инвектив предложена в статье в статье Е.А. Войниканис «Язык СМИ: правовые проблемы»: «Основными видами инвектив в форме непристойности являются: проклятие, богохульство, эвфемизм и дисфемизм, жаргонные выражения и ксенофобские прозвища. Под эвфемизмом следует понимать ситуацию, когда человек, желая назвать какой-то предмет или действие, стремится избежать непристойного названия и заменяет его на грубое. Если человек, напротив, хочет применить как можно более непристойное слово, то мы имеем дело уже с “дисфемизмом”. Ксенофобские прозвища и клички представляют собой бранные, непристойные слова и выражения, оскорбляющие чужую нацию ... Эти и другие подобные классификации являются эффективным инструментом юрислингвистической экспертизы» [Войниканис 2008: 324].

Типология инвектив применительно к экстремистскому дискурсу дана в статье А.Ю. Серебряковой со ссылкой на работу В.И. Жельвиса «Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия»: «В экстремистском дискурсе для создания образа врага используются следующие группы инвектив:

1) этнические инвективы (этнофолизмы), которые прямо делят людей по национальному признаку и придают этим названиям негативный характер (*хачики, жида* и т.д.);

2) инвективы, относящиеся к сфере литературного языка (слова, выражающие антиобщественную деятельность: *убивать, грабить*);

3) метафорические инвективы.

Наиболее яркими метафорическими инвективами являются зооморфные метафоры. Они представлены двумя основными группами: хтонические образы (чаще образы змеи и других чудовищ, несущих семантику опасности) и зооморфные образы, призванные в первую очередь унизить адресанта (названия животных) (Серебрякова 2017: 34)

– Лексикографическое описание инвектив

Этому методу посвящена статья А.В. Коряковцевой и О.В. Головачевой «К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики». Используя для обоснования необходимости специального словаря материал из экономического и политического дискурса, авторы приходят к следующим выводам: «Практика показывает, что существующий принцип экспертной оценки слова на предмет оскорбительности в силу своей стихийности и непродуктивности не может использоваться при юрислингвистических экспертизах. А вместе с тем, очевидно, юридическая строгость предполагает максимальную правовую однозначность ответа эксперта [Голев 2002; 2003]. Одним из легитимных оснований подобной оценки должен стать специализированный юрислингвистический словарь русской инвективной лексики, отражающей особенности инвективного функционального словаря» [Коряковцев, Головачева 2004: 243].

– Жанровый анализ инвектив

Этот метод вытекает из трактовки феномена инвективы как речевого жанра, о чем говорится в работе Б.Я. Шарифуллина «Языковая агрессия в свете юрислингвистики: проблемы инвективы», который считает инвективу именно речевым жанром, ср.: «Инвектива в ее вербальном воплощении – это не вид речевой (коммуникативной) стратегии ... и не речевая тактика, а один из основных видов речевых жанров, наряду с информативными, императивными, оценочными и этикетными, имеющий свою собственную коммуникативную цель и другие жанрообразующие признаки. В последнее время инвективные жанры весьма активизировались как в бытовой, так и в других сферах общения» [Шарифуллин 2004: 137–138].

Исходя из данного определения Б.Д. Шарифуллин предлагает следующую схему жанрового анализа: «... Вполне вероятным выходом из положения может послужить тщательный и всесторонний анализ инвективы и инвективных текстов именно как особого типа речевых жанров (оскорбление, угроза, шантаж и т.п.). Подобный анализ может быть проведен, например, с использованием набора жанрообразующих признаков: коммуникативная цель инвективного текста, образ автора инвективы (агенса), образ адресата (пациенса), диктумное содержание текста, параметры языкового воплощения и т.д. [Шарифуллин 2007: 209–210].

– **Интенциональный анализ инвектив** (анализ интенции или анализ объекта в интенциональном аспекте)

Е.С. Кара-Мурза считает, что «и инвективы, и призывы как речевые акты и как компоненты в составе экстремистских текстов надо изучать – с целью создать “сетку” понятий, налагая которую на конфликтогенные тексты, можно с высокой степенью объективности и воспроизводимости результатов истолковывать их и предлагать суду однозначные интерпретации, которые не могли бы интерпретироваться неадекватно, манипулятивно» [Кара-Мурза 2010: 198].

Одним из таких понятий является «интенция». Пример интенционального анализа в ракурсе употребления инвективы в политическом тексте дан в статье этого же автора «Коммуникативные парадигмы “директивы” и “эвалютивы” как признаки речевых преступлений и как обучающие единицы лингвоконфликтологии»: «Газета “Время новостей” (15.12.08) рассказала, что в России учреждено оппозиционное демократическое движение “Солидарность”. На учредительный съезд пришла известная правозащитница и журналистка Н-ская: “Страна должна быть уверена, что, если вам предложат место губернатора, вице-премьера, наследника, преемника, вы это место не возьмете, – обратилась г-жа Н-ская к делегатам съезда. – В отличие от Иуды Юрьевича Белых (экс-лидер СПС Никита Юрьевич Белых был среди инициатора движения “Солидарность”, а в то время по предложению президента Д.А. Медведева был выдвинут на должность губернатора Кировской области, которую вскоре и занял, – Е.С.К.М.). Какова была ИНТЕНЦИЯ АВТОРА, судя по лексико-грамматическим приметам фразы и исходя из контекста? Это высказывание (модализированное сообщение, констатив), на мой взгляд, сформулировано как поведенческая макси-

ма для молодых оппозиционных политиков, риторически – с оглядкой на общественное мнение (*страна должна быть уверена...*). Каузальная пропозиция *если вам предложат место губернатора ..., вы это место не возьмете* выражена в форме будущего времени индикатива – грамматически это самая мягкая форма ДИРЕКТИВА, подобная заклинанию. С несколько большей побудительной силой эта мысль звучит в деонтическом суждении вида *«Вы не должны брать посты из рук нынешней власти»*, имеющим иллюкутивную силу предостережения. Какую роль играет в этом фрагменте инвектива в адрес Н.Ю. Белых? Сугубо вспомогательную – эта презрительная характеристика дана а рггос, походя, хоть и с размаху. Риторическая роль персонажа Белых – выступить в качестве “отрицательного примера” в скрытой полемике оппозиционеров – тех, кто не сотрудничает с властью, и тех, кто готов идти во власть. Так что во фразе Н-ской можно отметить инвективность как иллюкуцию именно второстепенную, не находящуюся в воздействующем перлокутивном фокусе фразы, но не косвенную, то есть не намеренно смягченную или замаскированную. Так что эта фраза вряд ли могла бы инкриминироваться публицистке Н-ской как ОСКОРБЛЕНИЕ политика Н.А. Белых. Эксплицитный эмоциональный модус в высказывании с инвективой говорит, что это, скорее всего, РА /речевой акт. – Ред./ ЭКСПРЕССИВ» [Кара-Мурза 2010: 205].

• **Метод информационного анализа** (дифференциация фактуальной и нефактуальной информации)

Этот метод используется для выделения основного лингвистического признака диффамации – порочащих сведений. Такой признак «раскрывается в лингвистической экспертизе через два комплекса разных, но взаимосвязанных содержательных параметров текста – через противопоставление фактов (фактологической информации) и мнений..., которые, в свою очередь, раскрываются через показатель верифицируемости информации и ее оценочный характер» [Кара-Мурза 2012б: 827].

В другой терминологии такая дифференциация информации определяется как противопоставление событийных сведений (фактологической информации) суждению (мнению) [Иваненко 2010: 192]. Е.С. Кара-Мурза приводит пример лингвистической экспертизы, которая базируется на разграничении фактологической информации и мнения: «Эти лингвистические приметы говорят о том, что этот фрагмент представляет собой

форму мнения. Главные его приметы в этом контексте: 1) опорные глаголы умственной деятельности и восприятия (*впечатлять, понять, обвинить*), через которые подается информация; 2) самый характер информации – не фактологический, а аналитический; 3) перифрастическая (описательная) форма ее подачи» [Там же: 839].

Указанный метод имеет также название семиологического, ср.: «Одной из главных задач лингвистической экспертизы, которая как раз призвана выяснить авторские установки при написании публицистического текста, является семиологический анализ текста с целью разграничений сведений, соотносимых с объективной действительностью, и мнений, носящих субъективный характер» [Обелюнас 2010: 419].

Г.С. Иваненко считает, что «дифференциация фактуальной и нефактуальной информации в каждом конкретном случае требует тщательного анализа каждого компонента высказывания в контексте и в дискурсе» [Иваненко 2010: 195], и приводит пример иска о защите чести, достоинства и деловой репутации, поводом для которого послужила статья, содержащая следующие высказывания: *«губернатор довел город до нищеты... Областные чиновники, образно говоря, из года в год грабят Челябинск, забирая львиную долю его доходов... Складывается ощущение, что Сумин всеми силами пытается нейтрализовать Вячеслава Тарасова – своего потенциального конкурента на грядущих губернаторских выборах... Как считают некоторые наблюдатели, сейчас основная задача губернатора и его команды – довести город до полнейшей нищеты. Задушить городскую администрацию с помощью нищего бюджета...*

Анализ материала позволяет считать оправданным противопоставление фактуальной, событийной информации нефактуальной, а утверждение – предположению. Позиционируются как объективные только фактуальные сообщения без показателей предположительности. К категории субъективных относятся как нефактуальные сведения, с маркером субъективности и без таковых, так и фактуальные, сопровождаемые показателями субъективной модальности – маркерами предположения» [Там же: 195–197].

Данный вид лингвоэкспертного исследования является одним из самых сложных, что отмечают лингвисты, занимающиеся экспертной деятельностью. Так, в статье К.И. Бринева

говорится о проблемах экспертизы конфликтных высказываний в ракурсе «сведение/мнение, «утверждение/предположение», «оценка/факт», ср.: «Лингвисты и юристы пользуются в своей практике обыденными концептами мнение/сведение. В связи с этим нельзя не отметить механистического и аналогового характера принимаемых в теории экспертизы решений, которые определяются формулой: из числа лингвистических концептов выбираются наиболее подходящие в плане их соответствия концептам *мнение и сведение*, бытующим в юридических текстах, а по существу концептов, имеющих сходное значение с обыденными терминами *сведение и мнение* ... В лингвистических экспертных заключениях квалификация компонентов текста в описываемом аспекте подается в декларативном модусе, и жанр ее подачи, скорее, соответствует жанру выводов, нежели жанру лингвистического исследования. В лучшем случае доказательство сводятся к модальным критериям – наличию/отсутствию модальных слов» [Бринев: 157–170].

• Метод лексико-семантического анализа

Этот метод анализа является достаточно распространенным в судебной экспертизе. Его разновидность предложена А.Р. Ратановым и заключается в том, что в «информационном споре должны быть выделены словесные конструкции и смысловые единицы текста, попадающие под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей законодательной нормой» [Ратанов 2004: 104]. Аналогичной точки зрения придерживается М.А. Грачев, считая, что «самым главным в судебных делах об оскорблении является перечень и характер оскорбительных слов, какие лексемы входят в их состав, в каких случаях они могут быть оскорбительными, а в каких – нет, как относиться к жаргонно-арготическим словам оскорбительного характера с точки зрения определенных социальных групп – вот вопросы, на которые должен ответить лингвокриминалист» [Грачев 2010: 187]. В статье «Некоторые проблемы российской лингвокриминалистики» М.А. Грачев приводит пример комплексного (лексико-семантического, лингвостилистического и историко-культурного) анализа выражения «депутатишка Андрюшка Исаев»: «Перед лингвистом-экспертом стоит ряд нерешенных задач, связанных с характером оскорбительных слов. Например, как относиться к лексемам, имеющим уменьшительный суффикс, и к неполным именам?

Рассмотрим на примере фразы *депутатишка Андрюшка Исаев*.

Депутатишка. В этом случае суффикс -ИШК- придает пренебрежительно-уменьшительный оттенок, умаляет значимость А.К. Исаева как депутата. Лексема является оскорбительной, так как в данном контексте подразумевается ее использование в значении «плохой депутат» (см. похожие слова: *лекаршишка – плохой лекарь, токаришка – плохой токарь* и т.п.).

Андрюшка (Андрюшка Исаев) – неполное имя (полуимя) является в данном контексте оскорбительным словом. «Уничижительная форма имени с суффиксом -Ка- по традиции сохранила, – как считают исследователи русских имен, – до настоящего времени оттенок пренебрежения к человеку, умаления его достоинства...» [Суслова, Суперанская, 1991, с. 120]. В данном контексте, направленном против А.К. Исаева как депутата, слово *Андрюшка* приобретает пейоративное значение (оно становится пейоративным именем). Несомненно, в этом случае следует учитывать и ментально-исторический аспект: в России полуименами обычно называли крепостных, слуг, лакеев. Использование же пейоративного имени *Андрюшка* в областной газете имеет ярко выраженное намерение унизить и оскорбить адресата. И в сочетании со словом *депутатишка* оно еще в большей степени умаляет значимость А. Исаева как депутата и как взрослого человека» [Грачев 2010: 189].

Разновидностью данного метода является анализ одного из текстообразующих средств (например, прецедентного имени) в составе экстремистских текстов [Бабикова 2016] и лингвостилистический анализ.

• **Метод лингвостилистического анализа единиц различных уровней** (атрибуция стилистической принадлежности)

Методические основы лингвостилистического анализа единиц разных уровней даны в статье Е.Ю. Бульгиной, М.А. Лаппо, Т.А. Трипольской «Признаки экстремистского текста: квалификация языковых средств и авторских приемов». Авторы выделяют две группы языковых средств, используемых для возбуждения межнациональной розни, – эксплицитные и имплицитные:

«Эксплицитные языковые приемы выражения экстремистского содержания. Среди эксплицитных языковых проявлений экстремистского содержания в текстах СМИ наиболее значи-

мыми являются лексические маркеры, различные группы лексических и фразеологических единиц, обозначающие:

– презрительно-уничижительные, пренебрежительные, бранные, грубо-просторечные характеристики лица по национальной, расовой и религиозной принадлежности;

– черты национального характера, конфессиональной, социальной и партийной принадлежности;

– действия и признаки субъектов оценки...

Можно выделить тематические группы слов, наиболее частотных в текстах экстремистского содержания. Это и нейтральная лексика, и эмотивно-оценочные или оценочные слова.

Наименование лица по национальному признаку: *немец, чукча, еврей, цыган, кавказец, лица кавказской национальности...*

1. К наименованиям лица по национальному признаку примыкают уничижительно-оскорбительные характеристики: *жиды, татарва, желтые, цветные, косоглазые, азеры, армяшки, хохлы...*

2. Наименования социально-политических групп, партий и общественно-политических движений, а также сторонников и последователей общественных, политических и идеологических движений: *антикоммунист, западник, коммунист, либерал, неформал, националист, питерские, демократы, дерьмократы, красные, черные, коричневые...*

3. Конфессиональные наименования: *исламисты, ислам, католики, ксендз, церковники, иудеи, иудаизм, неофит...*

4. Эмотивно-оценочные характеристики действий или поведения представителей разных национальных, религиозных, социальных групп: *понаехали, заволокли, приперлись...*

5. Нейтральные номинации (*католик, немец, ислам, китаец, прибалт, коммунист, либерал* и др.), погруженные в эмотивно-оценочный контекст, актуализируют наведенные коннотативные семы.

Приемы выражения имплицитного экстремистского содержания:

К имплицитным приемам относятся разные типы предъявления подтекстовой информации:

1) эмоционально-оценочные «приращения» смысла у слов с нейтральным значением;

2) употребление метафор, в том числе и индивидуально-авторских (метафору рассматривают как косвенный речевой акт) [Серль 1990];

3) намеренное использование слова в несвойственном ему значении.

Лингвистическая экспертиза не может не обратить внимания еще на один способ выражения негативной оценки, нагнетания межнациональной, межконфессиональной напряженности и вражды. Механизм возбуждения национального и другого неприятия осуществляется с помощью такого языкового приема, как однородные и квазиоднородные ряды... Искусственно объединенные в один ряд слова, относящиеся к разным смысловым областям, воспринимаются адресатом как однородные, имеющие сходную семантику...

Поводя итоги, отметим, что профессиональное экспертирование спорных текстов СМИ должно основываться на детальном семантико-прагматическом исследовании “конфликтоопасных” языковых зон. Кроме того, спорные тексты СМИ часто нуждаются в комплексной экспертизе: лингвистической, психологической, историко-философской и культурологической. Помимо анализа языковых средств, скрытых смыслов и логики развертывания текста, требуется исследование психологических установок говорящего/пишущего и адресата, исторического и межкультурного контекста» [Булыгина, Лаппо, Трипольская 2008: 113–132].

• Анализ многоуровневых текстов

К многоуровневым текстам относятся такие произведения речи, смысл которых не очевиден (они содержат имплицитную, подтекстовую информацию).

«Проблема заключается в том, что применяемый сегодня в суде анализ оспариваемого текста, как правило, ограничивается ссылками на толковый словарь русского языка или здравый смысл, когда соответствующая оценка принимается как само собой разумеющаяся. В действительности, если мы ожидаем от судебного решения справедливости, адекватности и законности, то очевидно, что метод анализа должен соответствовать его предмету. Т.В. Чернышева, к примеру, предлагает применить “методику свертывания текста” при которой выявляется логико-смысловая основа повествования, позволяющая проследить последовательности или, наоборот, внутренние противоречия в изложении автором своих идей [Войниканис 2004: 2015].

• Критический анализ и моделирование дефиниций, соотносимых с терминами, применяемыми в лингвистической экспертизе

Вопросы, связанные с терминологией, применяемой в лингвистической экспертизе, привлекают внимание многих исследователей ввиду их сложности и возможности неоднозначных решений. Так, в статье А.М. Плотниковой рассматривается «несовпадение терминологического и общеязыкового значения слова “пропаганда” и связанные с этим фактом трудности, возникающие в лингвистической экспертизе текста. В лингвистическом смысле пропаганда связана с коммуникативной целью “убеждение”, которое реализуется при помощи различных языковых приемов. В юридическом смысле ... отражено более узкое понятие пропаганды, ограничивающееся определенными и сформулированными в законе способами информирования адресата» [Плотникова 2015: 201]. В указанной статье А.М. Плотниковой использован метод анализа словарных дефиниций, позволяющий сделать прагматикориторические выводы, ср.: «Словарное толкование отражает два вида пропаганды: просветительскую, предполагающую распространение каких-либо учений, и идеологическую, политическую, которая может иметь общественно значимые функции, либо быть манипулятивной по своей сути и принципам. В любом случае пропаганда предполагает некоторое воздействие (убеждение, внушение) на аудиторию с целью изменения ее взглядов в нужном, желательном направлении» [Там же: 202].

Пример критического анализа дан и в статье О.Г. Алифановой «К проблеме разграничения и использования терминов “призыв” и “скрытый призыв” при производстве лингвистической экспертизы». Автор констатирует тот факт, что вопрос о толковании термина «скрытый призыв» является в настоящее время дискуссионным, и обосновывает невозможность его использования при проведении экспертиз по следующим причинам:

1. «Данный термин не определен в лингвистике, не выявлены и не зафиксированы его семантические и структурные компоненты, на основании которых автор может выявить его в спорных текстах.

2. Выводы любого экспертного заключения должны быть проверяемы, понятны и обоснованы. Предлагаемые же некоторыми лингвистами способы выявления косвенных призывов носят субъективный, необоснованный характер» [Алифанова 2016].

• Культурологические методы

«Целью культуролога в широком смысле становится экспертная деятельность по определению условий формирования и принципов функционирования символических коммуникативных систем» [Порозов 2016: 165]. Наиболее эффективными для анализа экстремистского дискурса Р.Ю. Порозов считает метод аналогии и метод прецедента, рассматривая последние как основную методологическую базу культурологической экспертизы: «Метод аналогии – это попытка обнаружить сходство между двумя и более символическими коммуникативными системами на основе общих свойств или признаков ... При попытке интерпретации определенной идеологии, ставшей объектом экспертизы, могут быть обнаружены знаково-символические метафоры («опосредованное/неявное сообщение») ... Метод прецедента также является одним из инструментов культурологической экспертизы как юридической практики. Специфика экстремистского дискурса заключается в том, что тезаурус знаково-символической метафористики ограничен и относительно константен. Это позволяет специалисту-эксперту составлять базы данных символов» [Порозов 2016: 165]. Кроме метода прецедента и метода аналогии автор подчеркивает и значимость функционального метода: «Среди зарекомендованных процедур можно выделить функциональный метод. Данный метод позволяет определить, какую роль выполняет тот или иной символат по отношению ко всей анализируемой системе (например, визуальному объекту) или ее отдельным элементам (другим символатам) [Там же].

• Лингвопрагматические методы

Сущность данного метода охарактеризована в статье Л.А. Араевой и М.А. Осадчего «Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 УК» применительно к социальным группам: «Эксперт-лингвист, дающий оценку текста, не только исследует содержательную сторону текста (идет ли речь о какой-либо группе, каков образ этой группы, что говорится о представителях этой группы), но и дает заключение о прагматических характеристиках произведения, то есть о том, как оно будет восприниматься рядовым читателем. В ходе прагматического анализа применяется следующее правило: если в тексте, направленном на формирование нега-

тивного образа группы, не сделано никаких оговорок и ограничений, призванных как-либо выделить конкретных представителей группы, – то специалист констатирует, что читателю ничто не мешает перенести все описанные свойства группы на любых представителей данной группы, живущих в современном обществе. Таким образом, доказывается, что текст направлен на возбуждение негатива не только в адрес группы, но и в адрес человека либо нескольких лиц на основе их групповой принадлежности» [Араева, Осадчий 2008: 215].

К лингвопрагматике ряд исследователей относит и жанроведение. О методике жанроведческого анализа спорного лингвистического материала говорится в статье Е.А. Яковлевой «Жанроведение, или генеристическая лингвистика как один из методов исследования конфликтных текстов»: «Раздел лингвопрагматики жанроведение, или генеристическая лингвистика, намечает новые пути изучения коммуникативных установок авторов конфликтных текстов. Мы считаем, что жанроведческий разбор спорного юридического материала весьма успешен и перспективен, так как позволяет выявить скрытое психолого-речевое воздействие адресанта и адресата как внешних участников диалога. Такой подход разрешает не только по-новому проанализировать конфликтный текст как некое коммуникативное целое (речевое событие), заключающее в себе, в том числе, и различные речевые жанры (лозунги, призывы, угрозы, провокационные заявления, оценки, оскорбления и т.п.). Жанроведческая методика делает зримыми внутритекстовые связи, манифестирующие сложное, динамически напряженное и коммуникативно значимое речевое произведение автора, а также помогает осмыслить “раскручивание” содержания исследуемого материала, что весьма важно с юридических позиций» [Яковлева 2010: 234].

Е.А. Яковлева выделяет круг речевых жанров, которые чаще всего встречаются в текстах, подлежащих лингвистической экспертизе, – это призыв, провокация, комплимент, хула, угроза, распоряжение, план...

В свою очередь, Е.И. Галяшина считает, что «лингвистическая экспертиза смогла доказать, что описанные нами речевые жанры можно считать примерами словесного экстремизма, поскольку они: “призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; оправдывают или обосновывают их”» [Галяшина 2006: 232].

• Семиотические методы

Семиотические методы и методики используются, прежде всего, для анализа креолизованных текстов, созданных в рамках взаимодействия двух семиотических рядов: вербального и визуального. Методики анализа креолизованного политического текста подробно описаны Е.В. Шустровой, которая предлагает «ряд методологических решений, успешно примененных при анализе креолизованных политических текстов, включая карикатуру, коллаж, постер, видеопродукцию и совмещающих описание и текстовой, и визуальной составляющих» [Шустрова 2015: 164]. Автор акцентирует внимание на следующих способах исследования креолизованных политических текстов:

- сопоставление метафорических моделей;
- анализ феномена языковой игры;
- прослеживание архетипов;
- выявление и анализ лингвокультурных типажей;
- описание стереотипов, характерных для той или иной лингвокультуры [Там же: 164–224].

Мы считаем, что данные методики могут послужить отправной точкой для исследования изобразительного ряда политического текста в сочетании с рядом вербальным, в том числе – в рамках лингвистической экспертизы. Исследователи описывают целый ряд методов и методик, применяемых при экспертизе креолизованных текстов. Это, прежде всего, **метод исследования логической структуры текста (тезисно-аргументативный анализ)** в сочетании с анализом визуального ряда.

Данный метод успешно продемонстрирован в статье Е.С. Кара-Мурза «Лингвистические показатели преступлений в политике» [Кара-Мурза 2012б: 846–849], ср., фрагменты анализа вербальной и визуальной частей листовки.

ВЕРБАЛЬНАЯ ЧАСТЬ:

«Продемонстрируем логику анализа листовки – полисемиотического текста, инкриминируемого как клевета и словесный экстремизм (по принципу возбуждения национальной розни) ... Основная коммуникативная цель листовки – побудить читателей (потенциальных избирателей) проголосовать за выдвигаемого в данной листовке кандидата (Г.А. Зюганова) ... Заголовок гласил: РУССКИЙ! Будь бдителен! Учись распознавать врага под любой личиной!.. Автор избрал аргументацию “от противного” (не похвала в адрес “своего” кандидата, а разо-

блачение “чужих”), осуществляя ее с явным намерением дискредитировать оппонентов. Следующий блок текста представлял собой основной тезис текста... из которого автор сделал закономерные для него выводы ... Текстовый вывод оформлен как политическое суждение, из которого имплицитно выводится: “Зюганов обязательно должен быть нашим президентом!”»

ВИЗУАЛЬНАЯ ЧАСТЬ:

«Под заголовком иллюстрация в графическом жанре карикатуры. Она изображала основных кандидатов кампании 2000 г. на пост президента (В.В. Путина, А. Тулеева, В.В. Жириновского, Г.А. Явлинского) как группу по-спортивно одетых детей, которые ожидают подарка от приближающегося к ним химерного существа – пчелы с человеческой головой, имеющей портретной сходство с госсекретарем США Мадлен Олбрайт, в типично американской шляпе-стетсоне со звездой Давида на тулье и дамской сумочкой в руках, на которой нарисован знак \$. Подзаголовок гласил: На финишной прямой президентского марафона» [Там же].

• Метод автороведческого анализа

Методы судебно-автороведческой экспертизы достаточно подробно охарактеризованы в статье Л.А. Араевой и М.А. Осадчего «Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма)».

«В зависимости от поставленных задач автороведческое исследование может иметь идентификационный и неидентификационный характер.

Идентификационная судебно-автороведческая экспертиза ставит своей целью установление авторства текста. В этом случае типичным заданием для экспертной комиссии являются вопросы о том, единственный ли автор у данного текста – либо текст создан группой лиц, идентично ли авторство текстов, представленных на исследование, может ли конкретный человек быть автором представленного текста и т.п.

Диагностическая судебно-автороведческая экспертиза призвана смоделировать вероятностный облик автора конкретного текста: установить (диагностировать) его пол, возраст, уровень образования, национальность, происхождение, проживание, социальную и культурную принадлежность, то есть эксперт должен оценить гипотетичного автора текста по всем имеющимся классификационным антропометрическим параметрам.

На практике идентификационная и диагностическая установки нередко объединяются в рамках единого комплексного исследования. Это происходит в тех случаях, когда экспертной комиссии предлагаются для анализа, с одной стороны, текстовый массив с известным авторством, с другой – анонимный текст; специалистов просят ответить: идентично ли авторство данных текстов. Возможен и другой вариант: экспертную комиссию знакомят с личностью предполагаемого автора, затем предлагают для анализа сам проблемный текст; специалисты в этом случае должны ответить на вопрос о том, мог ли данный человек написать предъявленный текст...

В ряде случаев идентификационная автороведческая экспертиза обходится без подготовительной классификационной фазы. Такая методика актуальна в случае, когда эксперт-лингвист заведомо не обладает достаточными знаниями в области психо-социолингвистики и не берет на себя ответственность по определению половой, социальной и культурной принадлежности автора. Такой эксперт основывается исключительно на лингвистических данных: специалист сравнивает стилевые (лексические и синтаксические) особенности представленных на исследование текстов и делает вывод об их идентичном и неидентичном авторстве.

Чисто идентификационное исследование также имеет место в случаях, когда автороведческая экспертиза основывается на статистическом методе: в сравниваемых текстах устанавливается частота использования единиц определенного типа (предлогов, знаков препинания, синтаксических конструкций и т.п.), на основе этих данных делаются выводы о речевой манере автора каждого из текстов, а также о степени близости этих речевых манер. Методологические вариации судебно-автороведческой экспертизы обусловлены не только и не столько знаниями и навыками специалистов. В большей степени на выбор доминирующего метода влияет характер самого следствия» [Араева, Осадчий 2008: 182–184].

• **Анализ готовых экспертных заключений и судебных исков** (комплексные исследования)

Комплекс методов (статистический, нормативный, интерпретативный и др.) на материале экспертиз политических текстов успешно используется в статье С.В. Дорониной «Нормативная интерпретация приемов высмеивания в свете статистических данных»: «Материалом анализа послужили эксперти-

зы реальных конфликтных текстов, вошедшие в сборник “Цена слова-2” (2002) и “Юрислингвистика-5” (2004). Сплошным методом нами были отобраны все тексты, содержащие те или иные приемы высмеивания ... Нас интересовали два вопроса: различаются ли комические тексты по типу оценки, полученной со стороны героев публикаций, и от каких языковых параметров зависят эти отличия» [Дорони́на 2005: 21].

Фрагмент анализа, представленный в статье С.В. Дорониной: «Общий экспрессивный фон текста характеризуется как пренебрежительный. Нам встретилось несколько приемов, формирующих данное экспрессивное содержание. Первый прием условно назовем “чистой” иронией, он состоит в заключении какого-либо оценочного слова в кавычки, обозначающие, что в данный контекст вкладывается содержание, противоположное буквальному. Ср.: ...А. Бехтольд – человек, не считающийся ни с чьим мнением, кроме своего собственного, нетерпимый к своим политическим противникам, “лучший” образец “демократического идеолога” (В. Ишаев, газета “Тихоокеанская звезда”, экспертиза № 30 (Цена слова, 2002, с. 170). Подобный прием нам удалось наблюдать не единожды, поэтому отметим, что он может маркировать разное экспрессивное содержание, в зависимости от степени эмоциональной напряженности высказывания» [Там же: 25].

Примером комплексного (лингвосемантического и прагматического) анализа судебного иска является статья В.И. Жельвиса «“Оскорбление” или “обида”: попытка дискриминации»:

Существо проблемы

«Судебные дела возбуждаются в случае имевшего место публичного оскорбления или акта, которое одна из сторон считает таковым.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть судебный иск, возбужденный мэром Углича Э.Ш., к автору статьи «Элеонора, княгиня Углицкая», помещенный в местном выпуске еженедельника «Аргументы и факты (13.02.08). Автор статьи О.К. в то время являлся депутатом муниципального совета г. Углич и кандидатом в депутаты Государственной Думы Ярославской области. Статья в «АиФ» оплачена из его избирательного фонда, и, таким образом, ее можно рассмотреть как элемент предвыборной полемики соперничающих кандидатов, то есть его и мэра Э.Ш.

В своей статье О.К. утверждает, что мэр Углича на протяжении многих лет руководит самовластно, не прислушиваясь к советам коллег, что приводит к многочисленным ошибкам и, хуже того, к злоупотреблениям. По его словам, мэр чрезвычайно амбициозна и спекулирует своей принадлежностью к «партии Путина», что позволяет ей совершить ряд противоправных действий. Автор полагает, что Э.Ш. недостойна занимаемой должности и должна быть заменена на более молодого работника...

Фрагмент анализа

В двух местах использованные автором выражения позволяют увидеть элементы прямого оскорбления. Это, во-первых, употребление слова «самодурство» («самодурство стареющей дамы»). Собственно говоря, само слово «самодурство» является вполне литературным, и дело здесь в том, к кому оно относится. Как известно, *самодур* – это человек, игнорирующий установленные правила, поступающий не в соответствии с общепринятыми установками, а так, как ему заблагорассудится... Употребленное в адрес чиновника, это слово сильно меняет смысл, ибо позволяет утверждать, что данное должностное лицо нарушает не просто общепринятые этические нормы, а законы государства, трактуя их по собственному усмотрению. Что, естественно, говорит о несоответствии занимаемой должности. В ситуации полемической предвыборной статьи употребление данного слова можно рассматривать как оскорбление [Жельвис 2009: 150–161].

Методы и методики лингвистической экспертизы, о которых шла речь выше, далеко не исчерпывают их репертуар. В заключение приведем несколько фрагментов экспертиз текстов политического характера (в указанных фрагментах присутствует информация о методах и методиках анализа).

ЭКСПЕРТИЗА – 1

(агитационный материал)

Существо проблемы (текст, представленный на экспертизу)

Внимание! Округ № 5

ИВАНОВА

Эмма Соломоновна

ЧЕСТНЫЙ ЮРИСТ В ДУМЕ –

ВАША УВЕРЕННОСТЬ В ПОРЯДОЧНОСТИ ВЛАСТИ!

Я СПРАШИВАЮ ГОСПОЖУ КОВИНУ, БАЛЛОТИРУЮЩУЮСЯ ПО

ПЯТОМУ ОКРУГУ НА ВТОРОЙ СРОК

1. Верно ли, что размер Ваших официальных доходов на «Приводе» – 180000 рублей в месяц?

2. Верно ли, что практически каждый человек, сокращенный с «Привода», остался без работы с Вашего ведома и соглашения с Вами?

3. Правда ли, что Вы приписываете себе заслуги городских коммунальных служб в благоустройстве округа?

4. Почему Вы позволили себе судиться с избирателем за критику? Разве избиратель не вправе высказать свою точку зрения?

5. Почему Вы строите свои ответы на «неудобные» вопросы избирателей на обмане, на компрометации оппонента?

Фрагмент экспертного заключения

Перед специалистом были поставлены следующие вопросы...

1. Содержат ли утверждение о фактах следующие фразы?

1) Верно ли, что размер Ваших официальных доходов на «Приводе» – 180000 рублей в месяц?

2) Верно ли, что практически каждый человек, сокращенный с «Привода», остался без работы с Вашего ведома и соглашения с Вами?

3) Правда ли то, что Вы приписываете себе заслуги городских коммунальных служб в благоустройстве города?

4) Почему Вы позволили себе судиться с избирателем за критику? Разве избиратель не вправе высказать свою точку зрения?

5) Почему Вы строите свои ответы на «неудобные» вопросы избирателей на обмане, на компрометации оппонента?

2. Попадают ли указанные вопросы под понятие сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию истца?

*Объект экспертизы – текст агитационного материала.

*Методы экспертизы – логико-лингвистический анализ текста, компонентный анализ.

* Средства экспертизы – данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы.

Специальная литература XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

По вопросу 1.

1. В настоящее время в экспертной практике под утверждением понимают суждение, в котором отображается связь предмета и его признаков (Цена слова, 2002, с. 198). Под фактом – истинное событие, действительное происшествие или явление, существовавшее или существующее на самом деле (Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы, М., 2004, с. 31).

2. Под вопросом мы понимаем выражение, с помощью которого говорящий спрашивает о чем-либо, то есть хочет получить какую-либо позитивную информацию.

3. Однозначный ответ на вопрос, является ли фраза утверждением о фактах или нет, зависит от уровня рассмотрения лингвистических объектов (в данном случае фраз). Представленный к исследованию текст может быть рассмотрен в следующих предметных областях:

а) с точки зрения воспринимающего (воспринимает ли читатель данные фразы как утверждения о фактах?);

б) с точки зрения целостного текста (его замысла, формы и содержания);

в) с точки зрения отдельных, входящих в текст фраз.

Причем ответ на поставленный вопрос может быть различным в зависимости от уровня рассмотрения.

4. Определение уровня рассмотрения, который значим для юриспруденции, не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, поэтому при ответе на вопрос приведены все перечисленные выше интерпретации.

По вопросу 2.

Квалификация текста как порочащего не входит в компетенцию лингвиста-эксперта (Цена слова, 2002, с. 214, 261). [Бринев 2006: 158–159].

ЭКСПЕРТИЗА – 2

(агитационная листовка КПРФ и статья в газете «Постскриптум», г. Горно-Алтайск, 14 декабря 2000 г.)

Существование проблемы

В обоих текстах резкие негативные характеристики даются деятелям партии «Яблоко» – ее лидеру Г.А. Явлинскому и руководителю местного отделения партии Н.Г. Думновой. По поводу содержания листовки РОПО «Славянский мир» партия «Яблоко» обратилась в городской суд Горно-Алтайска с иском о распространении в ней клеветнических сведений, порочащих честь и достоинство кандидата в президенты Г.А. Явлинского (ст. 129 и 152 УК), а также призывов, носящих признаки возбуждения национальной розни (ст. 29 Конституции РФ, ст. 282 УК, ст. 4 Закона РФ о СМИ) ... После появления в горноалтайской газете «Постскриптум» статьи «Ай, Моська, знать, она сильна...», направленной против Н.Г. Думновой, руководство партии «Яблоко»

возобновило иск в отношении автора листовки, а теперь и авторов газетной статьи по признакам ст. 199-1 УК РФ...

Вопросы

1. Являются ли высказывания Ю.Н. Поздеева в контексте его листовки клеветой и оскорблением личности Г.Я. Явлинского, содержит ли текст листовки сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию председателя Российской демократической партии «Яблоко»?

2. Нарушают ли высказывания, приводимые в листовке, равноправие граждан в зависимости от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, причиняют ли они вред правам и законным интересам граждан? Направлены ли приведенные в листовке фразы на разжигание расовой, национальной и религиозной розни?

3. Являются ли оскорблением личности высказывания и сведения, распространенные публично газетой «Постскриптум» в статье под указанным выше заголовком?

Фрагмент экспертного заключения

В ходе экспертизы были использованы теоретические построения и методики анализа текстов, применяемые в таких направлениях, как функциональная стилистика, стилистика массово-коммуникативных жанров, а также теория речевых актов, логический анализ языка, лингвистическая семантика. В них реализуются современные коммуникативно-когнитивные подходы к языку и тексту, позволяющие экспертам адекватно интерпретировать речевое произведение в аспекте 1) его коммуникативного замысла (интенции), 2) его ближайших и дальних целей (иллокутивных сил) в зависимости от того, на кого рассчитан текст (является ли его адресатом персонаж текста или массовая аудитория, или тот и другая), а также прогнозировать его предполагаемый внеречевой результат (перлокуцию) в области знаний, мнений, чувств и поведения аудитории. Лингвистическая экспертиза, выполненная на таких теоретических основаниях, традиционно применяется в делах о клевете и оскорблении, а также в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации...

Применительно к делам об ОСКОРБЛЕНИИ, указанная комплексная методика определяет наличие в текстах оценочных суждений, в частности сформулированных в неприличной форме – а именно с помощью инвективной (оскорбительной) лекси-

ки, и обнаруживает наличие инвективного замысла в тексте, лишенном внешних признаков оскорбительности, то есть помогает выявить признаки ОСКОРБЛЕНИЯ, УМАЛЕНИЯ ЧЕСТИ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ, УНИЖЕНИЯ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ...

Соответственно задача лингвистов-экспертов применительно к настоящему запросу – определить, есть ли в анализируемых текстах подобная лексика, а также каковы их истинные коммуникативные цели [Засурский, Кара-Мурза 2008: 312–317].

ЭКСПЕРТИЗА – 3

(текст листовок и печатного издания «Вестник депутата В»)

Н.Д. Голев

Сравнительное лингвистическое

и автороведческое исследование трех текстов

На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:

1. Одним или разными лицами составлялся текст в листовке «Обращение к жителям города рядовых рабочих промышленных предприятий и железной дороги» и в «Вестнике депутата В»?

2. Одним или разными лицами составлялся текст в листовке «Обращение к жителям города рядовых рабочих промышленных предприятий и железной дороги» и в листовке общественного движения «Медведь»?

Фрагмент экспертного заключения

Исследовательская часть

По характеру заданий выполняемая экспертиза относится к числу идентификационных. «Идентификационная судебно-автороведческая экспертиза ставит своей целью установление авторства текста. В этом случае типичным заданием для экспертной комиссии являются вопросы о том, единственный ли автор у данного текста, либо текст создан группой лиц, идентично ли авторство текстов, предоставленных для лингвистической экспертизы, может ли конкретный человек быть автором представленного текста и т.п.» (Юрислингвистика-9: Истина и язык в языке и праве. – Барнаул, Кемерово, 2008. – С. 183.).

Тексты, предложенные для осуществления автороведческой экспертизы, не достаточны по объему для получения результата с высокой степенью вероятности, поскольку существующие методики такой экспертизы строятся в основном на количественных показателях и предполагают анализ больших массивов текстового материала.

В силу сказанного, в качестве основного метода нами был использован **лингвоперсонологический метод**, то есть **метод реконструкции языковой личности стоящего за данным текстом**. Тексты позволяют реконструировать образ автора исследуемого текста и отнести языковую личность, стоящую за ним, к определенному ментально-языковому и психоязыковому типу. Этот параметр дополняется культурно-языковым параметром. «В этом случае тактика экспертного доказывания идентичности/неидентичности личности автора произведения и его распространителя будет сводиться к установлению творческой способности (неспособности) распространителя создать распространяемый им текст. Означенная творческая способность складывается из таких характеристик, как культурный уровень, языковая компетенция, социально-культурная принадлежность, а также личностная оригинальность. Следовательно, автороведческое исследование призвано охарактеризовать автора не как человеческого индивида (относящегося к определенному полу, говорящего на определенном диалекте), но как личности, находящейся на определенной стадии своего социально-культурного развития (Там же, с. 19) [Голев 2010: 382–384].

Таким образом, тексты, отражающие взаимодействие политики и права исследуются в настоящее время по целому ряду направлений. Эти направления включают исследования в областях: государственного языка, межкультурной коммуникации и перевода, лексикографии, истории, терминологии, жанрово-стилистической, прагматико-риторической и нормативной специфики текстов, а также комплексные исследования в области лингвоконфликтологии и лингвистической экспертизы. Наиболее активно развиваются два последние направления, в рамках которых используется целый ряд методов и методик исследований конфликтных (спорных) произведений речи (политических и экстремистских текстов). Активно развивается в настоящее время и психолингвистическое направление, о котором пойдет речь в других разделах данной монографии.

ЛИТЕРАТУРА

Аблеев С. Р. Синергичная этика и моральные основания правосознания // *Философия права*. 2009. № 6. С. 35–39.

Александров А. С., Александрова И. А. Язык и судебная истина // *Юрислингвистика-9*. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 36–74.

Алифанова О. Г. К проблеме разграничения и использования терминов «призыв» и «скрытый призыв» при производстве лингвистической экспертизы // *Язык. Право. Общество*. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 110–112.

Амиров В.М. Журналистика вооруженных конфликтов в правовом пространстве российского законодательства // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры*, 2013. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 14–21.

Араева Л.А., Осадчий М.А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при рассмотрении преступлений, предусмотренных статьей 282 УК // *Юрислингвистика-8*. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 211–215.

Араева Л.А., Осадчий М.А. Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма // *Юрислингвистика-9*. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 182–193.

Бабикова М.Р. Прецедентные имена в креолизованных текстах националистических организаций // *Язык. Право. Общество*. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 113–118.

Барабаш О.В., Филиппов К.Б. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингвоправовой анализ дефиниции // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 14–20.

Барабаш О.В. Особенности категоризации феномена коррупции вне юридического дискурса // *Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления*. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2016. С. 23–28.

Барабаш О.В. Феномен коррупции в семантическом пространстве языка: к постановке проблемы // *Язык. Право. Общество*. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 259–265.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта : Наука, 2007.

Баранов А.Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // Язык. Право. Общество. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 119–122.

Батюшкина М.В. Субъекты законодательного и правоприменительного дискурсов: понятие и функциональные роли // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 76–83.

Бикейкина Н.О. манипулятивном функционировании имен собственных // Юрислингвистика-7. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 255–259.

Бринев К.И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции // Юрислингвистика-9. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 232–249.

Бринев К.И. О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкалах «сведение/мнение», «утверждение/предположение», «оценка/факт» // Юрислингвистика-7. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 157–173.

Бринев К.И. Справочник по судебной экспертизе. М. : ЛИБРОКОМ, 2016.

Бринев К.И. «Честный юрист в Думе» (анализ предвыборной листовки // Юрислингвистика-7. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 157–173.

Булыгина Е.Ю., Лаппо М.А., Трипольская Т.А. Признаки экстремистского текста: квалификация «конфликтоопасных» языковых средств и авторских приемов // Юрислингвистика-9. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 113–125.

Войниканис Е.А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : МГУ, 2004. С. 207–219.

Войниканис Е.А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык средств массовой информации. М. : Академический проспект; Альма-Матер, 2008. С. 316–326.

Гаврилова М.В. Номинация высшего законодательного органа России как языковой механизм идеологической борьбы // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2007. С. 62–64.

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. М. : Юридический мир, 2006.

Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. М. : Галерея, 2003. Ч. 2. С. 48–64.

Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 14–28.

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8–39.

Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 5–36.

Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та., 2007. С. 7–14.

Голев Н.Д. Сравнительное лингвистическое и автороведческое исследование трех текстов // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 382–390.

Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза на стыке языка и права // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 168–184.

Голощапова Е.В. Аспекты изучения конфликтной языковой личности (на материале коммуникативно-речевых ситуаций, попавших в сферу судебного разбирательства) // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 193–195.

Грачев М.А. Некоторые проблемы российской лингвокриминалистики // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 186–191.

Григорьева О.Н. Закон в зеркале СМИ // Язык средств массовой информации. М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 436–442.

Данкова Н.С. Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия оценки // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 192–197.

Денильханов И.С., Исаков Н.В. Политико-правовые основы разграничения полномочий между центром и регионом во внешнеполитической сфере современной России // Вестник ПГЛУ. 2016. № 4. С. 157–151.

Доронина С.В. Нормативная интерпретация приемов вымевания в свете статистических данных // Юрислингвистика-6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 20–30.

Доронина С.В. Сведение и мнение: проблемы экспертной оценки переносных и экспрессивных значений // Юрислингвистика-9. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 266–275.

Едличко А.И. Правовой статус немецкого языка в современной Германии // Язык. Право. Общество. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 197–199.

Жельвис В.И. «Оскорбление» или «обида»: Попытка дискриминации // Юрислингвистика-9. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 155–162.

Жельвис В.И. Письмо Пушкина Геккерену: анализ оскорбления // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 89–93.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М. : Ладомир, 2001.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-1: Русский язык в его естественном и юридическом бытовании. Барнаул, 2000. С. 223–225.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психоллингвистические аспекты речевого воздействия. Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. пед. ин-та, 1990.

Замалетдинов В.Е. Новообразования как средство речевого воздействия в региональных нижегородских СМИ // Язык. Право. Политика. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 218–221.

Засурский Я.Н., Кара-Мурза Е.С. Направлены ли приведенные в листовке фразы на разжигание расовой, национальной и религиозной розни? // Юрислингвистика -9. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 312–334.

Иваненко Г.С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 191–197.

Кара-Мурза Е.С. Во избежание медиаконфликтов: лингвоконфликтология для будущих юристов и журналистов // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого воздействия в социуме. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012а. С. 202–204.

Кара-Мурза Е.С. Коммуникативные парадигмы «директивы» и «эвалютивы» как признаки речевых преступлений и как обучающие единицы лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 197–210.

Кара-Мурза Е.С. Лингвистические показатели речевых преступлений в политике // Язык СМИ и политика. М. : МГУ, 2012б. С. 797–855.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 114–124.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект лингвоконфликтологии // Юрислингвистика и конфликтология : Материалы конференции. Кемерово, 2009. С. 85–93.

Катунин Д.А. Регламентация использования языков в работе федеральных парламентов Российской Федерации // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 89–97.

Коряковцев А.В., Головачева О.В. К проблеме инвективного функционирования русского языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул : Изд.- во Алт. ун-та, 2004. С. 226–236.

Костюк В.Д. Нематериальные блага. Защита чести, достоинства и деловой репутации. М. : Лекс-Книга, 2002.

Кошкарлова Н.Н. Речевые конфликты с участием мигрантов // Изучение русского языка как путь к адаптации мигрантов к проживанию в России. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2007. С. 79–80.

Кошкарлова Н.Н. Риторика и стилистика выступлений В.В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме // Язык. Право. Политика. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 232–234.

Кудряшов И.А. ИмPLICITные смыслы как лингвистическая основа разграничения факта и мнения в рамках независимых региональных печатных СМИ // Юрислингвистика-7. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 237–246.

Кузьминская С.И., Аблеев С.Р. Криминализация образа оппонента в современных информационных войнах // Язык. Право. Политика. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 235–237.

Курбатов В.И. Конфликтология. М. : Феникс, 2007.

Кусов Г.В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике // Юрислингвистика-6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 34–43.

Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза: взгляд на конфликтный текст сквозь призму закона // Юрислингвистика-6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 56–68.

Мигушов К.А., Назаров Ю.Н. О содержании понятия «правовая культура» // Язык. Право. Общество. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 30–32.

Михайлов М.Н. Между строк межгосударственных договоров // Язык. Право. Общество. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 99–103.

Назаров Ю.Н. О системном подходе к правовой культуре // Эволюция правовой науки. Уфа : Аэтерна, 2014. С. 50–52.

Никишина Т.И. Грамматические формы реализации концепта «Freedom» в политическом дискурсе Великобритании // Язык и право. Общество. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 244–247.

Обелюнас Н.В. Конфликт интерпретаций в сфере массовой коммуникации // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 416–421.

Олзоева Я.В. Предвыборные дискредитирующие тексты как объект юрислингвистики: нравственно-правовой аспект // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 224–226.

Осколкова Н.В. Типовые вопросы к экспертам-лингвистам: читаем вместе // Юрислингвистика-8. Русский язык и современное русское право. Кемерово; Барнаул, 2007. С. 382–393.

Павлова Н.А. Языковая политика США: латиноамериканский контекст // Язык. Право. Общество. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016.

Пантелеева Т.Ю. Феномены права в лингвистических координатах // Вестник ПГЛУ. 2013. № 1. С. 110–114.

Понятие чести, достоинства и деловой репутации // Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. М. : Медея, 2004.

Порозов Р.Ю. Культурологическая экспертиза: от теории к практике // Язык. Право. Общество. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 164–166.

Правикова Л.С. Политическая коммуникация в парламенте: функции, аргументативно-риторические стратегии и лексико-семантические средства // Вестник ПГЛУ. 2016. № 1. С. 153–157.

Рамазанова Н.К. Лингвокогнитивный анализ терминологических номинаций юридического концепта «ТАКЪСИР» в аварском языке (на материале СМИ) // Вестник ПГЛУ. 2016. № 2. С. 68–71.

Ратанов А.Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. М. : Медея, 2004. С. 101–116.

Рудакова К.М. Концепт «оскорбление»: к проблеме взаимодействия естественного и юридического языков // Юрислингвистика-5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 236–244.

Сайкова Н.В. Лингвистические и экстралингвистические детерминанты кодификации норм русского языка в его естественном и юридическом функционировании // Юрислингвистика-5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 71–78.

Саржина О.В. Различие языковых кодов коммуникантов как конфликтообразующий фактор (на примере инвективных имен лица) // Юрислингвистика-5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 105–117.

Серебрякова А.Ю. Инвектива как семантическое средство выражения экстремизма в книге Ф. Ницше «Так говори Заратустра» // Вестник ЮрГУ. Серия : Лингвистика. 2017. Т. 14. № 2. С. 34–36

Серль Дж.Л. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 170–194.

Скляревская Г.Н., Ткачева И.О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: Краткий словарь-справочник. СПб. : Фил. фак-т СПбГУ ; Издательский центр «Академия», 2004.

Сосипатрова А.В. Феномен коррупции в современных СМИ сквозь призму метафоры родства // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2016. С. 198–200.

Федотов М.А. Правовые основы журналистики. М. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова : ВЛАДОС, 2002.

Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М. : Галерея, 2001.

Шарифуллин Б.Я. Проблемы инвективы: лингвистический и юрислингвистический статус // Юрислингвистика-8. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. унта, 2007. С. 207–211.

Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика-5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 126–138.

Шустрова Е.В. Методики анализа креолизованного политического текста (на материале современной американской карикатуры) // Юмор и ирония в политическом дискурсе. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2015. С. 164–224.

Южанинова Л.А. Политические кампании как источник конфликтов в СМИ // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 157–162.

Яковлева Е.А. Жанроведение, или генеристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов // Юрислингвистика-10. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 233–241.

ГЛАВА III. МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ АНАЛИЗА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

1. КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: СИНТЕЗИРОВАННЫЙ КОМПЛЕКС МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Одной из актуальных проблем современной прагмалингвистики является исследования воздействия текста на адресата, обозначаемого Дж. Остином как перлокутивный эффект [Остин 1962] или результат речевого акта, например: изменение ценностных ориентиров, взглядов и установок, влияние на совершаемые действия. Особое значение данный эффект приобретает в отношении креолизованных текстов экстремистской направленности.

Креолизованный, или поликодовый, текст в XXI в. стал неотъемлемой частью современной коммуникации, и причины его высокой популярности и востребованности анализировались во множестве публикаций. Подходит к завершению первый этап принятия и осознания этого явления, ставшего одним из актуальных объектов научного осознания [см., напр.: Ворошилова 2013]. В настоящий момент наступает время систематизации методов изучения креолизованного текста.

Синтетическая поликодовая форма креолизованного текста обусловлена требованиями современного общества, ориентированного на визуальный способ представления информации. Это, в свою очередь, по общепринятому в научном дискурсе мнению, значительно повышает прагматический, то есть воздействующий потенциал данного типа текстов, особенно в подростковой и молодежной аудитории и в среде постоянных посетителей социальных сетей. Именно эта особенность креолизованных текстов привлекла к ним внимание лингвистов, психолингвистов, социолингвистов и иных представителей лингвистической науки.

Креолизованный текст, понимаемый нами как «текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает необходимость многоканального восприятия текста, а значит – и комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2013], оказался в центре внимания специалистов, изучающих как политический, так и экстремистский дискурс.

В последние годы в рамках современной лингвистики интерес к невербальным средствам коммуникации, так называемой «визуальной информации», значительно возрос, что отмечается в большинстве исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, «нетрадиционного», видеовербального, составного, поликодового, креолизованного текста [Анисимова 2003; Большакова 2008; Горбачева, Каменева 2014 и др.].

Однако в настоящий момент комплексная методика оценки воздействия креолизованного текста, в том числе текста политической и экстремистской направленности, еще не сложилась. Как правило, современные исследователи, занимающиеся анализом креолизованного текста, ограничиваются изучением соотношения вербального и иконической, визуальной знаковых систем, то есть описанием невербальных графических средств, сопровождающих письменную речь. Подробный аналитический обзор научных исследований в России и за рубежом в области лингвистики креолизованного текста представлен в монографии «Креолизованный текст: ключи к прочтению» [Ворошилова, 2013].

Включение данного сложного поликодового, семиотически осложненного образования в научный дискурс, по нашему мнению, обуславливает и необходимость развития междисциплинарных разработок, привлекающих исследовательский аппарат и методы не только лингвистики текста, но и теории коммуникации, семиотики, психолингвистики и, конечно, когнитивной лингвистики. Именно когнитивная лингвистика, изучающая язык как когнитивный механизм, играющий важнейшую роль в кодировании и трансформировании информации [см. подр: Кубрякова 1997: 53–55], устанавливает и определяет базовые образные схемы, в рамках которых человек познает мир. Поэтому когнитивная лингвистика должна стать важнейшей частью научной платформы для создания и развития этого междисциплинарного исследования.

Подчеркнем, что, основываясь на результатах психолингвистических исследований о том, что информация, воспринимаемая по разным каналам – вербальный текст и изображение – «интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления» [Жинкин 1982], мы утверждаем взаимную обусловленность вербальных и визуальных образов в структуре креолизованного текста: «союз» различных семиотических единиц приводит к созданию нового,

комплексного, креолизованного метафорического образа, семантика которого не может быть воспринята как сумма значений данных единиц. Сказанное имеет непосредственное отношение к феномену когнитивной метафоры.

Важно учитывать, что когнитивная метафора создается за счет монтажа двух и более образов (вербальных, визуальных, аудиальных и др.). Данный монтажный механизм функционирует таким образом, что при одновременной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план, то есть новая художественная реальность [Крюкова 1988: 85], что, в свою очередь, является базовой функцией метафоры. Аналогичный прием когнитивного столкновения [Лазарева 2003] лежит в основе любого креолизованного текста, что делает когнитивную метафору востребованным инструментом порождения и восприятия семиотически осложненного, поликодового текста.

В современном научном дискурсе активно развивается теория визуальной (реже – графической) метафоры, которая, по мнению исследователей, выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, выступающих в качестве иконических знаков, напрямую отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации [Сонин 2005: 56]. Иными словами (подчеркнем еще раз), визуальная метафора создается за счет монтажа двух и более визуальных образов.

В основу современных исследований визуальной метафоры легли два основных подхода. Это подход риторический, в рамках которого исследователи анализируют особенности визуализации риторических тропов, среди которых выделяют и визуальную метафору. Чаще данный подход используется при анализе рекламных текстов [Горбачева, Каменева 2014; Цветкова 2009 и др.]. В основу второго – когнитивного – подхода легла когнитивная теория метафоры, восходящая к популярной в России и получившей широкую поддержку теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 1990: 392]. Это теория описывает взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [Большакова 2008, Шустрова 2014 и др.].

Бесспорно, что исследования когнитивных процессов визуальной метафоры в креолизованном тексте актуальны и требуют дальнейшего развития, которое, по нашему мнению, должно идти по пути поиска связи с вербальным компонентом, что, несомненно, позволит осуществить детальный и целостный анализ текста.

Однако мы должны согласиться, что использование только когнитивно-лингвистической теории не дает нам возможности для системного анализа воздействия высказывания (текста) на субъект. Необходимо привлечение методик из области современных психолингвистических и нейрофизиологических исследований.

Проблема восприятия текста или отдельных текстовых единиц не раз поднималась в рамках психолингвистики и нейролингвистики. Так, традиционно в нейролингвистике изучаются психофизиологический механизм языкового отражения действительности (в том числе распознавания речи), механизмы интеграции знаковых комплексов, поступивших от разных анализаторов мозга, и процессы языковых обобщений.

В России наиболее известны работы Т.В. Черниговской, выполненные на стыке когнитивной и нейролингвистики. В зарубежных исследованиях в центре внимания нередко оказываются процессы восприятия метафоры как когнитивной единицы, когнитивной структуры и ее нарратива, смысловых структур, эмоциональных тем как медиаторов репрезентаций текста.

Связующим звеном между когнитивными и нейролингвистическими разработками являются психологические исследования восприятия креолизованного текста субъектом, которые, в свою очередь, осуществляются методом комплексного анализа состояний адресата, в том числе и учета динамики психофизиологических показателей в процессе восприятия.

Регистрация психофизиологических показателей предполагает анализ фотоплетизмографических, электроэнцефалографических, электрокардиографических, составляющих. Изучение данных реакций позволяет определить особенности состояний психики субъекта в процессе восприятия им креолизованного текста.

Итак, при исследовании креолизованного текста мы считаем необходимым использовать синтезированный комплекс методологических парадигм, охватывающий эвристики риторического и когнитивного подходов, а также методы психолингвистики и психологии. Использование различных подходов не только позволит получить полное и многоаспектное представление о предмете научных изысканий, но и предоставит возможность сопоставления плюсов и минусов каждого из подходов, выявить достоинства и недостатки методологического синтеза на фоне парадигмальных контрастов.

Перейдем к методологии, включающей в себя характеристику методологических принципов исследования креолизованной метафоры, а также к психолингвистическим и фоносемантическим методам анализа.

1.2. Креолизованная метафора: методологические принципы и схема анализа

Появление в XXI в. в научном обороте такого понятия, как креолизованный, или поликодовый, текст обусловило развитие междисциплинарных разработок, включающих методы и методики когнитивной лингвистики, которая стала научной платформой для создания и развития междисциплинарного направления, исследующего взаимодействие разных семиотических систем.

Одним из важнейших инструментов анализа в когнитивной лингвистике является метафора, понимаемая как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Тот факт, что в когнитивистике используется широкое понимание метафоры, которая рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990], в том числе и невербальный, обуславливает возможность использования данного термина в исследованиях креолизованного текста.

Как известно, центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора, понимаемая как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорой, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет [см. подр.: Чудинов 2001]. Именно метафорический способ постижения мира, по мнению большинства исследователей, имеет всеобщий и обязательный характер, поэтому метафора может быть рассмотрена как один из фундаментальных когнитивных механизмов человеческого сознания. Таким образом, одним из самых востребованных инструментов анализа текста, в том числе креолизованного, семиотически осложненного, своеобразным ключом к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации становится именно метафора.

В современном научном дискурсе активно развивается теория визуальной (реже – графической) метафоры, которая выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, вы-

ступающих в качестве иконических знаков, напрямую отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации [Сарна 2005: 56].

Исследования визуальной метафоры в настоящее время развиваются в рамках трех основных направлений: риторического, психолингвистического и когнитивного.

При анализе рекламных текстов зачастую используется риторический подход, в центре внимания исследователей оказываются особенности визуализации риторических тропов, в том числе и визуальной метафоры [см.: Горбачева, Каменева 2014 и др.].

Особую популярность набирают психолингвистические исследования, использующие экспериментальные методы анализа процесса восприятия текста и представлений о смысле информации.

Закономерное развитие в русле исследований креолизованного текста получила когнитивная теория метафоры, описывающая взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [см.: Большакова 2008 и др.].

Исследования когнитивных процессов визуальной метафоры в рамках креолизованного тексте актуальны и требуют дальнейшего развития. Последнее, по нашему мнению, должно идти по пути поиска связи с дискурсом, что, несомненно, позволит представить более детальный и полный анализ полисемiotических ситуаций.

В качестве базового мы выделяем и дискурсивный подход: метафора всегда дискурсивно обусловлена, будь она вербальной или визуальной. Понимая дискурс как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136–137], мы считаем, что адекватное прочтение метафоры в креолизованном тексте возможно только с учетом социального контекста коммуникации, характеризующей ее участников, процессы продуцирования и восприятия текста. Дискурсивный подход учитывает и фоновые знания. Также мы считаем принципиальным положение о национальной культурной обусловленности метафоры, несмотря на широко бытующее мнение об интернациональном характере визуальности.

Метафорический образ в креолизованном тексте может быть «прочитан» только при комплексном восприятии его со-

ставляющих и учете особенностей функционирования в определенном дискурсе. Вышесказанное предполагает использование понятия «креолизованная метафора».

Это понятие значительно шире понятия визуальной метафоры. Данный термин позволяет подчеркнуть сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и на взаимодействии нескольких образов. Именно идея взаимодействия, с нашей точки зрения, является концептуальной базой данного понятия, которое описывает не простой синтез двух элементов, а их сосуществование, направленное на трансляцию одной концепции, одного авторского замысла.

Еще одним аргументом в пользу введения в научный оборот понятия «креолизованная метафора» является тот факт, что оно может быть использовано для описания метафорических образов, основанных на синтезе элементов других систем (не только визуальной, но и вербальной, аудиальной).

Понятие креолизованной метафоры приобретает особую актуальность при рассмотрении динамических креолизованных текстов, в которых нередко единицы звуковой системы выступают в роли важных элементов. В таких текстах процесс развития метафорического образа часто происходит сразу в двух плоскостях. Например, в музыкальном клипе развитие метафоры основывается, во-первых, на взаимодействии зрительного, слухового и вербального уровней, а во-вторых, разворачивается во времени за счет чередования кадров. Для полноценного прочтения клипа необходимо учитывать все его составляющие.

Учитывая сложную семиотическую структуру креолизованной метафоры и необходимость рассмотрения процесса метафорического моделирования в целом, считаем возможным в основу анализа положить уже устоявшуюся и общепринятую методiku описания метафорической модели, предложенную А.П. Чудиновым [Чудинов 2001].

Схему анализа креолизованной метафоры можно представить следующим образом:

- дискурсивная характеристика метафоры;
- определение сферы-мишени и сферы-источника;
- анализ структуры креолизованной метафоры, соотношение визуальной, вербальной или аудиальной частей;
- анализ частотности метафор;
- реконструирование метафорических моделей;

- оценка продуктивности выделенных моделей;
- описание функциональной направленности и прагматического потенциала креолизованной метафоры.

Таким образом, предложенная методика анализа позволяет лаконично и в то же время подробно охарактеризовать креолизованные метафоры в разного форматах дискурса. Данная методика может быть дополнена и скорректирована применительно к политическим сообщениям, экстремистским текстам, а также к текстам, реализующим конфликтотенный потенциал.

1.2. Психолингвистические методы исследования креолизованного текста

В XXI в. исследователи стали все чаще обращаться к проблеме восприятия и понимания креолизованного текста. Была предпринята попытка оспорить утверждение о том, что креолизованный текст, воспринимаемый через разные каналы передачи информации, по сравнению с текстом классическим, вербальным, обладает большей эффективностью. Целый ряд проведенных экспериментов позволил доказать, что, усваивая поликодовую информацию, человек сталкивается с серьезными затруднениями. Таким образом, ученые подняли вопрос о когнитивных затратах, связанных с восприятием составляющих креолизованных текстов, и пришли к необходимости разработки методов оценки и способов описания влияния на реципиента отдельных составляющих, что в результате привело к построению модели понимания семиотически осложненного текста [см. напр.: Сонин 2006].

Таким образом, были определены два основных направления изучения креолизованного текста в дискурсе современной психолингвистики. В рамках первого направления исследователи обратили свое внимание на компоненты креолизованного текста: были предприняты попытки определить «соотношение между объемом вербального текста и невербальных компонентов; влияние на реципиента отдельных составляющих поликодового текста или влияние вербальной информации в сравнении с влиянием невербальной; анализ отношений между вербальными и невербальными компонентами текста и пр.» [Каленых 2012: 72].

Одним из центральных стал вопрос о главенствующей роли вербального или невербального кода. С одной стороны, современные ученые единогласно принимают тот факт, что передаваемая вербально и невербально информация воспринимается по-разному [см. подр.: Бойко 2006].

Кроме того, встала проблема определения доминантной составляющей в процессе восприятия креолизованного текста. Мнения ученых разделились. Часть исследователей считает, что главенствующая роль принадлежит невербальным компонентам, которые «воспринимаются как нечто цельное с меньшим напряжением, чем вербальный текст» [Валгина 2003]. «Визуальные средства в отличие от вербальных или интеллектуальных (слово, понятие, теория) позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [Розин 2006: 26].

Однако результаты экспериментальных исследований, направленных на анализ восприятия компонентов креолизованных текстов разных жанров, кардинально противоположны. Так, с одной стороны, анализ художественных креолизованных текстов показывает, что присоединение к вербальному тексту изображения, находящегося с ним в отношении синонимии или дополнения, приводит к уменьшению эмоциональности художественного текста, снижает его информативность и убедительность [Головина 1986]. Воспринимая вербальный текст, мы приписываем ему такие характеристики, которые могут быть извлечены из самого текста, а также из нашей концептуальной системы (картины мира). Добавление же изображения накладывает ограничения на восприятие текста, сужает возможности его интерпретации.

И все же в результате анализа рекламного текста ученые доказали, что именно невербальные компоненты увеличивают возможности интерпретации текста: в данном случае, «перестройка смыслового кода направлена в сторону расширения концептуального поля» [Мощева 2007; Сонин 2006].

А в текстах научно-технических утрата невербального ряда ведет к утрате познавательной сущности всего текста. Более того, вербальный текст в таких случаях становится лишь связующим и вводящим звеном, составляет своеобразную рамку, «упаковочный материал» [Валгина 2003]. И, напротив, в научно-популярном тексте основная мысль эксплицируется в вербальной составляющей, а иллюстрации и схемы лишь дополняют текст и делают его наглядным [Христофорова 2007].

Таким образом, исследование в русле данной проблемы должно проводиться, прежде всего, с учетом стиля и жанра анализируемого креолизованного текста.

В рамках же общей теории понимания креолизованного текста важно найти компромисс: информационная емкость и прагматический потенциал креолизованного текста формируется за счет синтеза вербальных и невербальных средств текстовых компонентов. Сказанное еще раз подтверждает общепризнанное в отечественной науке положение о том, что информация, воспринимаемая по разным каналам, в том числе вербальная и иконическая, интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления [Жинкин 1982]. На уровне глубинной семантики языка не существует принципиальной разницы между семантикой вербальных и невербальных знаков.

Современными учеными были проведены нейропсихологические исследования, которые еще раз доказали, что «на уровне первичной структурной обработки когнитивные механизмы идентификации вербальной и изобразительной составляющих подобны. В обоих случаях воспринимаемая информация сначала разлагается на отдельные черты, обработка которых производится рассредоточено, но не обособлено, так как между специфическими нейронами и группами нейронов существуют многочисленные связи. Информация, генерируемая в ходе параллельной и рассредоточенной обработки отдельных черт, комбинируется в ассоциативных зонах коры больших полушарий. Полученная при этом конфигурация идет к началу следующего этапа обработки, на котором она сравнивается с теми конфигурациями, которые уже знакомы системе на основе предыдущих перцепций» [Сонин, 2006: 7]. Различия же в обработке компонентов креолизованного текста возникают лишь на втором уровне понимания, связанном с семантической репрезентацией.

Важнейшим принципом современных психолингвистических исследований является утверждение о том, что невозможно установить воздействие вербального текста без учета неязыковых средств. «Основной целью изучения функционирования реальных речевых сообщений должно быть выявление закономерностей сопряжения их вербальной и невербальной составляющих, что позволит (на основании имеющихся данных о восприятии реципиентами отдельных сторон феномена) устанавливать воздействие существующих речевых сообщений и прогнозировать воздействие планируемых актов коммуникации» [Вашунина 2007: 32].

Считаем необходимым отметить, что в рамках психолингвистического направления исследователи опираются на контекстуальный подход (в иной терминологии – дискурсивный), который указывает на необходимость учета внешнего и внутреннего контекста восприятия.

Внешний контекст можно определить как ситуативный: необходимо помнить, что для пользующегося языком человека значение слова реализуется через его включение в более объемную единицу, ситуацию [Ищук 2009]. Ряд исследователей расширяет понятие внешнего контекста, под которым они понимают не только ситуацию, способствующую осуществлению восприятия текстового произведения, но и непосредственно тело текста, особой характеристикой которого является семиотическая неомоногенность [см., напр.: Нежура 2012].

Внутренний контекст (вербальный и невербальный, осознаваемый или неосознаваемый) – это сложная система связей и отношений по линиям перцептивного, когнитивного и аффективного опыта [Залевская 2007]. Внутренний контекст конструируется из разнообразного личного опыта индивида, опирается на его переживания, оценки и мироощущение. Принципиальным и общепризнанным в рамках психолингвистических исследований является тот факт, что внешний контекст тесно связан с контекстом внутренним.

Таким образом, в центре психолингвистических исследований оказываются отношения реципиента и текста, а центральной задачей – моделирование психолингвистической модели понимания текста, которая «представляет собой набор процедур, свойственных каждому этапу рецепции, и включает в себя нейрофизиологические процессы идентификации, обработки, активации визуально-аудиальных составляющих текста и процессы формирования ментальной репрезентации содержания в концептуальной системе реципиента» [Винникова 2010].

Первоначально механизмы понимания поликодовых текстов попали в поле зрения западных ученых. Детальное обобщение мирового опыта экспериментальных исследований поликодовых текстов представлено в диссертационной работе А.Г. Сониной [2006], в которой была представлена первая российская разработка данного вопроса на примере комиксов, дидактических текстов, а также рекламы, взятой из российской периодической печати. В настоящее время исследователи разрабатывают и описывают модели понимания поликодовых текстов

для более сложных структур. В частности, в работах Т.А. Винниковой был исследован кинотекст, который не только сложнее по количеству компонентов (аудиоряд дополняет помимо визуального вербальный компонент), но и является динамическим, в отличие от статических текстов, описанных ранее.

Основным исследовательским методом в психолингвистике, как известно, является метод экспериментальный, самым же востребованным методом психолингвистических исследований креолизованного текста становится метод семантического дифференциала. Еще в 1985 г. М.А. Бережная писала, что именно «метод семантического дифференциала позволяет получить разработанную в деталях и в то же время целостную картину восприятия» [Бережная 1985], «поскольку, – как отмечает Т.А. Винникова [2010], – для него характерно выявление глубинных, неосознаваемых структур сознания индивида с использованием количественных показателей и их последующим графическим представлением». В современных исследованиях поликодовых текстов также востребованы и иные классические психолингвистические методы, в частности вербально-коммуникативный метод анкетирования, различные вариации ассоциативного эксперимента; субъективное шкалирование [см., напр.: Нежура 2012 и др.].

Одной из ведущих тенденций современного научного дискурса становится сближение лингвистики с психологией и нейрофизиологией. Психолингвистика все чаще обращается к проблеме восприятия текста в соответствии с физиологическими особенностями человеческой перцепции [Сонин 2006]. Как следствие – методы исследования определяются прагматикой порождения и использования креолизованных текстов.

Методы исследования поликодовых текстов условно можно разделить на области, характеризующие специфику обработки информации. Речь идет об а) процессе восприятия текста; б) представлениях о смысле текстовой информации.

Процесс восприятия текста изучается посредством методов, регистрирующих нейро- и психофизиологические реакции читателя. Основная идея этой области методов – описание процессов, сопряженных с восприятием текста, – имеет следствием получение двойственной информации. С одной стороны, исследователь учитывает роль нейро- и психофизиологических процессов в восприятии текста, с другой – изучает воздействие текста на психоэмоциональное состояние читателя. В первом слу-

чае они играют роль медиатора, условного звена, который усиливает либо ослабляет восприятие информации, ее обработку и интерпретацию. Во втором случае они рассматриваются в качестве независимой переменной, вариации которой говорят о понимании смысла текста и его эмоциональном переживании. В экспериментальной практике для их изучения применяется единый перечень методов.

Регистрируется электрическая активность [Булатова 2015] и характеристики функционального состояния головного мозга [Буданцев 2004], сопровождающие процессы восприятия текста. Обращение к ним раскрывает глубинные аспекты прочтения: исследователь имеет возможность понять стили восприятия и переработки информации, оценить проявление эмоциональных, рациональных составляющих стратегии чтения и отношений между ними, роль индивидуальных различий.

При измерении психофизиологических коррелят когнитивных и эмоциональных процессов и состояний исследователи регистрируют кожно-гальваническую реакцию (КГР) кожи, сердечно-сосудистые реакции и процессы дыхания [Злоказов 2011]. Их изменения свидетельствуют о когнитивной сложности текста [Самсонов 2015], эмоциональном состоянии читателя – напряжении, вызванном страхом либо, напротив, радостью [Афтанас 2004]. Использование физиологических индикаторов способствует объективному изучению психологических процессов, порождаемых чтением поликодового текста, поскольку они, как правило, не осознаются воспринимающим текст субъектом.

Большую популярность в последние годы приобретает изучение глазодвигательных реакций (eyetracking) [Айтрекинг в психологической науке и практике 2015]. Айтрекинг регистрирует несколько параметров чтения. Речь идет о движении глаз – фиксациях на областях текста, перемещении взгляда по тексту, а также параметрах глаз: диаметре зрачка, моргании и др. Это позволяет судить о психоэмоциональном состоянии, например, при возникновении стресса, эмоции страха [Злоказов 2016] в ходе чтения. Судя по окуломоторным реакциям, легко понять, какие области креолизованного текста привлекают внимание читателя, а какие остаются незамеченными, какие сложны для восприятия, а какие прочитываются легко. Косвенно зоны читательского интереса позволяют судить о его мотивах, понять, какие цели он преследует, обращаясь к тексту [Бессонова 2015].

Технические решения делают этот метод практически незаметным для читателя, что по сравнению с более консервативными процедурами регистрации нейро- и психофизиологической активности обеспечивает его преимущество.

В целом, арсенал диагностических инструментов позволяет исследователю решить ряд задач, связанных с оценкой процессов восприятия поликодового текста читателем, к примеру, определить уровень сложности текста, тип преобладающих эмоциональных переживаний, сопровождающих его прочтение.

Вторая область методов психолингвистических исследований изучает представления человека о воспринятой информации. Она базируется на парадигме «когнитивных структур» сознания и порождающих его процессах категоризации, классификации, ассоциации [Болдырев 2004]. Задача, стоящая перед исследователем, – понять, как читатель интерпретировал поликодовую информацию, воспринял ее смысл [Анисимова 1996].

Наиболее раннее воплощение этого метода (установление отношений между новой информацией и представлениями человека) – распространенные в экспериментальной практике задачи на определение понятий, установление смысловых связей между ними по признакам ассоциации, смежности, противопоставления [Брунер 1977]. К современным методам относится прием изучения представлений об окружающем мире в языковом сознании носителя. Его идея в том, что воспринимаемая информация увязывается с имеющимися у человека представлениями посредством построения ассоциативных связей [Караулов 2000].

Более поздние импликации метода снимают эту особенность, поскольку опираются на возможности количественного, преимущественно статистического анализа смежности и соотносительности репрезентации когнитивных полей креолизованного текста и читателя. В зарубежной практике эти методы широко используются начиная с середины 70-х гг. XX в. [Bourdieu 1979], в нашей стране они постепенно набирают популярность. Речь идет о процедурах кластерного и многомерно-корреспондентского анализа. Они уточняют и расширяют представление об интерпретации поликодового текста, поскольку анализируют опыт его прочтения на массиве множества лиц.

Полученные статистические модели связей, несмотря на их вероятностный характер, могут сопоставляться друг с другом по параметрам статистической значимости, устойчивости связей, доли объяснения, интерпретируемости. Применение этих

показателей повышает точность и обоснованность выводов исследователя относительно репрезентации поликодового текста. В результате полученные модели интерпретации показывают, какой именно смысл вычленяется из текста и какие характеристики текста и читателей влияют на этот процесс.

В целом отметим, что применение методов изучения восприятия и интерпретации позволяет установить широкий перечень эффектов, обусловленных процессом восприятия. Так, интерпретация текста испытуемыми может осуществляться посредством вычленения иных смысловых значений, не соответствующих замыслу автора при их кодификации в тексте, и сопровождаться соответствующими эмоциональными переживаниями, в том числе и противоположными значением текста. Анализ психофизиологических состояний субъекта при интерпретации видеофрагмента дает возможность определить предпосылки этого процесса. В целом, психолингвистический анализ расширяет и уточняет возможности прогнозирования эффектов восприятия креолизованного текста читателем.

1.3. Фоносемантический анализ как инструмент экспертизы креолизованного текста

В начале XXI в. все большее внимание исследователей привлекает проблема звучащей речи, а точнее – проблема воздействия звука на сознание человека. Особенно актуальной эта проблема становится в рамках судебной психологическо-лингвистической экспертизы, в которой нередко встает вопрос о выявлении признаков оказания психологического воздействия на сознание личности в процессе восприятия текста, в том числе текста «звучащего». Поскольку существующие методики точной диагностики такого воздействия зачастую затратны (они требуют проведения целой серии экспериментальных исследований), то для решения подобных вопросов все активнее используется фоносемантический (психофоносемантический), а в иной терминологии – текстофоносемантический анализ текста. Для проведения данного анализа в последние десятилетия было создано несколько доступных программ, позволяющих легко и быстро выполнить исследования подобного рода.

Наиболее известной и востребованной из них является «Психолингвистическая экспертная система ВААЛ – 2000», созданная в 1992 г. группой энтузиастов, объединившихся «для работ по изучению и компьютерному моделированию скрытого

воздействия текстов на человека. Одной из поставленных ими задач было предсказание эффекта воздействия на аудиторию статьи, листовки, устного выступления» [Психолингвистическая система ВААЛ: руководство пользователя].

В настоящее время система ВААЛ, как заявляют ее авторы, «позволяет прогнозировать эффект неосознаваемого воздействия текстов на массовую аудиторию, анализировать тексты с точки зрения такого воздействия, составлять тексты с заданным вектором воздействия, выявлять личностно-психологические качества авторов текста, проводить углубленный контент-анализ текстов и делать многое другое» [<http://www.vaal.ru>].

В основе предложенной программы лежит теория фоносемантического анализа, которая опирается на положение о том, что для эффективного воздействия на личность, а особенно в процессе восприятия текста на слух, важны не только и не столько логичность и аргументированность речи, сколько эмоциональное и подсознательное воздействие на слушателя.

В качестве основы разработанной автором оценки эмоционального воздействия фонетики слова и текста на подсознание человека были использованы результаты исследований А.П. Журавлева, представленные в таких трудах, как: «Фонетическое значение» [Журавлев 1974] и «Звук и смысл» [Журавлев 1981].

А.П. Журавлев выдвинул гипотезу о том, что любому звуку соответствует определенное подсознательное значение, выяснить которое можно, используя методику «семантических дифференциалов» (автор данного метода Ч. Осгуд). Таким образом, исследователь разработал список качественных характеристик каждого звука русской речи, распределив их по 23 шкалам: хороший – плохой, красивый – отталкивающий, радостный – печальный, светлый – темный, легкий – тяжелый, безопасный – страшный, добрый – злой, простой – сложный, гладкий – шероховатый, округлый – угловатый, большой – маленький, грубый – нежный, мужественный – женственный, сильный – слабый, холодный – горячий, величественный – низменный, громкий – тихий, могучий – хилый, веселый – грустный, яркий – тусклый, подвижный – медлительный, быстрый – медленный, активный – пассивный. Всем звукам русского языка в соответствии с этими шкалами соответствуют оценки, а специальные формулы позволяют на данной основе сопоставить оценки с отдельными словами и целыми текстами.

Именно эта методика положена в основу программы «Психолингвистическая экспертная система ВААЛ – 2000», в которой для оценки фоносемантического воздействия используются моно- и биполярные шкалы.

При оценке слова по монополярным шкалам каждая шкала представлена с помощью прилагательного русского языка: прекрасный, светлый, нежный, радостный, возвышенный, бодрый, яркий, сильный, стремительный, медлительный, тихий, суровый, минорный, печальный, темный, тяжелый, тоскливый, угрюмый, устрашающий, зловещий. При оценке слова по биполярным шкалам каждая шкала представлена с помощью 23 пар антонимичных прилагательных русского языка: хороший – плохой, красивый – отталкивающий, радостный – печальный, светлый – темный, легкий – тяжелый, безопасный – страшный, добрый – злой, простой – сложный, гладкий – шероховатый, округлый – угловатый, большой – маленький, грубый – нежный, мужественный – женственный, сильный – слабый, холодный – горячий, величественный – низменный, громкий – тихий, могучий – хилый, веселый – грустный, яркий – тусклый, подвижный – медлительный, быстрый – медленный, активный – пассивный.

Представим методику анализа трех песен, тексты которых реализовали три основные стратегии экстремистских текстов (группы «Циклон Б», «Коловрат», «Киборг»):

- 1) создание образа освободительной войны;
- 2) создание образа врага;
- 3) создание оппозиции по национальному/религиозному признаку.

Образ войны создается в тексте песни группы «Циклон-Б» известной под названием «Каждый день под флагом» / «Встань Русь». Основная мысль данного текста – подавление русских на русской земле:

*Каждый день под флагом смерти, /
Гибнет русская душа...
Унижение, кровь и слезы, /
Травят Русских как зверей.*

Выход из данной ситуации автор видит в протесте, войне и победе:

*Но наступят перемены, /
Русский воин: Русь в беде
Время пришло воздвигнуть наш крест, /
Наша победа – Русский протест.*

Центральный образ Русского воина поддерживается и на фоносемантическом уровне. Фоносемантический анализ текста (произведенный при помощи программы ВААЛ-мини) выявил, что при восприятии данного текста преобладают положительные оценки: мужественный, холодный, громкий, храбрый, что в полной мере соотносимо с полученными ранее результатами – ключевыми образами текстов и их оценочным потенциалом.

Однако в данном тексте не выявлены эксплицированные (вербализованные) признаки возбуждения национальной розни, не обнаружены средства умаления национального достоинства.

В свою очередь, тексты второй группы, направленные на создание образа врага, в полной мере соответствуют всем перечисленным выше признакам. Так, например, центральным образом песни группы «Киборг» под названием «Дети гор» является образ врага, чужого. Основная характеристика чужого обозначена уже в названии текста – «Дети гор». Отметим также, что в самом тексте данное выражение повторяется восемь раз, что, бесспорно, свидетельствует о его значимости в общем контексте произведения.

Выражение «дети гор» является устойчивым и имеет фиксированное значение, закрепленное в словарях. *ДИКИЙ НАРОД! ДЕТИ ГОР. Из романа «Двенадцать стульев» (1927) советских писателей Ильи Ильфа (1897–1937) и Евгения Петрова (1903–1942). Так отзываются о местных жителях туристы, путешествуя по Кавказу. Шутливо-иронический комментарий к чьим-либо странным обычаям, поступкам и т.д. [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений].* Выражение «дети гор» используется в русском языке для обозначения жителей Кавказа и имеет негативный конфликтный потенциал.

Автор использует целый арсенал языковых средств для создания негативного образа чужого, а именно: а) прилагательные с ярко выраженным негативным значением: *дефективный среди наций*; б) негативно-оценочные прилагательные: *их вонючий образ жизни*; в) инвективы, репрезентирующие неприязнь, отторжение: *эти суки здесь прижились*; г) метафорические инвективные образы: *вон отсюда, звери!, чернозадые скоты, как пиявки в жилу впелись*; д) экспрессивные этнонимы, выражающие негативную оценку по национальному признаку: *чернозадые скоты*. Все в целом служит для создания образа врага – слабого, трусливого, дефективного, дикого.

Аналогичные оценки получены и при проведении фоносемантического анализа текста. При восприятии текста у слушателя создается негативное впечатление, которое может быть представлено через следующие характеристики: хилый; слабый; низменный; трусливый; плохой; сложный; шероховатый.

В свою очередь, при оценке впечатлений от следующего текста получены одинаковые биполярные результаты (положительные и отрицательные репрезентации смысла), что, возможно, обусловлено оппозиционной организацией текста в целом.

Текст песни группы «Циклон-Б» «За Русскую Нацию» построен на национальной оппозиции *жиды – русские*.

Русские – «свои» в данном тексте – выступают в роли ущемленных: *русских грабят, травят наркотой, загоняют в гробы*. Самым сильным, действенным образом в данном ряду становится образ русских детей: *убивают русских детей*. Но есть герои, готовые бороться за *русскую нацию, бороться до конца своих дней*.

Жиды же предстают в образе «чужих», врагов, тех, кто *грабит, разоряет, убивает*. Помимо этого для характеристики образа врага авторы используют яркие инвективы: *нечисть, блядь, недомерок*.

Сама лексема *жид* является ярким примером экспрессивного этнонима, используемого не только для обозначения национального признака, но и для выражения негативной оценки ее представителей, в этом же ключе используется и лексема *хачи*.

Оппозиционность текста подтверждается и в процессе фоносемантического анализа, в ходе которого были выделены ключевые оценочные смыслы с позитивной и негативной направленностью:

Позитивный вектор	Негативный вектор
храбрый мужественный сильный	злой, страшный

При соотнесении полученных результатов с результатами семантического анализа текста мы можем сказать, что положительный вектор соответствует образу своих, образу патриотов, отрицательный же вектор направлен на поддержку образа чужих, врагов.

В заключение отметим, что звуковой символизм в современном научном дискурсе традиционно считается относительной характеристикой, а результаты фоносемантического анализа, носят, скорее, вероятностный, субъективный характер. Вследствие этого мы можем утверждать, что методики фоносемантического анализа нуждаются в дальнейшей разработке и совершенствовании.

В целом, хотелось бы отметить, что информационное пространство постоянно развивается. Эволюционируют не только тексты – расширяется репертуар способов манипуляции и средств репрезентации агрессии. Следовательно, надо совершенствовать и орудия защиты – методы экспертизы. В связи с этим исследователи должны помнить, что любой метод экспертизы должен давать однозначные ответы и быть проверяемым. В противном случае мы сами создадим орудие манипуляции, которое может быть в дальнейшем использовано с целью деструкции дискурса.

2. КРЕОЛИЗОВАННОЕ СООБЩЕНИЕ КАК ОРУДИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА: МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО РЯДА

2.1. Типы креолизованных текстов в современном экстремистском дискурсе

В настоящее время можно констатировать, что юридическая лингвистика и практика психолого-лингвистических экспертиз экстремистских текстов испытывает острую потребность в научно обоснованных критериях выявления экстремистских текстов, то есть текстов, направленных «на формирование чувств ненависти и вражды, а также унижение достоинства группы лиц по признакам происхождения, отношения к религии с использованием средств массовой информации» [<https://ukrf24.ru/statia-282-uk>].

Безусловно, для решения этой проблемы необходимо разработать методологию комплексного исследования экстремистского текста, его структуры, концептуальной базы, прагматического, воздействующего потенциала. Однако прежде необходимо провести ревизию экстремистских текстов, описать основные, самые востребованные типы текста (жанровые разновидности).

В качестве материалов для исследования нами были привлечены материалы судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертиз, рассматриваемых в рамках уголовных дел экстремистской направленности. Большая часть материалов предоставлена Центром по противодействию экстремизму Главного управления МВД России по Свердловской области.

Отметим, что используемые нами термины (экстремистский, националистический) отчасти условны, не имеют под собой юридических оснований, хотя часть исследуемых нами текстов официально признана таковыми и внесена в соответствующий список Министерства юстиции Российской Федерации (<http://minjust.ru/ru/extremist-materials>), либо создана в объединениях, деятельность которых также официально признана экстремистской (http://minjust.ru/nko/perechen_zapret).

В ходе исследования было установлено, что наиболее распространенным в современном экстремистском дискурсе становится полисемиотический тип текста. Следует отметить, что на рубеже веков в научном дискурсе значительно возрос интерес к невербальным средствам коммуникации, так назы-

ваемой «визуальной информации». Именно в это время начинает активно развиваться лингвистика семиотически осложненного, поликодового, креолизованного текста [Анисимова 2003; Большакова 2008; Ворошилова 2013 и др.].

При отборе материала мы опирались на целый ряд дискурсивных факторов. Среди основных дискурсивных признаков мы учитывали: тематическую направленность, авторство, целевую аудиторию, а также сферу распространения и др.

Материал был классифицирован по целому ряду «внешних» признаков: по форме представления, по количеству участников коммуникации, по жанровой принадлежности.

По форме представления все зафиксированные креолизованные тексты экстремистской направленности были разделены на три основные группы.

ПЕРВУЮ группу составили видеотексты, динамические тексты, в которых видеоряд преобладает или выполняет существенную роль в процессе воздействия: фильм, видеоклип, репортаж и др.

Во ВТОРУЮ группу были объединены статичные тексты, построенные на сочетании визуального и вербального ряда: политический плакат, карикатура, демотиватор и др.

В ТРЕТЬЮ группу вошли аудиотексты, при восприятии которых ведущей является звуковая сторона: песни, речевки и др.

Количественный анализ показал, что в анализируемом дискурсе преобладают тексты с ярко выраженной визуальной составляющей.

На следующем этапе исследования все тексты были разделены по видам общения (монолог, диалог и полилог) в зависимости от количества участников. Форма полилога в современном экстремистском дискурсе практически не используется, что обусловлено его пропагандистским характером.

Чаще употребляется форма монолога, но обязательной ее характеристикой является использование средств диалогизации речи (прямые обращения, вопросы и др.), что обусловлено необходимостью установления контакта с читателем, зрителем.

Диалоги же, занявшие второе место по частотности, чаще стремятся к монологичности и представляют своеобразные интервью, в ходе которых один из собеседников выполняет «служебную» функцию.

Говоря о жанрах современного экстремистского российского дискурса, мы должны отметить, что в их корпус активно

интегрируются жанры самых различных дискурсивных форматов: от «личного», бытового до научного.

Так, особую популярность в последние годы приобрел жанр научно-популярной лекции, основной целью которой являются не информативная и воспитательная (как в научном и академическом дискурсе), а манипулятивная, пропагандистская функция. Именно целевая установка жанра научно-популярной лекции на убеждение сделала его привлекательным для экстремистского дискурса. По той же причине популярен и жанр социальной рекламы, жанр функциональный и имеющий четко определенную цель – максимально воздействовать на поведенческие модели адресата [Николайшвили 2008: 14].

Из спортивного дискурса в экстремистский пришел жанр речевки, кричалки, что отчасти обусловлено тесной связью националистических и фанатских кругов. Например, в статье Т.А. Ложковой выдвигается гипотеза об активизации процесса структурно-смысловой унификации националистической и фанатской разновидностей кричалки, обусловленного внедрением жанра в современный политический дискурс [Ложкова 2015]]. Кричалки привлекают отчасти тем, что этот жанр является малым по объему информации и агональным по функции. Он содержит призывы к борьбе, что особенно востребовано в экстремистском контексте.

В последние годы все большую популярность набирает религиозный жанр проповеди, занимающий промежуточное место между информационными жанрами и жанрами агитационными, манипулятивными. Задача проповеди не только поделиться со слушателями информацией, но и получить ответную реакцию в виде заинтересованности или каких-либо действий. Аналогичную задачу ставят перед собой вербовщики – убедить слушателей мыслить и действовать определенным образом.

Особой популярностью пользуются жанры юмористические, входящие в репертуар жанров неформальной коммуникации. Анекдоты, карикатуры, демотиваторы, несомненно, играют важную роль в процессе манипуляции, они позволяют формировать необходимые взгляды, влиять на сознание и поведение людей. По мнению современных исследователей, одним из основных и грозных «орудий» неформальной политической коммуникации является юмор. Не случайно А.В. Дмитриев, говоря о значимости юмора, назвал его «пятой ветвью власти» [Дмитриев 1996].

В целом, предложенная классификация позволяет не только представить весь репертуар экстремистских креолизованных текстов, но обуславливает необходимость развития междисциплинарных разработок, привлекающих исследовательский аппарат и методы не только лингвистики текста, но и теории коммуникации, семиотики, психолингвистики и, конечно, когнитивной лингвистики. Только комплексный подход, опора на результаты научных изысканий смежных отраслей позволяют разработать инструментарий для столь сложного объекта исследования.

2.2. Смеховые (юмористические) технологии в современном экстремистском дискурсе

Одним из основных и самых действенных «орудий» современного экстремистского дискурса является смех, юмор, не случайно, говоря о значимости юмора в политическом дискурсе, А.В. Дмитриев называл его «пятой ветвью власти» [Дмитриев 1996], которая способна: «идеологически воздействовать на слушающего, дискредитировать адресата в глазах наблюдателя, осуществлять агитационное или пропагандистское действие» и т.д. [Желтухина 2000: 111–112].

Современный Интернет переполнен карикатурами, демотиваторами, юмористическими видеороликами и комиксами, направленными на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, вербующих молодых ребят в ряды современных экстремистских организаций. Именно эти средства визуализации понятны современной молодежи [Котляренко 2015: 79], именно юмор – основной способ освоения действительности юными умами, именно смех в русском национальном сознании является лучшим «единственно верным оружием со всемирным злом» [Ворошилова 2010: 111]. Вышеуказанные причины обуславливают столь высокую востребованность юмористических форм в экстремистском дискурсе.

Мы остановимся лишь на одной функции смеховой культуры, выделенной в свое время М.М. Бахтиным и востребованной современной молодежной культурой. М.М. Бахтин утверждал, что смех дает «предельную свободу и откровенность мысли и слова», «он освящает вольность вымысла ... помогает освобождению от господствующей точки зрения на мир, от всякой условности, от ходячих истин, от всего обычного, привычного, общепринятого, позволяет взглянуть на мир по-новому,

почувствовать относительность всего существующего и возможность совершенно иного миропорядка» [Бахтин 1990]. Таким образом, смех дает возможность открыто дать критическую (как правило) оценку того или иного явления, или выразить мнение как минимум идущее в разрез с официальной (цензурной) точкой зрения.

Одним из самых востребованных в современном молодежном экстремистском дискурсе становится жанр юмористической постановки. Так, например, широко известны любительские ролики общественной организации «Формат 18», которая была запрещена в сентябре 2010 г. за экстремизм, а ее лидер Марцинкевич Максим, известный как Тесак, трижды был осужден по статье 282.2 УК РФ.

Максим Марцинкевич признавал, что его ролики – постановочные, себя он называл «продюсером», «режиссером» и «творческой личностью». Среди наиболее известных комедийных постановочных роликов, которые пропагандировали ненависть к неграм и антифашистам, самыми популярными работами «режиссера» можно назвать следующие: «Тесак – Уроки террора»; «F18 Похоронное бюро “Холокост”», «Дачная история» и др.

Все видеоролики выполнены в юмористическом ключе, что не позволяет представить полноценный и однозначный семантический анализ в рамках судебной экспертизы. Данная особенность текста часто становится для него своеобразной защитой от юридических оценок. Современная практика лингвистической экспертизы не дает необходимой «свободы» и инструментария для полноценного анализа таких текстов, что и обуславливает необходимость комплексного, междисциплинарного подхода для оценки юмора в современном экстремистском дискурсе. В скобках следует заметить, что специалисты-психологи достаточно единодушно выделяют как минимум две основные функции юмора. Во-первых, юмор рассматривается как средство борьбы и сопротивления излишнему контролю. Во-вторых, юмор выполняет не менее важную функцию контроля над членами группы для поддержания групповой солидарности: шутки о «других», «чужих» подкрепляют чувство собственной идентичности внутри группы.

По мнению большинства современных исследователей, конструирование образа врага – это один из наиболее важных, значимых механизмов формирования любой социальной груп-

пы: именно «по отношению к образу внешнего врага, обычно выступающего как “Они-группа”, общество способно сплотиться и укрепить свою идентичность в виде целостной “Мы-группы”» [Белоконева 2004: 3]. Наличие адекватного образа внешнего врага повышает не только внутреннюю солидарность, но и управляемость социальной группы [Гудков 2004: 5]. В закрытых и тоталитарных группах создание и поддержание в сознании ее членов образа врага является важнейшим элементом управления. Таким образом, настойчиво формируемый образ врага становится мощнейшим орудием манипуляции, пропагандистским мифом: известный феномен сплочения перед лицом угрозы является весьма эффективным для любой социальной общности. Этот прием часто используют лидеры экстремистских организаций для сохранения внутригруппового единства [Экстремистский текст и деструктивная личность: 123–129].

Еще раз подчеркнем, что ключевой особенностью, классифицирующим признаком экстремистского текста является оппозиционность и наличие образа врага, который обладает ярко выраженными национальными, расовыми и религиозными чертами. Сказанное позволяет данному образу служить эффективным средством возбуждения национальной, расовой и религиозной ненависти. Зачастую образ врага создается посредством юмористических технологий, направленных на его дискредитацию.

В современном экстремистском дискурсе используются жанровые разновидности юмористических постановок, выполняющих обе функции. Например, известный постановочный любительский видеоролик «Бабушка» представляет собой юмористическую зарисовку, основная проблема которой – вытеснение русских с рынков. Именно национальный признак лежит в основе конфликта: «Так там же одни азербайджанцы. А я обманывать не умею. Переваживать не могу».

Цель автора данного текста не только обозначить названную проблему, но и создать негативный национальный стереотип, для чего в тексте используются классические приемы убеждения, манипуляции, например, конкретизация способов обмана: «Бабуль, так я вас научу. Вы будете из шприцов в арбузы впрыскивать сахар, будете гнилушки продавать, будете обсчитывать, обманывать. Научитесь, ну что вы, в самом деле, ба?».

Выход из данной ситуации авторы видят в смене оценочного вектора: выгнать нужно не русских, а азербайджанцев, и не только с рынков, но и из России. Помимо этого выход из кон-

фликта дается в форме скрытого призыва: «может лучше от***ить и выгнать из Москвы». Данная форма призыва не предполагает использования традиционных побудительных форм глаголов – она основана на презентации конкретной модели поведения, точную программу действия.

Манипулятивный потенциал упомянутого выше высказывания поддерживается и на визуальном уровне, который иллюстрирует реализацию обозначенной автором программы действия (сцена избиения). Подчеркнем, что высказывание содержит призыв именно к насильственным действиям (что подтверждается и на визуальном уровне), причем выраженный в грубой, оскорбительной форме. Авторы используют обценную лексику (мат), которая в данном тексте выполняет функцию инвективы, используется, чтобы «унизить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» [Базылев, Бельчиков и др. 1998)].

Итак, ключевыми функциями юмора в современном экстремистском дискурсе становятся деструктивная и отчуждающая функции, направленные на разрушение социальных связей в обществе и формирование новых, основанных на антогонизме, а также на отказ от представлений наших предков, на формирование новых социальных групп и уничтожение противников.

В настоящее время необходимо не только провести ревизию используемых юмористических технологий в экстремистском дискурсе, но и найти адекватное орудие для их оценки, которое будет иметь юридическую силу.

2.3. Граффити как орудие националистического дискурса: тема-рематический, структурный и семиотический анализ

В современном обществе все более популярным становится такой вид креолизованного сообщения, как граффити, к сожалению, недостаточно изученный российскими исследователями. Причин тому несколько. Во-первых, это традиционный «литературоцентристский» подход, при котором «литературный язык рассматривается как безусловно высшая форма существования языка, ему приписываются свойства универсальности, якобы делающие ненужными другие варианты русской речи» [Гольдин 2000: 78]. В свою очередь, вербальная составляющая граффити широко использует нелитературные формы национального языка.

Во-вторых, граффити в нашем обществе зачастую воспринимается лишь с нормативно-эстетической точки зрения: как порча имущества, вредительство, а не как один из элементов массовой культуры. В-третьих, сложная семиотическая природа текста граффити ставит в тупик современных ученых, не имеющих до сих пор специального инструментария его анализа.

В свою очередь, мы уверены, что данный тип текста заслуживает внимания как один из жанров естественной письменной речи (термин Н.Б. Лебедевой) [Лебедева 2001], а актуальность исследования граффити обусловлена, прежде всего, нарастающим интересом лингвистов к «изучению различных сторон “живой” коммуникации и коммуникантов» [Кубрякова 1995].

Необходимо все же отметить, что в современном научном дискурсе предпринимались попытки анализа граффити в рамках культурологии [Плуцер-Сарно 2008; Лурье 2001], социологии [Скороходова 1999], психологии [Димке, Боярских 2001], этнографии [Медынцева 1978], фольклористики [Кон 1999] и собственно лингвистики [Демин 2001; Лебедева 2001; Шелепов 2000, Ларионова, 2011 и др.], однако целостное «прочтение» семиотически сложного, креолизованного текста граффити является в настоящее время лишь перспективой для исследователей.

Можно выделить два отличительных признака граффити – во-первых, это рисунок или надпись, а часто и рисунок, и надпись; во-вторых, выполненные на поверхности, которая для этого не предназначена (в Большом толковом словаре русского языка граффити определяется как надпись на стенах здания, сделанная от руки) («Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова 2014).

Мы рассматриваем граффити («надписи на стенах зданий, сделанные от руки») как креолизованный текст, то есть «текст, обладающий сложной формой, основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем [подр. см.: Ворошилова 2013]. Основными элементами креолизованного текста граффити являются визуальные и вербальные символы. Часто преобладают именно визуальные элементы, которые выполняют ведущую функцию. Нередко они выступают своеобразными дубликатами вербального уровня, поэтому считаем необходимым при анализе текста граффити учитывать все его элементы в их взаимосвязи, используя междисциплинарный подход.

При анализе граффити как явления субкультурного следует отметить важность использования дискурсивного подхода.

Как отмечает Н.И. Тюкаева, «основная социологическая детерминанта граффити – ее субкультурная соотнесенность. В рамках связей культуры всегда существуют обособленные частные образования, выражающие потребности, стиль жизни определенных социальных групп и слоев населения, имеющие собственные ценностные критерии, обычаи, нормы поведения в рамках этого социума. Подобные образования принято называть субкультурами» [Тюкаева 2005].

Зачастую граффити связаны с «оппозиционной» субкультурой: они могут служить неким индикатором политической активности, а нередко являются и средством выражения политической позиции. Такие граффити можно обозначить как политические. Политические граффити особенно популярны среди группировок, исключенных из установленной политической системы, например, националистических, экстремистских.

В последние годы на стенах школ и домов мы все чаще видим не только обценную лексику, но и разнобразную символику, в том числе – символику различных субкультур, проповедующих идеи национализма: рядом со знаменитым словом из трех букв появился не менее знаменитый символ – свастика, «вращающийся» круг с загнутыми под прямым углом концами.

Примером могут служить граффити «звезды правого стрит-арта», известного в широких кругах художника Умки, администратора крупнейшего сообщества граффитистов из числа радикальных националистов SAWB, основной целью творчества которого является пропаганда запрещенной в России идеологии национализма.

Традиционный жанр граффити, воспринимаемый зачастую как «надпись на заборе», сложно отнести к юмористическому жанру, это скорее лозунг, нежели шутка. Действительно, граффити прекрасный и действенный инструмент агитации. Но Умке удалось соединить в этом жанре черты пропагандистского и юмористического сообщения. Само его имя построено на языковой игре: Умка – *белый* мишка (борец за *белую* расу). Уличные творения Умки базируются, прежде всего, на игровых техниках и приемах.

Ведущим приемом в творчестве Умки является обыгрывание многозначности и омонимии русских слов. Именно этот прием он использует при выборе псевдонима: мультяшный добрый мишка волей случая или с легкой руки автора становится орудием пропаганды.

Известное граффити 2013 г. «Весна красна» (в качестве названия граффити здесь и далее мы используем его основной вербальный компонент) также построено на обыгрывании многозначности: на вербальном уровне актуализируется традиционный смысл этой фразы (красна – значит красива), но на визуальном уровне красна – связывается с цветом крови. Основными визуальными образами становятся кровь и нож, воткнутый в глаз человека «кавказской внешности». Таким образом, безобидная и даже добрая фраза становится своеобразным скрытым призывом, который реализуется с помощью приема визуализации программы действия.

Годом ранее автор создал граффити «Миф о русской терпимости», где центральным визуальным образом стал логотип стирального порошка «Миф». Таким способом автору удалось, с одной стороны, заявить о том, что русской терпимости не существует, это лишь миф, то есть «оторванное от действительности изложение каких-л. событий, фактов, основанное на их не критическом, ошибочном истолковании» [Кузнецов 2014], а с другой – еще раз сказать о чистоте расы, о пресловутой «белизне».

Считаем важным, еще раз подчеркнуть тот факт, что автор в подавляющем большинстве своих творений использует мультяшные, детские образы: это любимый всеми Умка, Дед Мороз, печка и умывальник. Даже рекламный образ порошка «Миф» отсылает нас к образу страшного «Великого умывальника, знаменитого Мойдодыра, умывальников начальника и мочалок командира!».

Остальные же используемые Умкой прецедентные рекламные образы также связаны с детьми и подростками. Например, на граффити «Не тормози. Сникерсни» милый белый медвежонок на катке давит три фигуры в черных чадрах. Сочетание повелительной формы глаголов («не тормози, сникерсни») и визуальной программы действий становится залогом успешности и эффективности призыва, заложенного автором в основу своего творения.

Интересны и примеры визуальной многозначности. Например, центральным образом граффити «Добавленное время» становится широко известный в националистических кругах числовой символ 14:88, изображенный как время на электронных часах.

Отметим, что Умка открыто и активно использует «излюбленную» символику современного молодежного национали-

стического дискурса. Самыми частотными в его творчестве стали уже упомянутый 14:88 и кельтский крест (с 80-х годов XX в. кельтский крест используется в качестве символа неонацизма и национал-социалистических скинхедов).

В первую очередь внимание на данные символы обратили правоохранительные органы, поэтому и первые лингвистические исследования националистических граффити выполнялись в рамках экспертных заключений, основной задачей которых было выделить и классифицировать основные элементы данного типа текстов. Было отмечено, что основными элементами националистических граффити являются: нацистская символика и символика сходная с ней (свастика, символ СС и др.), символика националистических организаций (например, кельтский крест) и националистические лозунги (Россия для русских, Власть белым и др.). Именно характеристика и классификация данных элементов с точки зрения их «дозволенности (запрещенности)» были ядром экспертных работ в начальный период исследования граффити.

Однако исследователи часто игнорировали целостность граффити, забывая о его жанровой и прагматической специфике, в том числе – о коммуникативной цели автора. В поисках инструментария для адекватного комплексного анализа текста граффити мы обратились к теории актуального членения, разработанной в трудах Пражского лингвистического кружка еще в 1930-е гг. для описания функциональных компонентов повествовательного предложения и активно используемой в настоящее время в рамках различных направлений лингвистической прагматики.

Наше обращение к теории актуального членения обусловлено тремя особенностями граффити.

Во-первых, мы рассматриваем граффити как целостное и законченное сообщение, а значит, мы можем считать его своеобразной формой высказывания.

Во-вторых, мы считаем граффити не только цельно-оформленной, но и функциональной единицей, имеющей коммуникативную предназначенность.

В-третьих, граффити, бесспорно, единица дискурсивная, которая вне контекста не может быть адекватно интерпретирована.

Следовательно, мы можем утверждать, что именно теория актуального членения позволяет найти адекватный способ анализа граффити как целостного функционального и дискурсивно обусловленного сообщения.

В основе предложенной нами методики анализа лежит традиционное выделение в структуре высказывания темы и ремы. В качестве примера для анализа нами были выбраны граффити, зафиксированные на угловой стене одной из школ Екатеринбурга. Граффити состоит условно из пяти элементов, все элементы выполнены в единой манере, одним и тем же материалом (черной краской) и одновременно, а также объединены общей темой, что и позволило нам рассматривать их как единое высказывание.

В структуре анализируемых граффити были зафиксированы следующие элементы: 1) нацистская символика; 2) националистическая символика; 3) прецедентные националистические высказывания.

К первой группе «Нацистская символика» были отнесены такие символы, как свастика и вольфсангель. Свастика, будучи древним солярным символом, в XX в. получила известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и в современном мире стала устойчиво ассоциироваться именно с гитлеровским режимом и нацистской идеологией. Вольфсангель, также известный как «Волчий крюк», был эмблемой 2-й танковой дивизии СС нацистской Германией «Дас Райх», а в настоящее время часто используется современными неонацистами.

Именно эта группа составляет тематическую основу граффити, так как репрезентирует уже известную в данной субкультуре информацию (тему), понятную адресату. Принципиально важным является для нас тот факт, что тема служит связующим звеном высказывания с общим дискурсивным контекстом. Данные символы не только определяют отправную точку информации, но и выполняют функцию некоего «идентификатора», определяющего тип дискурса и адресата, – граффити адресованы не всем, а только «своим».

Вторая группа (националистическая символика) представляет ядро высказывания, то есть ремы. Единственным элементом данной группы является надпись со ссылкой на украинскую группировку – полк «Азов». Данная надпись использована вкупе с двойственным символом «крюк», который, с одной стороны, отсылает нас к немецкой Германии, а с другой стороны, является центральным символом названной выше организации.

«Центральной фигурой эмблемы “Азова” является один из наиболее употребляемых в украинской военной традиции символов. Так называемый знак “Крюк” был чрезвычайно популярен среди волынской шляхты и казачьих родов. В современ-

ной интерпретации патриотов Украины он является монограммой, пересечением двух букв I и N, которые символизируют центральный лозунг – «Идея Нации». Буква N имеет в монограмме староукраинское написание (именно так писали ее в древнерусских и козацких документах до реформы правописания времен Петра)» [см. подр.: Военная нашивка 1997: 113].

Таким образом, обращение к современным событиям является новой информацией, ранее неизвестной адресату, и реализует коммуникативную цель высказывания. Именно событиям на Украине посвящены анализируемые граффити; так, украинской полк «Азов» получает статус «своих» в современном российском националистическом движении.

Не менее важную функцию выполняет третья группа элементов – «прецедентные националистические высказывания».

В представленных материалах были зафиксированы четыре прецедентные фразы, активно используемые в современном молодежном националистическом дискурсе. «Идея без дела мертва» представляет собой трансформированную библейскую цитату «Вера без дела мертва». В Новом Завете, в Послании апостола Иакова (гл. 2, ст. 26), сказано: «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва». В современном националистическом дискурсе данная фраза часто используется как лозунг-призыв, требующий конкретных действий, нередко агрессивных. Вторая фраза «Быть воином – значит жить вечно» также используется как призыв, хотя и выраженный косвенно через оправдание. Третья фраза «Welcome to RAGNAROK» вновь отсылает к идеологии Третьего рейха, к увлечению германско-скандинавской мифологией, где рагнарек означает гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами. На это указывает также использование руны жизни и руны смерти. Данная фраза в современном националистическом дискурсе чаще выполняет функцию угрозы: наша очистительная война станет неким концом света для наших врагов. Четвертая фраза «белый род» напрямую отсылает нас к националистическим идеям, в основе которых лежит идея о высшей белой расе и о необходимости сохранения ее чистоты, что, в свою очередь, вновь возвращает нас к истокам нацизма.

Все фразы, бесспорно, являются прецедентными, так как используются как самостоятельные единицы, являются символами, знаками субкультуры и идеологии, в данном случае националистической. Особо отметим, что все изображения выпол-

нены в прямолинейной, «рубленой» манере написания графем, что отсылает нас к скандинавским руническим символам, а также к готическому письму (рунические символы в наше время стали своеобразным «почерком», символом как нацизма, так и современных националистических идеологий).

Третья группа в актуальном членении анализируемого граффити выполняет связующую функцию перехода, то есть элемента, который нельзя отнести ни к составу темы, ни к составу ремы. С одной стороны, данные элементы являются для адресата граффити уже известной информацией, с другой стороны – они указывают направление развития информации от темы и ремы, устанавливают связь между данными отношениями. В лингвистике «статус перехода обычно принадлежит к предложению личному глаголу» [Смирнов 2011]. Именно функцию глагола в рамках призыва выполняют выделенные нами прецедентные высказывания (три из четырех).

Таким образом, мы можем интерпретировать представленные граффити как призыв воевать, призыв поддержать полк «Азов». Этот вывод был подтвержден в ходе бесед с потенциальными адресатами граффити.

В заключение отметим, что предложенный нами подход к анализу граффити, бесспорно, требует дальнейшей апробации, но полученные уже на этом этапе исследования результаты кажутся нам убедительными и намечают перспективы развития предложенных методик анализа.

2.4. Националистическая кричалка: к вопросу об идентификации жанра (предметно-смысловое содержание)

В оппозиционном крыле российского современного политического дискурса все большую популярность получает такой жанр, как кричалка, что обусловлено, в первую очередь, развитием протестного движения в России и его «выходом на улицу». За последние несколько лет были проведены сотни уличных акций, часть из которых, бесспорно, вошли в историю: Болотная, Русский марш и др.

Жанр кричалки особенно популярен в молодежном националистическом дискурсе. Нами были рассмотрены 54 кричалки, используемые на Русских маршах в Екатеринбурге и Москве в 2013–2014 гг. и зафиксированные на видеоносителях, а также кричалки, обсуждаемые на форумах при подготовке к этим мероприятиям.

История развития данного жанра на данный момент не изучена, но существует две основные теории его зарождения и, главное, возрождения в XXI в. Во-первых, теория коллективных криков – «колкриков», получившая свое развитие в 20-е гг. прошлого века в рамках пионерского движения [см. подр.: Леонтьева 2006]. Бесспорно, современным кричалкам предшествовали официальные лозунги, звучавшие на демонстрациях трудящихся во время Первоя и Октября, и речевки, скандируемые пионерами. А вот активное распространение спортивных кричалок, по мнению ряда исследователей [напр., Громов 2008], не обошлось без западного влияния, так азываемого «черлидинга».

Мы будем использовать термин «кричалка» (а не речевка), что обусловлено его распространенностью в молодежной среде (в первую очередь, в среде спортивных болельщиков). Именно эта аудитория зачастую является ядром современного российского националистического движения.

В центре исследования оказались основные жанровые признаки националистической кричалки. Отметим условность нашего определения: прилагательное «националистическая» напрямую не указывает ни на идеологическую основу, ни на юридический статус, а лишь подтверждает отнесенность к конкретному дискурсу – молодежному националистическому дискурсивному формату. Представим методику анализа жанра кричалки.

На первом этапе исследования мы постарались определить место националистической кричалки в системе жанров современного политического дискурса, где согласно классификации жанров, представленной в учебном пособии по современной политической коммуникации [Чудинов 2009: 31], данный жанр является малым по объему информации и агональным по функции, то есть содержащим призывы к борьбе. Но данная функция не является единственной. Представим основные функции националистической кричалки в виде треугольника, в основании которого лежат две функции. С одной стороны, кричалки, исполняемые коллективно, совместно, являются сильным сплывающим фактором, детерминирующим единение с группой [Громов 2008].

С другой стороны, кричалки используются как деморализующее средство, призванное напугать врага. Организаторы Русского марша зачастую добиваются «очного присутствия врага» на мероприятии. Так, в Екатеринбурге Русский марш в 2014 г. проводили на Уралмаше, а местом сбора был Уралма-

шевский рынок – одно из основных мест работы мигрантов. В официальной же версии Уралмаш был выбран как район, отдаленный от центра.

Схематически представим три основные функции националистической кричалки: объединяющую, деморализующую, агональную.

На следующем этапе исследования мы обратились к структурным компонентам жанра националистической кричалки. За основу исследования мы взяли модель анализа жанра, представленную в работе Н.А. Гулиева, Н.Б. Руженцевой «Газетно-журнальные жанровые разновидности как форма связей с общественностью: политический и рекламный дискурс». Предложенная авторами модель, с одной стороны, опирается на крупнейшие, классические исследования теории жанра, с другой стороны, акцентирует «те структурные компоненты, которые имеют максимальный коммуникативно-прагматический потенциал» [Гулиев, Руженцева 2003], что, бесспорно, актуально для агонального жанра националистической кричалки.

Структура модели анализа жанра в данной работе представлена следующим образом.

А. В содержательно-формальной организации текста выделяются:

- предметно-смысловое содержание;
- структура (композиция);
- стилевое оформление.

Б. В коммуникативно-прагматической организации текста выделяются:

- *с позиции порождения речи:
- автор текста;

- средства контакта между автором и адресатом;
- средства трансляции точки зрения автора, в том числе логическая и паралогическая аргументация;
- *с позиции восприятия речи:
 - адресат текста;
 - ассоциации, возникающие в сознании читателя – при рецепции текста [Гулиев, Руженцева 2003].

Мы сконцентрировались на первом компоненте – предметно-смысловом содержании, – который позволит нам установить связь с националистическим дискурсом.

Смысловым ядром националистических кричалок является тема противостояния/войны. В ходе анализа предметно-смыслового содержания националистических кричалок нами были выделены семь основных тематических доминант:

1. Русский – хозяин.
2. Национальное единство / единство русских – сила.
3. Историческая память / национальная память.
4. Здоровый образ жизни.
5. Геноцид русских.
6. Русские победители.
7. Бездействие властей.

Анализируя частотность обращения к данным темам, мы должны отметить, что самой востребованной является тема «Русский – хозяин». Обращение к данной теме зафиксировано во всех анализируемых видеоматериалах и в 22 кричалках из 54 исследуемых, ср.:

*(1) От Москвы до самых до окраин
 Русский раньше был хозяин...
 Бог дал нам эту землю, и мы ее хозяева...*

В ходе проведенного контент-анализа мы отметили, что ядро ключевых/частотных слов (16 %) составили лексемы: *рус-ская, русские, Россия*.

Подчеркнем, что в жанре националистической кричалки как в малом жанре зачастую реализуется только одна тема, но всегда есть определенный общий сценарий, задающий порядок произнесения кричалок, который и обуславливает развитие темы. Анализируя видеозаписи Русского марша, мы определили три вектора развития темы:

1. Создание образа Русской земли, которой грозит опасность / которая поработана, захвачена → создание образа врага → призыв к борьбе.

2. Создание образа врага → создание образа Русского воина, защитника → вера в победу / призыв к борьбе.

3. Создание образа Русской земли → обращение к исторической памяти → призыв к борьбе.

Полученные результаты еще раз подтверждают агональность жанра кричалки, основная функция которого – призыв к борьбе (зафиксирован в 12 кричалках из 54).

Милитарная/военная тематика в полном объеме реализуется и на концептуальном уровне, так как базовой и единственной метафорой, зафиксированной нами в ходе анализа, была именно милитарная метафора, причем отмечена она была в 14 кричалках из 54. Это составило чуть более 25 % от общего количества, а большая часть (8 из 14) представлена образами оккупации, ср.:

*(2) Свободу русской нации,
Освободимся от оккупации!*

Образ врага в кричалках зачастую представлен как собиравательный – это образ бездействующей власти и образ чужих. Создавая образ врага, авторы используют не только милитарные метафоры с ярко выраженным агрессивно-прагматическим потенциалом, но и иные тактики дискредитации, связывая, например, образ мигрантов с социальным злом, причиной социального неблагополучия, ср.:

(3) Нет наркоте! Нет иммиграции!

В заключение хотелось бы сказать о том, что предложенная методика анализа позволила доказать отнесенность данного малого жанра к националистическому дискурсу и эксплицировать его тематические доминанты. И все же жанр националистической кричалки еще только ждет своего описания, так как, будучи жанром специфическим (а именно синтетическим, креолизованным), он требует к себе особого подхода, особого инструментария, сочетающего методы исследования разных семиотических рядов, и прежде всего – вербального и акустического.

2.5. Спортивный экстремизм: к проблеме жанровой характеристики кричалки в дискурсе футбольных фанатов

Изначально спорт возник как сублимация войны и далее развивался как форма замены агрессивных, экстремистских инстинктов человечества. Футбол – спорт номер один во всем мире,

и именно на футбольных полях разыгрываются нешуточные баталии. Однако они нередко выходят за рамки футбольного поля и переносятся на трибуны. К сожалению, именно российские фанаты известны во всем мире своим агрессивным поведением, нередко граничащим с национализмом, экстремизмом. В скобках заметим, что в мировых рейтингах мы стабильно входим в десятку самых агрессивных футбольных фанатов, что еще раз подтвердили во Франции летом 2016 г.

В последнее время в научном дискурсе все чаще поднимается проблема криминализации субкультур футбольных фанатов [Мейтин 2003; Кубякин 2009; Якуба 2014]. Исследователи отмечают, что субкультуре футбольных фанатов свойственно:

1) постоянная демонстрация пренебрежения к нормам общепринятого поведения (сквернословие, употребление алкоголя, вызывающее поведение и др.);

2) систематическое проявление агрессии и грубости;

3) готовность к совершению противоправных действий;

4) расистская и националистическая идеология;

5) культивирование вражды между фанатскими группировками, поддерживающими разные клубы [см. подр.: Кубякин 2009; Мейтин 2003].

В правовой (юридический) дискурсе введено понятие «спортивный экстремизм», под которым понимаются «экстремистские действия спортивных фанатов, акции вандализма на стадионах, избиение спортсменов и болельщиков, массовые драки между фанатами конкурирующих спортивных клубов» [Иншаков 2002: 335].

Сказанное детерминирует необходимость особого внимания к фанатскому дискурсу (настроению и настрою его членов, текстам, бытующим в нем).

В ходе футбольного матча нередко демонстрируются баннеры, плакаты с оскорбительными, нередко экстремистскими лозунгами; с фанатских трибун звучат агрессивные речевки (кричалки). Как отмечают специалисты, «в ходе спортивно-массовых мероприятий экстремистские проявления со стороны болельщиков могут найти внешнее выражение в оскорбительных выкриках (например, групповом скандировании расистских речевок), жестах, групповых повторяющихся телодвижениях, использовании плакатов (баннеров) с надписями и символами экстремистского характера, надписях и символах на лице и оголенных частях тела активных болельщиков. Спортивные меро-

приятия, как правило, широко освещаются средствами массовой информации, что значительно расширяет аудиторию лиц, испытывающих негативное воздействие проявлений экстремистской направленности» [Халиуллина 2012].

Важно отметить, что первой жертвой негативного воздействия проявления экстремистской направленности футбольных фанатов становится молодежь. Уже при первом знакомстве с субкультурой молодой человек «увлекается “внешним”, символическим, романтизированным срезом криминальной культуры, усваивает и осваивает лингвистический аппарат, символическую составляющую, элементы художественной культуры» [Кубякин 2009].

Это отразилось и в специфических для данного дискурса текстах, выполняющих важную аксиологическую функцию, – фанатских кричалках. Представим основные принципы и подходы к междисциплинарному изучению данных текстов.

В современном научном российском дискурсе феномен кричалки описывается зачастую как фольклорный жанр (Строганов 2014; Фатеев 2012 и др.) в аспекте его связей с традиционными обрядовыми архетипами. Кричалка – это элемент ритуала, обеспечивающего магическую поддержку состязания.

В современной ситуации актуальным считается и подход к жанру футбольной кричалки как к рупору субкультурной группы [Громов 2008]. Одна из основных функций данного жанра – выражение позиции группы по вопросам, нередко выходящим далеко за рамки собственно спортивной реальности. Мы полностью разделяем мнение Г.В. Жаркова о том, что фанатский фольклор в настоящее время активно использует политизированную риторику, несмотря на то что данная субкультура формально находится вне политики [Жарков 2015: 174].

Однако решить поставленную задачу можно только выполнив комплексное исследование, привлекая методы культурологии, антропологии, социологии, политологии, психологии и филологии. Только такой подход позволит представить наиболее полную и емкую модель футбольного фанатского дискурса, а дискурсивность должна стать одним из ключевых исследовательских принципов. Необходимо выявить механизмы взаимодействия словесных форм, бытующих в среде замкнутой субкультуры, с широкими дискурсивными процессами (культурная программа, степень напряженности, политизация и др.). Это

позволяет увидеть процесс выстраивания системы внутридискурсивных связей и установить взаимосвязь данного дискурса с государством, культурой.

Комплексный подход должен быть применен и к текстовому массиву, что обусловлено поликодовой, синкретичной формой жанра фанатской кричалки, исследование которой не должно ограничиваться даже многоаспектным анализом вербального уровня. Дело в том, что кричалка – это не только ритмизированный текст, это «ритуал», в котором важную смысловую функцию выполняют звуковое, визуальное и жестовое сопровождение. Значима также сама ситуация исполнения кричалки, причем нередко экстремальная.

Важную роль в анализируемом дискурсе играют и специальные символы футбольных фанатов. Так, атрибутика футбольного клуба «Урал» не раз попадала в поле зрения правоохранительных органов в связи с открытой демонстрацией нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики экстремистских организаций. «Оранжевые шмели» в своей атрибутике используют как изображение кельтского креста, известного символа экстремистских организаций прошлого века, так и образы флагов кораблей и судов ВМС Германии 1938–1945 гг.

Важным этапом исследования должно стать моделирование жанра фанатской кричалки. За основу считаем возможным взять модель анализа жанра, описанную в работе Н.А. Гулиева и Н.Б. Руженцевой «Газетно-журнальные жанровые разновидности как форма связей с общественностью: политический и рекламный дискурс».

Базу жанрового анализа составляют два основных направления: 1) содержательно-формальная организация текста (предметно-смысловое содержание; структура (композиция); стилевое оформление); 2) коммуникативно-прагматическая организация текста (с позиции порождения речи и позиции ее восприятия [Гулиев, Руженцева 2006]).

При проведении жанрового анализа важным этапом станет определение функций, от которых будет зависеть и содержание и подача/исполнение фанатской кричалки. Основными функциями текстов данного жанра являются объединяющая и деморализующая. В зависимости от выполняемой функции исследователи выделяют два типа кричалок: заряды, призванные поднять дух «своих» игроков, и собственно кричалки/речевки, главная цель которых – деморализовать «чужих».

Таким образом, жанр фанатской кричалки еще только ждет своего описания. Будучи жанром специфическим (синтетическим, креолизованным), он требует к себе особого подхода, особого инструментария. Предложенный нами комплексный подход к анализу позволит доказать отнесенность данного малого жанра к субкультуре, выявить его тематические и функциональные доминанты, а в целом – идентифицировать жанровую разновидность, получающую в настоящее время все большее распространение.

В заключение главы надо подчеркнуть, что в ней мы представили комплексную характеристику текстов экстремистского дискурса, особое внимание уделив новым, ранее не описанным жанрам – граффити, кричалкам. Репертуар жанров, соотносимый с форматом дискурса, постоянно расширяется, а дело исследователей – искать адекватные методы и методики их анализа.

3. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ АТРИБУТИКА И СИМВОЛИКА В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ

В современной России все чаще звучат националистические призывы, все чаще мы видим свастику на стенах наших домов. Особенно популярна нацистская атрибутика и символика в молодежной среде, где она зачастую становится орудием вербовки молодых, сильных парней в ряды современных националистов.

Сознавая важность постановки и решения данной проблемы, мы до сих пор не владем реальным способом защиты, в том числе юридической. Несмотря на то что «в Российской Федерации запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» [ФЗ № 80 от 19 мая 1995 г.], а «пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» признано экстремистской деятельностью [ФЗ № 114 от 25 июля 2002 г.], в юридической практике понятия «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» носят всего лишь оценочный характер.

С понятием «нацистская атрибутика и символика» есть хотя бы частичная определенность. Традиционно принято, что нацистская атрибутика и символика может включать в себя знамена, значки, атрибуты униформы, иные отличительные знаки, приветствия и приветственные жесты, использовавшиеся организациями, признанными Нюрнбергским международным трибуналом преступными.

В частности, в комментариях к статье 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики» Кодекса РФ об административных правонарушениях приведен список таковых символов:

«Под нацистской (фашистской) символикой в комментируемой статье понимается совокупность фашистских символов, среди них государственная символика: государственный флаг и государственный гимн фашистской Италии и нацистской Гер-

мании, военная символика войск СС, прежде всего, знаки воинского различия подразделений СС, как правило, укомплектованных членами Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), добровольцами – адептами идеологии национал-социализма.

К нацистской (фашистской) символике относятся:

– эмблема НСДАП, знамя (флаги, штандарты), бланк, плакаты, листовки НСДАП и сопутствующая символика (френчи, фуражки, нарукавные знаки, пряжки, другие детали экипировки руководителей НСДАП), эмблема и штандарты СА (Sturmabteilung, SA) – штурмовых отрядов, военизированных подразделений НСДАП;

– эмблема, флаги, штандарты и другая символика фашистской организации бывших ветеранов национальной войны – «Союз ветеранов» (Fasci di Combattimento), Национальной фашистской партии Италии (Partito Nazionale Fascista), Фашистской республиканской партии Италии (Partito Fascista Repubblicano);

– символика СС (Schutzstaffeln, SS) (нарукавные знаки, эмблемы и т.п.), охранных военизированных подразделений НСДАП, в том числе символика воинских подразделений СС, непосредственно участвовавших в боевых действиях (фуражки, полевые кепи, нарукавные нашивки, петлицы, кинжалы, прочие детали униформы), а также символика структурных подразделений СС, например знаки отличия службы безопасности СД (Sicherheitsdienst, SD);

– символика гестапо (Geheime Staatspolizei, Gestapo) – тайной государственной полиции (эмблема, жетоны сотрудников гестапо и т.п.)» [<http://kodeks-ob-admin-pravonarusheniyah.com/statya-20-3-propaganda-i-publichnoe-demonstrirovanie-nacistskoj-atributiki-ili-simvoliki/>].

В этом же комментарии сказано, что есть ряд символов, связанных в сознании современного человека с фашистской Германией и ее армией, однако отнесение данных образов к фашистской символике «во всяком случае, оспоримо: в соответствии с решениями Международного военного трибунала в Нюрнберге к преступным организациям были отнесены руководящий состав НСДАП, СС, СД и гестапо» [Там же].

Таким образом, мы видим, что в центре внимания юристов оказались только символы, связанные с фашистской Германией. Однако вне поля зрения остались символы иных на-

ционалистических мировых организацией, не менее агрессивных и опасных, а главное – не менее популярных среди современных националистов.

В ходе пятилетнего сотрудничества с Центром по противодействию экстремизму по Свердловской области нами были собраны наиболее частотные националистические символы и атрибуты, востребованные в молодежном экстремистском дискурсе и используемые в текстах, направленных как на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, так и на «вербовку» новых «белых воинов».

Со своей стороны мы предлагаем использовать понятие «националистический» (то есть относящийся к национализму, к идеологии, восходящей к идеям национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющим общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам) в юридическом значении – «атрибутика или символика, сходная с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения». Многочисленные психолингвистические эксперименты показали, что в сознании современной молодежи данные символы имеют единое ассоциативное поле (агрессия, ксенофобия, нацизм, фашизм и др.) и больше связаны с понятием национализма, нежели с нацизмом в его конкретном проявлении.

Наиболее частотными были признаны символы, встречающиеся более 50 раз и повторяемые в нескольких вариантах и в различных контекстах. Все выделенные символы были нами разделены на следующие группы (данный список не является исчерпывающим, мы приводим только самую востребованную символику).

1. Графическая символика.

В данной группе чаще всего используются символы различных националистических организаций. Среди символов с мировым именем выделяется, прежде всего, кельтский крест – символ White Power – движения белых расистов и НС-скинхедов.

Среди российских преобладают символы запрещенных, признанных экстремистскими организаций: Славянского Союза, Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ).

Однако самым востребованным и частотным является черно-желто-белый флаг, ставший в настоящее время традиционным и хорошо узнаваемым символом молодежных неонацистских течений.

2. Цифровая символика

Самым известным и актуальным цифровым символом современных националистов, бесспорно, является 14/88.

В современном националистическом молодежном дискурсе он трактуется следующим образом. Число 14 означает четырнадцать слов неонацистского идеолога Дэвида Лэйна: «We must secure the existence of our people and a future for White children» (в переводе с английского: «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей»). Возможно, что это числовая аббревиатура, так как число 88, предположительно, является закодированным приветствием «Heil Hitler!» («Хайль Гитлер!»). Эту мысль подтверждает и тот факт, что буква «Н» стоит в латинском алфавите на восьмом месте и в то же время означает 88 заповедей Дэвида Лэйна.

3. Символы, основанные на обращении к собственным именам лидеров и иных известных представителей националистских движений, а также к названиям экстремистских организаций.

Самым востребованным в молодежном экстремистском дискурсе стало имя Максима Марцинкевича, известного как Тесак, лидера общественной организации «Формат 18», которая была запрещена в сентябре 2010 г. за экстремизм, а ее лидер за последние годы дважды был осужден по статье 282.2 УК РФ.

4. Атрибутивная символика. В первую очередь – это изображения характерных атрибутов представителей современных молодежных националистических движений: бритые головы, черные военные ботинки, подвернутые джинсы, короткие черные куртки, узкие подтяжки.

5. Иные символы: питбуль (фото животного рядом с группой молодых людей с бритыми головами, изображение питбуля на черной куртке).

Вводя в научный оборот термин «националистическая символика», мы должны подчеркнуть, что, в отличие от нацистской символики, националистические символы требуют большего внимания, и в первую очередь – внимания экспертов. Многие из приведенных символов в своем «чистом» виде, то есть исключенные из молодежного экстремистского дискурса, теряют статус националистических: черно-желто-белый флаг – это исторический гербовый флаг Российской империи, а питбуль – не более чем представитель определенной породы собак.

Сказанное в целом расширяет терминологическое направление исследования экстремистского дискурса и намечает перспективы его дальнейшего дифференцированного изучения.

3.2. Свастика в молодежной субкультуре: принципы и методы анализа символики

История свастики в настоящее время известна всем: многие читали или писали о сакральных корнях этого символа. Однако трудно отрицать тот факт, что в XX в. свастика получила известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и в современном мире устойчиво ассоциируется именно с нацистской идеологией. В массовом сознании людей знак и слово «свастика» закрепились преимущественно как фашистский крест и связаны исключительно с именем Адольфа Гитлера, нацистской Германией 1933–1945 годов и Второй мировой войной [Барбашов 2014: 132].

В настоящее время все чаще на стенах школ и домов, на заборах мы видим не только давно ставшую традиционной для этих мест лексику, но и разнообразную символику. Зачастую это символика различных субкультур, в том числе проповедующих идеи нацизма: рядом со знаменитым словом из трех букв появился не менее знаменитый символ – свастика в виде «вращающегося» креста с загнутыми под прямым углом концами.

В первую очередь, внимание на данный символ обратили правоохранительные органы, занимающиеся профилактикой экстремизма и усмотревшие в этом рисунке нацистский символ. Применение же любой нацистской символики и прежде всего ее главного символа – свастики – в современной мировой юридической практике подлежит строгой регламентации. Хотелось бы подчеркнуть, что существующая в современной России юридическая практика регламентации использования свастики как центрального и самого узнаваемого нацистского символа, к сожалению, складывается неоднозначно.

В свою очередь, в современном научном дискурсе вопрос о юридической регламентации данного символа затрагивался неоднократно. В публикациях на эту тему традиционно поднимаются две проблемы. Первая связана с необходимостью определения цели использования указанного символа. Авторы единодушно приходят к мнению о том, что правонарушением следует признавать лишь использование свастики либо иного национального символа с целью пропаганды идей нацизма. Вторая проблема связана с отсутствием четких границ между такими понятиями, как «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой и символикой до степени смешения, что и позволяет использовать

данную юридическую лазейку как способ уклонения от ответственности, который возможен по следующим причинам.

С одной стороны, использование нацистской символики запрещено, что отражено в федеральных законах Российской Федерации № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» и № 80 «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

С другой стороны, данные законы отчасти противоречат друг другу: если первый запрещает только «пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций» [ФЗ 114, ст. 2], то второй запрещает ее «использование в любой форме» [ФЗ 80, ст. 6].

Еще раз обратим внимание на тот факт, что в научном и юридическом дискурсах неоднократно поднимался вопрос о том, что правонарушением следует признавать лишь использование свастики либо иного нацистского символа с целью пропаганды идей нацизма.

В связи с этим будет справедливо обратиться к опыту современной Германии, в законодательстве которой, с одной стороны, закреплена уголовная ответственность за распространение нацистской символики с целью пропаганды идей нацизма, с другой – разрешено ее использование «в целях гражданского образования, предотвращения достижения неконституционных целей, развития искусства или науки, исследований или обучения, информирования о ходе истории и иных целях» [Зусман, электронный ресурс].

Следующая проблема состоит в том, что понятия «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» носят всего лишь оценочный характер. Список нацистских символов приведен в комментариях к статье 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики» Кодекса РФ об административных правонарушениях [<http://kodeks-ob-admin-pravonarusheniyah.com>].

Свастика, безусловно, является главным элементом нацистской символики. Но современные исследователи [Зеленина 2009; Павлов 2012; Барбашов 2014 и др.] утверждают, что национал-социалисты использовали не свастику, а схожий по на-

чертанию символ *Nakenkreuz* – «хакенкройц», что в дословном переводе означает «крюкообразный крест». По мнению Р.В. Багдасарова, под определение «нацистской» символики может подходить лишь свастика черного цвета, стоящая на ребре под углом 45°, с концами, направленными в правую сторону. Именно такой знак находился на государственном знамени национал-социалистической Германии с 1933 по 1945 г., а также на эмблемах гражданских и военных служб [Багдасаров 2001: 20].

Однако необходимо вспомнить, что свастика является одним из самых древних и широко распространенных графических символов, который изображался и до сих пор изображается многими народами мира на предметах повседневного быта, одежде, монетах, вазах, оружии, знаменах и гербах, при оформлении церквей и домов [см., напр.: Багдасаров 2001; История свастики... 2008]. В связи с этим мы должны отметить, что в настоящее время лишь немногие специалисты, обладающие специальными познаниями в культурологии, религиоведении, либо лица, интересующиеся указанными отраслями знания, могут однозначно и уверенно отграничить нацистский «хакенкройц» от древней свастики. Для подавляющего же большинства любая свастика является нацистским символом. Об этом свидетельствует тот факт, что в современной практике молодежных националистических организаций нередко ошибочно используются перевернутая, «бегущая» свастика и свастика индуистская.

Именно поэтому в современном российском законодательстве запрещается использование не только собственно нацистской символики (определяемой, в первую очередь, по историко-политической принадлежности), но и символики, воспринимаемой в массовом сознании как нацистской, что обозначено в законе как «степень смешения». Специалист при этом должен определять не степень смешения, а образную, семантическую составляющую символа, которая прочитывается в определенном контексте.

Как следствие – важнейшими для анализа символики и отнесения ее к нацистской/экстремистской/националистической являются два фактора: цель (интенция) и контекст, позволяющий точно определить образную составляющую.

Обратимся к целям использования свастики в современных средствах массовой информации, и в том числе в карикатуре. В частности, нами была проанализирована карикатура, первоначально опубликованная на популярном сайте «*Carikatura.ru*», ко-

торый является крупнейшим в мире собранием авторских карикатур. На карикатуре был изображен человек в военной форме, держащий российский флаг с надписью «ЖКХ». Последняя буква аббревиатуры заменена свастикой. Данная карикатура неоднократно использовалась в СМИ и трижды становилась предметом судебных разбирательств. В ее основе лежит символ, сходный с главным нацистским символом – свастикой – до степени смешения, на что, в частности, указывает и военная форма человека, несущего флаг. Тот факт, что данный символ воспринимается читателями именно как свастика, был подтвержден в результате проведенных нами психолингвистических экспериментов и опросов, в ходе которых респондентам было предложено назвать ключевые символы карикатуры, охарактеризовать образ, объединяющий текст и иллюстрацию или описать содержание карикатуры одним предложением. Проведенные эксперименты дали однозначный, по сути, результат: все испытуемые (157 человек) в своих ответах использовали слово «свастика», а более 70 % использовали номинацию «фашист/фашизм». Сказанное позволяет сделать вывод о том, что символ (изображение свастики) является первым значимым для методики анализа элементом.

Добавим, что в данном примере свастика является лишь одним из элементов креолизованной метафоры, то есть метафоры, «основанной на сочетании, столкновении и, главное, взаимодействии нескольких образов различных знаковых систем» [Ворошилова 2012]. В рамках этой метафоры сталкиваются две сферы: сфера-мишень – ЖКХ (то есть жилищно-коммунальное хозяйство) и сфера-источник – нацизм фашизм. Первая является основной темой (предметом речи) статьи, а вторая – лишь средством оценки предмета речи. В связи с этим главный редактор газеты «Арсеньевские вести», получившей предупреждение Управления Роскомсвязьнадзора по Приморскому краю за использование данной карикатуры, в эфире радиостанции «Эхо Москвы», сказала: «...мы хотели показать, что наша система ЖКХ столь карательна, как и был фашизм».

Кроме сказанного, мы должны отметить еще два важных момента. Во-первых, любой нацистский символ зачастую воспринимается в нашей культуре как оскорбительный. Не случайно лексема «фашист» в современном русском языке используется как инвектива. В ходе проведенных нами психолингвистических исследований респонденты неоднократно указывали, на «грубость» метафорического образа, его излишнюю «жесткость».

Во-вторых, мы считаем неуместным, «неосторожным» в данной карикатуре использование образа российского государственного флага. Конечно, это можно объяснить структурой креолизованной метафоры, где образ флага связывает жилищно-коммунальное хозяйство с государством и таким образом усложняет объект критики. Но для правоохранительных органов это еще один повод привлечь автора к ответственности, что и было сделано в случае, когда журналиста осудили не за использование нацистской символики, а за нарушение порядка официального использования государственного флага, который регламентирован в Кодексе об административных правонарушениях (статья 17.10).

В скобках заметим, что аналогичный пример использования нацистской символики был зафиксирован в Свердловской области. На интернет-странице vk.com/gorodigbit был размещен креолизованный текст, состоящий из единиц различных знаковых систем – вербальных, визуальных и аудиальных элементов [Ворошилова 2013]. Важно, что настоящие элементы были рассмотрены в едином контексте с учетом того, что смысл креолизованного текста не складывается из простой суммы смыслов его составляющих.

Таким образом, в тексте о ЖКХ образ свастики стал орудием негативной оценки, критики или сатиры: его основной оценочный потенциал отрицательный, но вектор оценки направлен именно на ЖКХ. Вряд ли при таком использовании свастика может служить орудием пропаганды идей нацизма.

Отрицательный оценочный потенциал свастика нередко получает и в дискурсе городского граффити, где часто используется в качестве инвективы, под которой мы, опираясь на классическую работу «Как слово наше отзовется», понимаем языковые и неязыковые (визуальные, аудиальные и иные) средства, «закрывающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» [Базылев и др. 1998].

Современные подростки все чаще используют свастику как символ протеста – протеста против жизни взрослых, против строгих правил, против обидчиков. Учитель недооценил ученика – свастика на стене школы, избил хулиганы – появляется свастика на ближайшем заборе и т.д. Однако и в таких ситуациях мы не можем говорить о пропаганде нацизма.

Вторым значимым элементом для методики анализа символики является контекст. При проведении экспертизы важным является комплексный анализ всех представленных материалов, в том числе последовательный анализ контекста, чтобы охарактеризовать заданное «семантическое поле» (данный лингвистический термин мы используем в широком значении, понимая под ним семантическое ядро, семантический вектор восприятия). В широком значении мы используем и термин «контекст», под которым понимаем среду как совокупность различных факторов, заданных для функционирования (создания и интерпретации) определенного символа.

Наиболее существенными факторами контекста, с нашей точки зрения, являются вербальные, визуальные и аудиальные, а также ситуативные и культурные/субкультурные факторы. В рамках лингвистического исследования обязательным является учет первых трех факторов.

Ярким примером может служить карикатура, в центре которой изображена свастика, а внизу страницы текст: «Уберите 4 спички так, чтобы ваш друг-еврей испугался спичек в ваших руках». Данный текст косвенно указывает на классический символ нацизма – свастику – через ассоциации с геноцидом, возникающими посредством корреляции вербального (еврей) и визуального (свастика) уровней креолизованного текста карикатуры.

Исследование материала показало, что свастика используется в ряду иных символов, а именно:

а) символов, сходных до степени смешения с нацистской атрибутикой и символикой (знаменами, значками, атрибутами униформы и др.);

б) символов экстремистских организаций, то есть «официально зарегистрированной символики организации, в отношении которой вступило в законную силу судебное решение о ее ликвидации или запрете ее деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности»;

в) националистической символике, определенной нами как функционирующей в националистическом дискурсе, относящейся к национализму, к идеологии, передающей идеи национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющей общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам [см. подр.: Ворошилова 2014].

Все указанные символы содержат в своем значении единый компонент. Многочисленные психолингвистические экспе-

рименты показали, что в сознании современной молодежи данные символы включены в единое ассоциативное поле (агрессия, ксенофобия, нацизм, фашизм и др.) и часто связаны с понятием «национализм/нацизм».

С 2011 г. по настоящее время при поддержке Центра по противодействию экстремизму по Свердловской области мы собирали наиболее частотные националистические символы и атрибуты, в том числе – изображения свастики.

Представим наиболее существенные признаки контекста свастики в современном националистическом дискурсе. Эти признаки позволяют идентифицировать свастику как нацистский символ или символ, сходный с ним до степени смешения.

Вербальный контекст свастики представлен тремя типами подписей:

1. Номинация – прямое наименование, обозначение посредством лексемы/лексем явления, имеющего отношения к нацизму или национализму.

Самыми частотными являются лексемы, объединенные нами в тематическую группу «WHITE POWER!». Значительно реже были отмечены такие лексемы, как «национал-социализм» (прямая отсылка к нацистской символике) и «Русь» (лексема, хоть и распространенная в анализируемом дискурсе, но не дающая нам полноценного ответа о значении свастики в данном тексте).

WHITE POWER! – один из основных лозунгов правозэкстремистских и расистских групп в США и Европе, возникший в середине прошлого века. В современном молодежном националистическом движении часто используется как некий идентифицирующий знак, определяющий позицию автора, разделяющий «своих» и «чужих». Совместное использование двух столь популярных символов позволяет однозначно определить вектор интерпретации образа свастики.

Лозунг «WHITE POWER!» имеет самую частотную сочетаемость со свастикой, однако нередко он заменяется на условно обозначенные нами «контекстуальные синонимы»: WP (аббревиатура), Власть белых (перевод) (реже – белый хозяин), skinheads (как более широкое понятие, обозначающее само движение).

2. Комментарий – пояснения к тексту, к символу. Данный тип подписей используется реже всего.

3. Лозунг – призыв или обращение, в лаконичной форме выражающие некую (в нашем случае – националистическую) идею.

Лозунг – самый частотный тип подписей, сочетаемых со свастикой, но не все лозунги можно назвать националистическими. Мы выделили несколько тематических групп лозунгов, наиболее востребованных в современном молодежном националистическом дискурсе:

***Идеологические лозунги:**

Трезвая Россия! Чистота расы!

Идеологические лозунги не всегда открыто представляют националистические идеи, зачастую маскируясь под лозунги, призывающие к здоровому образу жизни, апеллирующие к нравственной чистоте.

***Лозунги-угрозы:**

Смерть жидам! Очистим Россию!

Лозунги-угрозы часто содержат не только противопоставление по национальному или расовому признаку, но и прямо или косвенно выраженную угрозу в адрес «чужих», не белых, не русских.

***Лозунги-призывы:**

Будущее принадлежит нам!

Именно ты! Стань машиной для террора!

Лозунги-призывы обращены к «своим»: они побуждают молодых ребят вступать в ряды организации, а свастика в данном случае выступает как идентифицирующий знак.

***Культовые лозунги:**

Идея без дела мертва! Welcome to RAGNAROK!

Ядром культовых лозунгов становятся прецедентные фразы, активно используемые современными националистами и тем или иным образом связанные с идеологией Третьего Рейха, например, «Идея без дела мертва» «Welcome to RAGNAROK». Все высказывания, бесспорно, являются прецедентными, так как используются как самостоятельные единицы и являются символами, знаками своей субкультуры, идеологии, в данном случае националистической.

Представленная классификация позволяет обозначить векторы взаимодействия семиотических рядов. Еще раз подчеркнем, что для полного исследования мы не должны ограничиваться лишь одним из семиотических рядов. Так, при анализе вербального контекста необходимо обращение к визуальному ряду. Например, было отмечено, что большинство надписей выполнены в прямолинейной, «рубленой» манере написания графем, что отсылает нас к скандинавским руническим симво-

лам, а также к готическому письму. Именно рунические символы стали в наше время своеобразным «почерком», маркером и нацизма, и современных националистических идеологий.

В свою очередь, в качестве наиболее частотного аудиального контекста для свастики как главного символа нацизма используются военные марши Третьего рейха.

Так, на интернет-странице «vk.com/gorodirbit» было представлено креолизованное высказывание, организованное посредством трех семиотических рядов – вербального, визуального и аудиального. Важно, что элементы этих рядов были рассмотрены в едином семиотическом ключе и объединены одной идеей, восходящей к идеологии нацистской Германии.

Вербальный элемент данного текста представлен следующим высказыванием: *«Такое чувство, что живу на территории оккупированной войсками Третьего Рейха. / Половины заводов нет. Граждане работают только за еду и оплату ЖКУ. Даже немецкие военнопленные лучше строили, чем братки из Единой России.»*

Визуальный элемент представлен изображением, сходным с полотнищем государственного флага РФ, и изображением креста с загнутыми концами в правую сторону и точек в каждом секторе креста.

Аудиальный элемент представлен записью с названием «Немецкие марши» – гимн дивизии СС «Хай Гитлер».

Единая для всех трех элементов анализируемого текста идея репрезентируется через обращение к историческим образам, связанным в сознании современных носителей русского языка с нацистской Германией. Вербальный уровень: «территории оккупированной войсками Третьего Рейха», «немецкие военнопленные». Аудиальный уровень: «Немецкие марши» – гимн дивизии СС «Хай Гитлер». Именно в этом контексте и прочитывается символ, изображенный на фоне полотнища государственного флага РФ.

Конечно же, контекст свастики (и других символов) не является постоянной величиной – он зависит от представленного специалисту материала исследования. Однако анализ изолированного от контекста символа не дает достоверных результатов, что неоднократно было проверено на практике. Как следствие – мы настаиваем на том, что методика оценки символики должна с необходимостью включать такие этапы исследования, как а) интенциональный (целевой) анализ; б) контекстуальный ана-

лиз; в) анализ элементов двух и более семиотических рядов в их органичном взаимодействии. Данную методику можно, с нашей точки зрения, считать базовой для анализа свастики и, возможно, для исследования иных символов экстремистского дискурса.

В дополнение к сказанному обратимся к вопросу о реконструкции культурных смыслов визуальных символов. Мы неоднократно отмечали, что даже в современной практике молодежных националистических организаций нередко ошибочно используются перевернутая, «бегущая» свастика и свастика индуистская. Однако подобного рода факты нередко вызывают закономерный вопрос: «Ошибка ли это или специальный манипулятивный прием?».

Именно поэтому в современном российском законодательстве запрещается использование не только собственно нацистской символики, определяемой, в первую очередь, по ее историко-политической принадлежности (знамена, значки и др.). Запрещено и использование символики, воспринимаемой нацистской в массовом сознании, что обозначено в законе как «степень смещения». Специалист при этом должен определять не собственно степень смещения, а образную, семантическую составляющую символа, которая прочитывается в определенном контексте (о методике анализа образной составляющей см.: [Ворошилова 2015]).

Десятилетний опыт исследования современного молодежного националистического дискурса позволяет утверждать, что подобная практика «оправдания» символа используется не только относительно свастики, но и ряда других символов. Например, все более обсуждаемым в последние годы становится уже традиционный символ современных националистов – черно-желто-белый имперский флаг. Эксперименты доказывают, что в современном сознании молодежи черно-желто-белый флаг связан с современными националистическими организациями, часть респондентов (от 2 % до 7 %) называет его германским или фашистским. Имперский флаг воспет в песнях российских ультраправых групп («Коловрат», «Гр. Ом.», «Лабарум», «Моя дерзкая правда» и др.), активно используется на «Русских пробежках» и «Русских маршах», является базовым визуальным элементом таких креолизованных пропагандистских текстов, как плакат, карикатура, демотиватор и др. Представители националистических организаций полагают, что именно эта цветовая комбинация наиболее соответствует исконной русской

государственности и объясняют использование Имперского флага тем, что именно с этим флагом (как государственным символом России) связан золотой век Российской империи: «Остается верить, что старый Имперский флаг сплотит и усилит дальнейшее объединение Русских национальных патриотических движений. Если подумать, это ведь единственное наше государственное знамя, под которым Россия не потерпела НИ ОДНОГО поражения, знамя, ничем себя не запятнавшее и с честью прошедшее сквозь века» [<http://nechtoportal.ru/otechestvennaya-istoriya/istoriya-imperskogoflaga.html>]. Следовательно, мы можем констатировать, что данный символ взят на вооружение современными националистами не из религиозных побуждений, как это произошло со свастикой или коловратом. Имперский флаг – это способ неявной апелляции к истории, причем истории военной, героической. Таким образом, к числу основных технологий адаптации символа к задачам современного националистического дискурса следует отнести как технологию сакрализации, так и технологию героизации.

Данные технологии могут иметь разные векторы реконструкции культурных смыслов. Так, описанные выше технологии с применением символа свастики и имперского флага мы обозначили как прямые – в этих случаях вектор идет от истории к современности, изменяется лишь точка отсчета.

Вместе с тем нами зафиксированы и примеры обратной реконструкции, когда современному националистическому символу приписываются несуществующие исторические корни. Так, анализ образа волка в современном националистическом дискурсе (в частности, изображение головы волка в качестве эмблемы движения «Сопротивление») свидетельствует об отсутствии прямых связей данного образа с образами, релевантными для Третьего Рейха, или какими бы то ни было аналогичными образами из истории России (вспомним, например, «Волчью сотню»). Учитывая высокую популярность данного зооморфного символа в современном националистическом дискурсе, говорить о прямом наследовании образа, конечно, не стоит. Но мифологическая связь с прошлым позволяет националистам придать указанному образу желаемое семантическое и эмоциональное наполнение, зарядить его сильнейшим прагматическим потенциалом, оставаясь при этом юридически неуязвимыми.

Таким образом, прямая реконструкция нередко служит своеобразным щитом от юридического преследования и позво-

ляет скрыться от ответственности (в таком случае, например, свастика трактуется не как нацистский, а как широко известный религиозный символ), в то время как обратная реконструкция, напротив, необходима для того чтобы вписать новые символы в уже существующий националистический дискурс.

Искажение исторических связей свойственно не только обратной реконструкции, но и прямой. В этом случае происходит не просто подмена отправной точки образа, определяющей его современное значение, как это мы увидели на примере со свастикой, а создается новая «мифическая» история. Например, все большую популярность среди молодежи получает новая трактовка истории нацистского приветствия – зига. С исторической точки зрения она восходит к «римскому салюту», с «мифической» же – к языческому приветствию Солнца. И в этом случае прямая, пусть и «мифическая», реконструкция визуального символа вновь служит для его юридического оправдания и наполнения новым, «более славянским», смыслом.

В целом реконструкция культурных смыслов визуальных символов – широко востребованный в современном националистическом дискурсе процесс. Функциями реконструкции являются, с одной стороны, пропаганда националистических идей, с другой – попытка скрыться от юридического преследования.

В заключение остановимся на ассоциативном методе анализа свастики: ведь именно ассоциации являются базой для моделирования и анализа языкового сознания «усредненного» носителя языка, именно они несут важную когнитивную или прагматическую информацию, передают не только знания о мире, но и отношение к нему.

В настоящее время в Рунете наиболее популярными являются три электронных ресурса, которые, с одной стороны, предоставляют возможность «игры в ассоциации с коллективным разумом», а с другой – возможность проанализировать полученные результаты. Иными словами, эти ресурсы выполняют функцию «словаря ассоциаций, собранного вручную на основе коллективного ассоциативного эксперимента». Это:

- Карта слов и выражений русского языка (kartaslov.ru);
- Sociation.org – игра в ассоциации с коллективным разумом (<http://sociation.org/>);
- Словарь ассоциаций beta (<http://slovesa.ru/>).

В связи с развитием компьютерной лингвистики ежегодно появляются все новые и новые программы, которые по за-

данному алгоритму обрабатывают те или иные массивы текстов и создают собственные словари ассоциаций. К таким словарям относится словарь ассоциаций и синонимов «Рерайт». «В основе процесса формирования списка ассоциаций, а также релевантных для него действий и свойств лежит программный комплекс, разработанный компанией “Исходный код”. Данное программное обеспечение позволяет анализировать русскоязычный текст и пополнять базу знаний в режиме реального времени. В основе источника информации лежат произведения русской литературы и контент популярных интернет ресурсов» [<http://www.reright.ru/>].

В подобных источниках материал представлен по принципу классического прямого ассоциативного словаря, организованного по принципу «от стимула к реакции». Реакции в статьях расположены в порядке убывания их частотности, хотя сама частотность указана лишь в двух проектах: sociation.org и kartaslov.ru. Но и эта информация ограничена: полученные ассоциации делятся на три группы по степени частотности, однако это лишь самая общая (не детализированная) дифференциация.

Мы должны отметить два отличия данных ресурсов от «нормативных» ассоциативных словарей. Во-первых, это почти неограниченный спектр стимулов, среди которых представлены и имена собственные, и инвективная лексика, и многое другое, что в целом позволяет получить максимально полный материал для исследования.

Во-вторых, это ассоциации, рожденные в процессе игры, то есть полученные вне всякого давления и контроля, не стесненные запретами, не ограниченные нормами и правилами, что практически невозможно осуществить в классической методике проведения ассоциативного эксперимента, в котором основными действующими лицами, как правило, являются учитель – ученик, преподаватель – студент. Факторы текстообразования в таких случаях максимально личностные, индивидуально-авторские, а появление ассоциаций в минимальной степени детерминировано внешними (социальными, системными и др.) условиями.

Главное же состоит в том, что данные проекты действуют без временных ограничений, пополняются постоянно и чутко реагируют на все изменения во внешней среде, а значит, позволяют сделать актуальный, «свежий» срез современного материала.

Представим методику анализа материала, полученного вышеописанным путем.

Первоначально мы провели «апробацию» системы. Для апробации мы выбрали хорошо исследованный и подробно описанный образ Родины. Данный образ зафиксирован в классических ассоциативных словарях и проанализирован рядом исследователей. Так, в работе Г.А. Черкасовой «Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских» описаны изменения ассоциативно-вербальной модели языкового сознания современных русских, осуществлен анализ образа Родины в рамках временных срезов, которые зафиксированы в трех ассоциативных экспериментах путем анализа выборок и проекций из интегрированной базы данных «Ассоциативный образ носителя русского языка». Ряд исследований образа Родины проведен в рамках изучения региональной и культурной идентичности. Основным материалом исследования послужили ассоциации на слово «Родина», представленные на интернет-ресурсах (<https://wikivox.ru/>, <http://sociation.org/>, <http://slovesa.ru/>) и в словарях (РАС, САС) (о «вольных» ассоциациях как способе изучения неформальной политической коммуникации см.: [Ворошилова 2016]).

В ходе апробации мы получили сопоставимые результаты, которые, с одной стороны, отражали стереотипность ассоциативного образа, с другой – репрезентировали веяния времени, что позволяет использовать данный ресурс и в последующих исследованиях.

В центре нашего внимания оказались «ключевые слова» экстремистского дискурса, и в первую очередь, слово «свастика».

Как было сказано выше, в последние годы свастике неоднократно пытались вернуть ее религиозную семантику. Технология сакрализации – это один из самых распространенных способов адаптации символа к современному экстремистскому дискурсу. В свою очередь, ответ на вопрос об эффективности данной технологии мы попытались найти в современных ассоциативных словарях, но ни в одном из «классических» словарей свастика в качестве слова-стимула не была представлена. В результате мы обратились к «Народным словарям ассоциаций». Итоги наших поисков свидетельствует о том, что во всех пяти «Народных словарях» стимул «свастика» представлен, хотя количество реакций существенно отличается (от 9 единиц до 64).

На первоначальном этапе мы составили общий список реакций (всего было зафиксировано 146 единиц). Так как час-

тотность в указанных источниках не представлена, мы составили собственный рейтинг реакций. Во-первых, все реакции получили индекс от 1 до 3. Как отмечалось выше, в двух источниках реакции по степени частотности были распределены на три группы (3 – самые частотные, 1 – менее частотные). Данные иных словарей по принципу частотности мы распределили на три равные группы.

Во-вторых, мы выделили те реакции, которые повторялись в различных источниках (отметим, что не было ни одной реакции, которая была бы зафиксирована во всех словарях). Попытаемся обобщить результаты, применив количественный метод.

Трижды были отмечены следующие реакции: фашист (средний индекс 1,4)¹; символика (1,4); коловрат (1,4); символ (1,4); крест (1).

Дважды: нацист (1,2); флаг (1,2); петлица (1); коготь (1); коловрат (1); круг (0,8); повязка (0,8); фашизм (0,8); лацкан (0,8); Гитлер (0,8); нацизм (0,8); Фюрер (0,8); рукав (0,8); эсэсовец (0,8); серп (0,8); круг (0,4); Индия (0,4); фюзеляж (0,4).

Результаты позволяют отнести данные реакции к ядерным.

Но количество реакций не позволяет сделать однозначного заключения, поэтому на следующем этапе все выделенные реакции мы распределили по тематическим блокам. Для оценки стимула «свастика» мы опирались в первую очередь на самые продуктивные тематические группы, в составе которых было зафиксировано не менее десяти реакций (в их число как обязательные были включены популярные, описанные ранее реакции):

1. Свастика – это символ (10 реакций: символика, символ, атрибут, геральдика, эмблема, изображение, логотип, знак, орнамент, крест).

В данную группу были объединены общие наименования символа и описание свастики как графического символа. Данные реакции лишены тех или иных коннотаций, они нейтральны.

2. Свастика – связь с группой «Коловрат» (13 реакций: коловрат, круговорот, колесо, солнцеворот, коловорот, солнце, окружность, вращение, кручение, смена, круг, оберег, уроборос).

Коловрат – символ известный как «слаянская свастика», включающий, как и свастика, два важных исторических компонента: солнце и вращение. Отметим, что именно через обраще-

¹ Средний индекс высчитывался по формуле: $(i1+i2+i3+i4+i5)/5$, где i индекс популярности от 1 до 3. Чем ниже индекс, тем менее популярна данная реакция.

ние к славянскому образу коловрата, через поиск единых корней в современном экстремистском дискурсе реализуется технология сакрализации. Допущенные респодентами ошибки (круговорот, коловорот) в целом не противоречат этой мысли.

3. Свастика – атрибут фашизма в целом (14 реакций: фашист, нацист, фашизм, Гитлер, нацизм, Фюрер, эсэсовец, Германия, гитлеровец, Рейх, Верхмат, Адольф, националист, немцы).

В тематическую группу «Фашист» (группа названа по самой популярной реакции) объединены обозначения политических течений (фашизм и нацизм тесно связаны в нашем сознании) и лиц их представляющих, а также реакции, ассоциативно связанные с данным понятием, например, такая реакция, как Германия. Данная группа выполняет функцию маркера принадлежности и еще раз доказывает, что свастика в современном сознании носителей русского языка – устойчивый символ фашизма.

4. Свастика – военная атрибутика (32 реакции: флаг, штандарт, знамя, петлица, повязка, лацкан, рукав, фюзеляж, значок, полотнище, нашивка, каска, фуражка, вымпел, униформа, китель, френч, мундир, штурмовик, погон, борт, крыло, рукоятка, парус, рубка, пиджак, ворот, рукоять, брошка, шлем).

Понятие «военная атрибутика» мы используем широко, понимая под ним все, на что может быть нанесен этот символ. Но все вещи, предметы тем или иным образом связаны с военной тематикой, будь то часть самолета или петлица на лацкане пиджака. Частотность реакций в рамках данной группы доказывает, что для значительной части испытуемых свастика является военным символом, связанным с военной формой, техникой или иной военной атрибутикой. Сказанное вновь отсылает нас к нацистскому символу, тесно связанному со Второй мировой войной.

Таким образом, в сознании носителей русского языка (любителей «онлайн-игр в ассоциации») закреплено восприятие свастики как нацистского символа, а технология сакрализации, столь активно используемая в современном экстремистском дискурсе, пока не подтвердила свою высокую и полную эффективность.

Обобщая методы и методики исследования свастики в современном экстремистском дискурсе, мы хотели бы подчеркнуть следующее. Базовая, инвариантная методика исследования свастики, а возможно, и иных символов, соотносимых с данным форматом дискурса, должна с необходимостью иметь минимальную трехкомпонентную структуру. Это: 1) интенциональный анализ; 2) контекстуальный анализ; 3) анализ двух и более

семиотических рядов в составе креолизованного сообщения. При необходимости указанный инвариант может быть дополнен 4) методом исследования прямой и косвенной реконструкции культурных смыслов и 5) методом свободного и направленного ассоциативного эксперимента на материале как репрезентативных источников (классических словарей), так и интернет-ресурсов, фиксирующих свободные ассоциации, полученные вне дискурсивного давления на реципиентов. Сказанное может быть дополнено и другими компонентами (шагами, этапами) анализа символики (например, ее типологизацией), что, без сомнения, повысит верифицируемость экспертного исследования в целом.

Что касается СМИ и иных орудий пропаганды, то они должны быть осторожными со столь опасным инструментом, как свастика, чтобы суметь сохранить грань между сатирическим приемом, иллюстративным материалом и средством разжигания национальной вражды.

ЛИТЕРАТУРА

Айтрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В.А. Барabanщиков. М. : Когито-Центр, 2015. 410 с.

Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М. : Юристъ, 2008. 144 с.

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Академия, 2003. 128 с.

Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста // Научные док. высш. шк. Филологические науки. 1996. № 5. С. 74–84.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Афтанас Л.И. Анализ вызванной синхронизации и десинхронизации ЭЭГ при восприятии угрожающей и положительной эмоциональной информации: влияние фактора личностной тревожности ; Гос. учреждение НИИ физиологии СО РАМН // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2004. Т. 54. № 4. С. 473–481.

Багдасаров Р. Свастика: священный символ : этнорелигиоведческие очерки. М. : Белые Альвы, 2001. С. 432.

Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорочкин Ю.А. Как наше слово отзовется? // Советская юстиция. 1998. № 4–7

Баранова Т.С., Эмоциональное «Я – Мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности) // Социология: 4М. Декабрь 2002. № 14. С. 70–101.

Барбашов В.П. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах // Филология и человек. 2014. № 4. С. 131–137.

Басовская Е.Н. Политическая терминология в языковом сознании семнадцатилетних (по материалам ассоциативных экспериментов 1991, 1995 и 2004 гг.) // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 12–19.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Белоконева А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала холодной войны : дис. ... канд. социол. наук : 23.00.02. М., 2004.

Бережная М.А. и др. Восприятие телевизионной передачи «Сегодня в мире» в студенческой аудитории // Вестн. ЛГУ. Сер. История. Язык. Литература. 1985. № 23.

Бессонова Ю.В., Обознов А.А., Лобанова Л.А. Использование айтрекинга для диагностики мотивации личности // Айтрекинг в психологической науке и практике. М. : Когито- Центр, 2015. С. 147–157.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Большакова Л.С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 2 С. 119–123. Режим доступа: www.science-education.ru/21-703 (дата обращения: 26.05.2011).

Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2014. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=граффити&all=x> (дата обращения 17.03.2016).

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография. Барнаул, 2009.

Буданцев Д.В. Индивидуальные особенности показателей ЭЭГ у мужчин и женщин при восприятии сложных текстов : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.13. Самара, 2004. 19 с.

Булатова Э.В. и др. Эмоционально-оценочная сторона медиатекста: текстопостроение и текстовосприятие // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 4 (144). С. 69–77.

Вашунина И.В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста : монография. Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2007. 421 с.

Винникова Т.А. Когнитивные модели понимания кинотекста // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 114–117.

Винникова Т.А. Моделирование механизмов понимания кинотекста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Омск, 2010.

Военная нашивка // E.W.W. Fowler «Нацистские регалии». Прага, 1997.

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : монография ; Урал.гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 194 С.

Ворошилова М.Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94–99.

Ворошилова М.Б. Пятая ветвь власти: функции политического юмора // Образование и наука : материалы 4-й рег. Науч.-практ. Конференции (Новоуральск, апр. 2010) / Урал. Гос. Пед. Ун-т. Новоуральск, 2010. С. 113–116.

Ворошилова М.Б. Свастика в современной русской карикатуре // юмор и сатира в координатах XXI века : сборник науч. статей по материалам 1 Междунар. науч.-практ. конф. / Центр за научни изследвания и информация «Парадигма». Варна, 2015. С. 26–29.

Ворошилова М.Б. Игра в слова «Вольные ассоциации как способ изучения неформальной политической коммуникации // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. Концептуальный и лингвальный миры. СПб., 2016. С. 504–508.

Ворошилова М.Б., Злоказов К.В. Русское лото 18 из 1488: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Уральский филологический вестник ; Урал. гос. пед. ун-т. Вып. 4 / гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2013. С. 69–82.

Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., Карапетян А.А. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 181–190.

Ворошилова М.Б., Карапетян А.А. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе: из практики определения // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. С. 51–53.

Ворошилова М.Б., Карапетян А.А. Свастика на стенах школ: принципы лингвистического анализа символики // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы V Междунар. научно-практ. конф. Ростов на/Д. : Донское книжное издательство, 2015. С. 7–13.

Ворошилова М.Б., Порозов Р.Ю., Грибан И.В. Образ волка в современном экстремистском дискурсе: в поисках истоков // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сборник статей III международной научной конференции / под ред. канд. филол. наук, доц. Д.В. Шапочкина. Тюмень : Вектор Бук, 2016. – 120 С.

Гольдин В.Е. Толерантность и проблемы современной разговорной речи // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тезисы докладов. Екатеринбург, 2000. С. 76–87.

Горбачева О.Н., Каменева В.А. Визуальные стилистические средства в социальной интернет-рекламе, или зарождение визуальной стилистики текста // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 124–127.

Громов Д.В. Прагматика современной молодежной речи // Труды МГПУ. Вып. 4. М., 2007. С. 148–156.

Громов Д.В. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. 2008. № 1.

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2004.

Гулиев Н.А., Руженцева Н.Б. Газетно-журнальные жанровые разновидности как форма связей с общественностью: политический и рекламный дискурс: учебный дискурс : учебное пособие. Омск : Омский государственный институт сервиса, 2006.

Демин А.А., Кашкин В.Б. Взаимодействие языка и среды в текстах граффити // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2001. Вып. 1. – С. 15–19.

Дж. Брунер. Психология познания. За пределами непосредственной информации. Пер. с англ. М. : Прогресс, 1977. 413 с.

Димке Д., Боярских Е. Иркутские граффити война на стенах. Иркутск, 2001.

Дмитриев А.В. Социология юмора [Электронный ресурс] // Очерки РАН, отд. философии, социологии, психологии и права. М., 1996. 214 с. Режим доступа: www.auditorium.ru/books/4212/.

Жарков Г.В. Рискованные практики в современных молодежных субкультурах и оформляющие их тексты: тенденции развития // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М. : Форум, 2015. С. 166–180.

Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики : монография. М. – Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000. 264 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1981

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику : учебник. 2-е изд, испр. и доп. М. : РГГУ, 2007. 560 с.

Зеленина, О.В., Сулонов, П.Е. 2009: Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов : научно-практическое пособие. Екатеринбург.

Зенькова А.Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2004/9.pdf> (дата обращения: 07.11.2014).

Злоказов К.В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 210–216.

Злоказов К.В. и др. Зрительные характеристики восприятия креолизованных текстов деструктивной направленности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 1 (147). С. 92–101.

Зусман Е. Запрет на изображение свастики в России и зарубежных странах: законодательство и практика судов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifacom.ru/files/Monitoring/2009/zusman_no_swastika.pdf.

Яценко Г.С. Утверждение о факте: форма и содержание // Юрлингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика, 2012.

Иншаков С.М. Криминология : учебник для вузов. М. : Инфра-М., 2002.

История свастики с древнейших времен до наших дней. Н. Новгород : Книги, 2008. С. 528

Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2009. С. 183.

Казанцева Я.Н. Образ Родины в языковом сознании татар Приенисейской Сибири // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей. 2011. Т. 2. № 2. С. 38–42.

Каленых Е.В. Текст как предмет психолингвистического исследования: природа текста, взаимодействие «автор – читатель» и читательские оценки [Электронный ресурс] // Наука и школа. 2012. № 6. С. 71–73. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/42582375.pdf>.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. 2000. С. 191–206.

Кодекс РФ об административных правонарушениях. Ст. 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kodeks-ob-admin-pravonarusheniyah.com/statya-20-3-propaganda-i-publichnoe-demonstrirovanie-nacistskoj-atributiki-ili-simvoliki/>.

Колесник М.А. Специфика общероссийской и региональной культурной идентичности студентов сибирского федерального университета на основе результатов ассоциативного эксперимента со словом «родина» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 595.

Кон И.С. Исторические судьбы русского эроса // Русский эрос. М., 1999. С. 245–268.

Котляренко Ю.Ю. Комиксы, карикатуры, экранная культура против идеологии терроризма в молодежной среде // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2015. № 1 (30). С. 77–80.

Крюкова Н.Ф. Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста // Языковое общение: процессы и единицы : сборник научных трудов ; Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1988. С. 81–86.

Кубрякова Е.С. Смена парадигм знания в лингвистике XX века // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы : тезисы международной конференции. М. : Филология, 1995. Т. 1. С. 278–280.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Кубякин Е.О. Проблема криминализации молодежной культуры // Вестник КРУ МВД России. 2009. № 4 С. 185–186.

Кузнецов М.В. Смысловое наполнение понятия «Футбольные фанаты» // Аналитика культурологии. 2014. № 29. С. 149–152.

Лазарева Э.А. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе СМИ // Лингвистика. 2003. Вып. 11. С. 103–112.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

Ларионова А.Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити) : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011.

Лебедева Н.Б. Студенческое граффити: жанроведческий аспект (Часть первая: Пациент «Автор») // Вестник Алтайской науки. Образование. Барнаул, 2001. С. 83–87.

Лебедева Н.Б., Небольсина М.С., Кузьмина М.В., Кудакова Т.Н., Косых Н.И. Естественная русская речь как объект лингвистической практики [Электронный ресурс] // Вестник Алтай-

ского государственного педагогического университета. 2002. № 2–2. С. 35–40. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18956802> (дата обращения: 17.03.2016).

Леонтьева С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08. Тверь, 2006.

Ложкова Т.А. Фанатская кричалка и политический дискурс: к вопросу о специфике бытования современного молодежного фольклора // Политическая лингвистика. 2015. № 53. С. 216–219.

Лурье М.Л. Знакомьтесь: Граффити // Педология. 2001. № 2. С. 11–17.

Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978. 216 с.

Мейтин А.А. Субкультура футбольных фанатов и ее место в криминальной субкультуре // Закон и судебная практика. Т. 4. Краснодар : КЮА МВД России, 2003.

Мейтин А.А. Преступления футбольных болельщиков. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками и их предупреждение. М. : Школа охраны «Баярд», 2005.

Муранова О.С. Способы выражения позиции автора в тексте научно-популярной статьи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 89. С. 238–244.

Нежура Е.А. Интегративный характер исследований поликодовых текстов в современной науке [Электронный ресурс] // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития : материалы международной научно-практической конференции (4 октября 2011 г.). Украина. Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-311/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-311/7630-integrative-nature-of-research-polikodovyh-texts-in-modern-science>.

Нежура Е.А. Концептуальная интеграция в креолизованном тексте как особая среда для реализации проксимации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 3 (32). С. 66–70.

Нежура Е.А. Специфика проксонимических сближений в креолизованных текстах (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Курск, 2012. 22 с.

Николайшвили Г.Г. Социальная реклама. М., 2008.

Обелюнас Н.В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиций событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. М. : Мир, 1972. С. 278–298.

Павлов А.Н. Свастика – символ под запретом // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 10. С. 137–142.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристконсультантов. М., 2004.

Плуцер-Сарно А. Магия современного города // Русский журнал. 1998. № 122. С. 84–96.

Психолингвистическая экспертная система ВААЛ (R): руководство пользователя. М., 2002. С. 4.

Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=856&pub_name.

Руженцева Н.Б., Шустрова Е.В., Ворошилова М.Б. Юмор и ирония в политическом дискурсе : монография ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. 253 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.

Русский ассоциативный словарь. В 6 кн. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова М., 1994–1998.

Рыдченко К.Д. Некоторые особенности обеспечения запрета пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 60–65.

Самсонов Н.Б., Чмыхова Е.В., Давыдов Д.Г. Разработка и апробация лингвистической методики оценки когнитивной сложности научно-учебного текста [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 41. С. 6. – Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.01.2017).

Сарна А. Визуальная метафора в дискурсе идеологии // Палітычная сфера. 2005. № 4. С. 55–60.

Скорородова А.С. Граффити: значение, мотивы, восприятие // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 37–53.

Скорородова А.С. Вандализм // Социологический журнал, 1999.С. 3–14.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М.,1977.

Смирнов И.О. Проблема «перехода» в теории актуального членения [Электронный ресурс] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. Вып. 3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-perехoda-v-teorii-aktualnogo-chleneniya> (дата обращения: 24.03.2016).

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис. ... д-ра фил.наук. М., 2006. 44 с.

Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.

Степнова Л.А. Изучение экономического сознания методом семантического дифференциала // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 65–71.

Строганов М.В., Боровик Р.А. Футбольные кричалки и речевки как жанры городского фольклора // Культура и текст. 2014. № 2 (17). С. 195–227.

Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности : учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / сост. Л.З. Подберезкина, Е.Ю. Федоренко. Красноярск, 2012. – Режим доступа: http://ipps.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu-kras.ru/files/publications/sudeb_psih_ekspert_psih-lingvistich_ekspertiza_material_ekstrem_napravlennosti.pdf.

Тюкаева Н.И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Барнаул, 2005. 229 с.

Фатеев Д.Н. Позднетрадиционный фольклор. Классификация жанра футбольная кричалка // Русский язык за рубежом. Учебно-методический журнал. 2012. № 3 (232). С. 80–84.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов» от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ.

Филиппович А.Ю. Автоматизированная система научных исследований ассоциативных экспериментов (АСНИ АЭ) // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 143–153.

Халиуллина Л.И. Спортивный экстремизм: подходы к определению и пути преодоления // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 223–225.

Харламова Т.М. Психологическое содержание агрессивности футбольных фанатов // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 5. С. 132–133.

Христофорова Н.И. Корреляции вербального и невербального в немецком научно-популярном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. – 20 с.

Цветкова Н.В. Визуальная репрезентация словесных тропов в рекламных текстах (на материале англоязычной рекламы) // Филология и человек. 2009. № 2. С. 145–155.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М. : Галерея, 2001. 183 с.

Черкасова Г.А. Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 105–122.

Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация : учебное пособие. М. : Флинта, 2009.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1, 3, 4.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шевякова В.Е. Актуальное членение предложения // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : СЭ, 1990. С. 22–23.

Шелепов О.М. Студенческие граффити // Мир языка и межкультурная коммуникация : материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть II. Барнаул, 2001. С. 180–183.

Шелестюк Е.В. Семантический дифференциал как способ выявления внушающего воздействия текстов // Языковое бытие

человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспект : материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. М. : ИНИОН РАН, АСОУ, 2009. С. 329–333.

Шустрова Е.В. Методика анализа графических метафор // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 70–80.

Щенникова О.Н. Неформальная коммуникация в политике // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–1. С. 207–208.

Экстремистский текст и деструктивная личность : монография / Ю.А. Антонова, Л.Е. Веснина, М.Б. Ворошилова, К.В. Злоказов, Ю.Р. Тагильцева, А.А. Карапетын ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. 272 с.

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. : Локид-Пресс, 2003.

Якуба А.В. К вопросу о теоретико-методологических основаниях социологического анализа субкультур фанатов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 45–48.

Austin J.L. How to do things with words. Cambridge (Mass) : Harvard univ. press, 1962.

Bagdasarov R. Svastika: svyashchenny simvol : etnoreligiovedcheskie ocherki. M., 2001.

Barbashov V.P. Intentsional'noe znachenie «svastiki» kak otrazhenie kollektivnoy intentsional'nosti v kreolizovannykh tekstakh // Filologiya i chelovek. 2014. № 4. P. 131–137.

Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement, Les Éditions de Minuit, 1979. 680 p.

Özman A., Yakin A.Y. The symbolic construction of communism in Turkish anti-communist propaganda during the Cold War // Journal of Language and Politics. Vol. 11 (4). 2012. P. 583–605.

Pavlov A.N. Svastika – simvol pod zapretom // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2012. № 10. P. 137–142.

Ross C. Mass Politics and the Techniques of Leadership: The Promise and Perils of Propaganda in Weimar Germany // German History. 2006. № 24 (2). P. 184–211.

Rydchenko K.D. Nekotorye osobennosti obespecheniya zapreta propagandy i publichnogo demonstrirovaniya natsistskoy atributiki i simboliki // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2009. № 2. 60–65.

Voroshilova M.B., Karapetyan A.A. Natsionalisticheskaya atributika i simbolika v sovremennom molodezhnom ekstremistskom

diskurse: iz praktiki opredeleniya // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ekaterinburg, 2014. P. 51–53.

Voroshilova M.B., Karapetyan A.A. Svastika na stenakh shkol: printsipy lingvisticheskogo analiza simvoliki // Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya : materialy V-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov n/D., 2015. P. 7–13.

Yegorova N.A. The rehabilitation of nazism: Criminal law analysis // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2015. № 9 (3). P. 494–503.

Zelenina O.V., Suslonov P.E. Metodika vyyavleniya priznakov ekstremizma. Protseessual'nye issledovaniya (ekspertizy) audio-, video- i pechatnykh materialov : nauchno-prakticheskoe posobie. Ekaterinburg, 2009.

Zusman E. Zapret na izobrazhenie svastiki v Rossii i zarubezhnykh stranakh: zakonodatel'stvo i praktika sudov. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/2009/zusman_no_swastika.pdf.

Монография

Эволюция лингвистической экспертизы:
методы и приемы

Компьютерная верстка Ю.А. Мухиной

Подписано в печать 15.12.2017. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. – 11,7.
Тираж 500 экз. Заказ 4948.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru